

Наталия Шитова

ДЕРЗКАЯ

«Силуэты снов» «Клятва Примара»
«Ближний круг»

Наталия Шитова

**Дерзкая. «Силуэты снов»,
«Клятва Примара»,
«Ближний круг»**

«Издательские решения»

Шитова Н.

Дерзкая. «Силуэты снов», «Клятва Примара», «Ближний круг» / Н. Шитова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835225-6

Фантастический цикл «Дерзкая» («В Эдеме Евы нет») включает три романа: «Силуэты снов», «Клятва Примара» и «Ближний круг». Желание раскрыть старую тайну привело юную Катю Орешину на порог параллельной реальности. Один неосторожный шаг — и невозможно вернуться назад, законы выживания на перекрёстках миров суровы. Иногда только смерть, а вслед за ней новое воплощение — единственный способ вернуться обратно к тем, кого любишь...

ISBN 978-5-44-835225-6

© Шитова Н.
© Издательские решения

Содержание

Силуэты снов	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	54
Глава 6	66
Глава 7	78
Глава 8	91
Глава 9	103
Глава 10	116
Глава 11	127
Глава 12	141
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Дерзкая «Силуэты снов», «Клятва Примара», «Ближний круг»

Наталия Шитова

*Когда метель кричит, как зверь —
Протяжно и сердито,
Не запирайте вашу дверь,
Пусть будет дверь открыта.
И если ляжет дальний путь
Нелёгкий путь, представьте,
Дверь не забудьте распахнуть,
Открытой дверь оставьте.
И, уходя в ночной тиши,
Без долгих слов решайте:
Огонь сосны с огнём души
В печи перемешайте.
Пусть будет тёплой стена
И мягкой — скамейка...
Дверям закрытым — грош цена,
Замку цена — копейка!*
Б. Окуджава «Песенка об открытой двери»

© Наталия Шитова, 2017

ISBN 978-5-4483-5225-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Силуэты снов

Глава 1

Клиент смотрел на меня, как на ходячее недоразумение, и раздражение сквозило в каждом жесте этого строгого, хмурого человека. Вид его говорил о том, как он возмущён тем, что ему подсунули какую-то девчонку, а она даже не собирается отрабатывать гонорар.

– Я говорю достаточно ясно, – произнёс он с расстановкой, – никаких других данных о жене у меня нет. Все документы я передал вашему боссу при первой нашей встрече. И никаких других писем от неё я не имею вот уже полгода.

– Вы уверены в этом?

Он демонстративно вскинул руку и посмотрел на часы, а затем коротко бросил:

– Абсолютно.

– У нас другое мнение.

– А именно?

– Вы не хотите доверить нам информацию, которую вы получили на прошлой неделе.

– Какую такую информацию?

– Письмо, которое доставил вам в субботу человек, подъезжавший к вашему дому на фиолетовом джипе.

Он снова вскинул руку, но на этот раз смотрел на часы никак не меньше пяти секунд. Я разозлилась. Я впервые видела такого клиента: он изо всех сил мешал расследованию, за которое внес кругленький аванс.

– Который час?

– Что? – он даже не услышал вопроса. Ну да, так и есть, на часы смотрел, но часов не видел.

– Ничего. Если вы больше ничего не хотите мне сообщить, то у меня нет больше вопросов к вам, – я поняла, что мой план удался на все сто.

– Прекрасно. Мне срочно нужно возвращаться в офис. Я свяжусь с Орешиним, если у меня будут... если у меня будет что-либо.

Он развернулся и нетвёрдой походкой направился к выходу из бара. Я-то знала, что был он совершенно трезв, и подозревала, что направился он отнюдь не в офис. Неплохо я его встряхнула, если он даже забыл возмутиться, узнав, что мы, оказывается, следим за каждым его шагом, хотя он об этом не просил.

Дождавшись, пока Зубарский отошёл подальше, я достала телефон.

– Середа слушает, – отозвался Олег.

– Это я...

– Ну? – оживился он. – Что у тебя?

– Он клюнул. И осознал, что влип очень серьёзно. Он получил послание в субботу...

– Да, и что в нём? Он отдал его тебе?

– Да счас. Пока он даже не признался в том, что получил его... Но я в этом больше не сомневаюсь. Он уходит, и весьма быстро. Пройдусь за ним...

– Э-э-э, постой-ка! – голос Олега зазвучал металлом. – Кому было говорено: не провоцировать парня! Ты все-таки решила поиграть?!

– Мне некогда!.. – я уже хотела закончить, но на том конце возникла перепалка, и через пару секунд спокойный голос брата коротко приказал:

– Отставить!

– Но, Юрка! Нельзя его бросать без присмотра, это может быть интересно!

– Так, всё, молчи и слушай. Он не шибко умён, и если ты его спровоцировала, он пойдёт за письмом, уничтожить его или прятать... Олег сейчас выезжает к его дому и со всем разберётся. А ты марш в контору. Поняла?

– А если он не домой? Мало ли мест, где он мог оставить письмо? К тому же, Олег будет полчаса тащиться до места!

– Я жду тебя в конторе! – отрезал босс. Юрий первым нажал отбой. Мда. Спорить с ним себе дороже.

Куда проще без всяких споров просто сделать по-своему. Если уж я спровоцировала Зубарского на замешательство и бегство, удержаться от того, чтобы самой завершить начатое, я не могла.

Я вышла из бара на оживлённую улицу. Моя машина стояла в двадцати метрах, но брать её не было смысла. Сторонник здорового образа жизни Роман Зубарский ходил пешком в свой офис, и если прикинуть время, то он уже должен был быть в двух кварталах отсюда.

Почти бегом я двинулась знакомым за неделю маршрутом, опасаясь потерять клиента. Но через пару минут я увидела его далеко впереди. Теперь мне было совсем не трудно дергать его в поле зрения.

Теперь Зубарский, ошарашенный тем, что его секрет раскрыт, невольно даст нам всю информацию. Юра прав, он не особо умён, а сегодня ещё чем-то очень сильно напуган.

Насколько мы успели узнать этого добропорядочного состоятельного обывателя, намерения его относительно расследования были искренни.

Его эксцентричная жена исчезла полгода назад, оставив двусмысленное письмо. Она уходила туда, где обещано все то, чего ей не хватало, просила за неё не беспокоиться и не сердиться. Письмо светилось счастьем и оптимизмом, и не было похоже на предсудцидную записку. К тому же человек, готовящийся к смерти, не берет с собой лучшие наряды, дорогие украшения, элитную косметику и все семейные наличные деньги. Похищение как будто бы тоже исключалось, за полгода никто ничего не потребовал от Зубарского. В милиции Зубарскому не помогли, заявив, что крепче надо было любить жену, и поскольку свидетельств какого-либо насилия в обстоятельствах исчезновения, а проще – бегства, не усмотрели, дело то ли быстро закрыли, то ли вовсе не возбудили. Зубарский в общем-то не особенно беспокоился и не сердился, как и хотела беглянка. Но, как он нам заявил, в последнее время он стал чувствовать, что за ним следят, и стал бояться за свою жизнь. Поскольку в милиции его снова отшили, посоветовав сходить к врачу, он пришёл к нам.

Все мы сходились на предположении, что его жена, молодая богатая дама стала невинной жертвой какого-нибудь неотразимого соблазнителя, с которым и получает удовольствие где-нибудь на экзотическом курорте. И плевать она хотела на своего сухаря-мужа, и нет ей до него никакого дела. Сам же Зубарский считал, что именно его сбегавшая жена и тот, с кем она сейчас находится, устроили за ним настоящую охоту. В чём выражалась угроза, Зубарский не смог чётко определить. Он чувствовал опасность, и все. Я высказала Юрке мысль, что успешный сорокалетний владелец частной страховой компании, возможно, просто свихнулся под страхом потерять своё добро так же, как потерял жену. Уж очень мало был Зубарский похож на нормального человека, когда впервые появился у нас на Торжковской. Обращаясь в агентство Юрия Орешина, он надеялся разыскать беглянку и её покровителя и этим, как он полагал, снять нависшую над ним опасность.

Юра быстренько скалькулировал Зубарскому приблизительную смету, включающую установку в его доме хитрой импортной охранной системы, и, получив половинный к смете аванс, начал действовать.

Осторожный и педантичный Юрий не стал исключать сразу версию о намеренном убийстве или похищении, и не верил в полное неведение Зубарского, поэтому в течение недели мы вели наблюдение за его домом. Ничего подозрительного не было, и мы уже

отчаялись выудить что-нибудь таким путём. Но в субботу вечером, когда Зубарский вывел на прогулку своего пинчера, к дому подъехал фиолетовый джип, и молодой парень опустил в почтовый ящик конверт. Курьер явно не имел ничего общего с почтовым ведомством. Дежуривший в это время Олег немедленно совершил попытку извлечь письмо из ящика до появления у дома его хозяина, но не успел. Зубарский же, достав послание из ящика, чуть сознание не потерял прямо на месте и, затравленно озираясь, поспешно скрылся в доме.

Мне так хотелось припугнуть клиента, но брат отправил меня на встречу со Зубарским с куда более мягкими инструкциями. Боссу положено было подчиняться. Но не тогда же, когда я была уверена, что права! Нетерпение свербило в моей голове, и язык чесался, чтобы заставить Зубарского одной фразой потерять самообладание. У меня это получилось, и как бы ни ворчал на меня Юрка, очевидно, что мои предположения оправдались. Теперь наши дела пойдут быстрее. Если, конечно, придя в себя, Зубарский не решит закрыть дело и не потребует назад аванс. Тут уж, конечно, моя инициатива не получит одобрения у брата.

Зубарский двигался довольно быстро, и за все время он ни разу не только не оглянулся, но и не посмотрел по сторонам. Не удивительно, что от него ушла жена. Судя по его же собственным рассказам, это была романтическая взбалмошная женщина. Она ненавидела всю рутину, которая стала окружать её после замужества. Она злилась при каждой необходимости повторять постоянные бытовые «ритуалы», её обижали сухость и предопределённость поведения мужа, его привычка к размеренному жизненному распорядку. Сам Зубарский был весьма энергичен, но энергию свою он тратил на то, чтобы придать своей жизни безукоризненную упорядоченность. Мне кажется, что собаку он завёл тоже для того, чтобы она вносила в жизнь своеобразный «собачий» порядок: ежедневные прогулки в одно и то же время, регулярная закупка собачьего корма, и всякое такое... Жена его, наоборот, была по натуре капризной девчонкой, ей вечно хотелось то одного, то другого: то сменить семейного врача, то пересадить кусты в саду, то обить гостиную более весёлым материалом. Она вечно искала себе приключений, развлечений и чего-нибудь новенького, читала много книг о религиях, философиях, колдовстве и оккультных науках, собирала репродукции сюрреалистических художников и устроила в мансарде обсерваторию в надежде первой заметить прилёт инопланетян, благо на все эти сумасбродства денег у её мужа хватало.

Когда Зубарский впервые появился в нашем офисе и сидел несколько часов подряд, подробно рассказывая о себе и жене, я чуть не уснула от скуки через первые полчаса беседы. Уж очень много и монотонно говорил клиент, в то время как мне уже сразу стало ясно: от такого типа сбежит кто угодно. Юра и Олег отнеслись к Зубарскому по-иному. Впрочем, они совершенно одинаково относились в начале дела ко всем клиентам, и никогда не позволяли себе лишние эмоции при деловых беседах с людьми. Полезное качество, которое мне даётся так трудно. Точнее, не даётся совсем.

Мы добрались до элитного спального района в Коломнягах, одного из престижных в Питере. Многим пришлось бы полжизни вертеться, чтобы поселиться здесь в одном из комфортабельных коттеджей, вокруг которых уже начали разрастаться аккуратные садики...

Когда я ещё жила в интернате, мне много раз снились такие дома. А может, это был один дом, только подходила я к нему во сне с разных сторон, а каждая стена была у него не похожа на другую. Каждый фасад – иной стиль, настроение, плавные переходы плоскостей и полусферических поверхностей, нежные цвета... Домик-пряник. Как ужасно и безвкусно смотрелся бы, наверное, такой проект, случись бы реализовать его на практике. Но от моих снов у меня осталось ощущение тихого, мирного, радостного праздника и покоя. Я подходила к дому по мелкому шуршащему гравию, во всех окнах горел свет, изнутри слышалась музыка и гомон голосов, кто-то выходил мне навстречу, широко раскрывая дверь... В этом месте я обычно просыпалась, и ни разу мне не удалось разглядеть, кто именно выхо-

дил меня встречать. На смену покою и празднику приходила темнота и тишина спальни в интернате. Я зажигала маленький ночник и ставила его под кровать, чтобы добиться того странного полумрака, который так похож на туманную реальность сна, и продолжала грездить наяву, представляя, что там, за дверью не гулкий коридор спального корпуса, а тёплые звуки и нежные запахи дома, моего дома, где много людей, любящих и любимых... И очень долго я искренне считала, что люди, живущие в таких районах с красивыми жилищами, потому и живут в таких местах, что пребывают в счастье, умиротворении и взаимной любви. Маленькой одинокой девочке невозможно было представить, что за красивой декорацией вся жизнь может быть такой же мучительной, как и в трущобе. Правда, и сейчас, когда мне уже исполнилось двадцать, я верила, что у меня будет дом именно такой, который наполнит мою душу ощущением тихого праздника. Когда-нибудь он у меня будет. Только никто не знал об этой моей уверенности, как никто не знал и тогда, в детстве, что мне снится по ночам...

Наш маршрут подходил к концу, и я уже видела, как Зубарский заворачивает за угол. Там на другой стороне улицы, его дом.

Зубарский скрылся из вида, и через секунду за углом раздался визг тормозов. Я ускорила шаги, и перед моими глазами предстала невероятная картина: тормозившая машина, лежащий перед ней Роман Зубарский и собирающаяся вокруг толпа зевак. Пробираясь сквозь толпу, я заметила, что с другой стороны улицы, расталкивая людей, движется Олег. Быстро он долетел, молодец. Но все равно, опоздал.

Опустившись перед Зубарским на корточки, он принялся ощупывать его со всех сторон. Я не стала мешать ему, просто наблюдала из-за чьей-то спины.

Поза лежащего Зубарского не обещала ничего утешительного.

– Удар был слишком сильным. Бедняга умер на месте, – произнес Олег, поднимаясь на ноги.

Автомобиль, сбивший Зубарского, стоял тут же, водитель сидел, навалившись на руль, и с ужасом смотрел вперёд, не пытаясь никуда двинуться.

Послышалась сирена, и Олег, сделав мне едва заметный знак, быстро пошёл к своей машине, что стояла неподалёку на стоянке. Когда я села рядом с ним, он уже звонил Юре.

– ...я думаю, нет, не заказ точно. Парень никуда и не пытается скрыться, в машине сидит. Вроде, пьян сильно... Нет, Юрка, это очевидная случайность. Ты бы видел лицо Зубарского, когда он вывернул из-за угла. Если бы ему навстречу нёсся поезд-экспресс, он бы не свернул...

Олег замолчал, слушая какие-то длинные рассуждения Юрки. Изредка он бросал на меня озабоченный взгляд, и я представила себе, как Юра прохаживается сейчас на мой счёт. Олег отнял трубку от уха, укоризненно взглянул на неё, вздохнул и убрал в карман.

– Не переживай, малышка, – произнёс он задумчиво.

– Кто тебе сказал, что я переживаю? И сколько раз тебе говорить, чтобы ты не называл меня малышкой! – разозлилась я.

Олег пожал плечами, отвернулся и стал смотреть в окно, как подъехавшая машина забирает труп, прикрытый плёнкой.

– Вот и все. По крайней мере никто не потребует возврата аванса, – заявила я.

Олег странно взглянул на меня.

– Ну ладно, ладно! – завелась я, понимая, что подобные заявления как-то некстати в такой ситуации. – Ну кто же мог предположить, что он вздумает бросаться под машину!

В ответ Олег пожал плечами:

– Юрка предполагал. Не конкретно такую ситуацию, конечно. Но было же очевидно, что парень был чем-то доведён до полного отчаяния. Так или иначе, ты оказалась некстати со своими спецэффектами... К тому же он не подозреваемый, а клиент...

– Нет уж, правильное будет сказать – подозрительный клиент, – буркнула я.

Взгляд Олега снова потяжелел.

– Ну, нормально! Ещё и оправдываешься, – проворчал он. – Хочешь премию получить с аванса Зубарского?

Я прикусила язык. Дурацкая детдомовская привычка отпираться, даже когда виновата.

– Юрка в ярости. Даже более того – в бешенстве. И мне кажется, наказание он тебе придумает что надо, – отрезал Олег.

Вот в этом он был прав. Юрий не выносил, когда кто-нибудь из нас нарушал его указания. Тем более, если последствия непоправимы. Чувствовала я себя скверно. Похоже, что мне не следовало бы всего этого делать. И уж тем более, не следовало защищаться. После моих идиотских высказываний даже Олег вряд ли будет снисходителен ко мне.

Олег молчал.

Его длинные худые пальцы барабанили по колену, а взгляд вдруг поплыл. Такое бывало с ним, когда его осеяла неожиданная идея.

У меня же не было никаких идей, кроме той, что сделанного не воротишь. И, возможно, теперь мне придётся очень здорово потрудиться, чтобы все это происшествие не возымело последствий для нашего агентства.

А Олег все ещё что-то напряжённо обдумывал. Потом он резко подобрался, взъерошил пытерней нестриженные волосы цвета темной меди, и полез в карман куртки, не сводя глаз в дома Зубарского.

– Ладно, бери мою машину и поезжай «на ковёр». – произнёс он. – Твою я заберу от бара после.

– А ты?

– У меня есть одно дело.

– Какое, где?

Олег наконец взглянул на меня и раздражённо сказал:

– Уходи отсюда, не мешай работать. Я буду через пару часов.

– Я не поеду никуда. Лучше скажи, что ты задумал?

– Это больше не твоё дело. Я всё доведу до конца сам.

– Что именно? Полезешь за письмом Зубарского?

Олег усмехнулся.

– Я не уеду, – заявила я, зная, что уломать Олега сложно, но можно, не то, что Юру.

– Ладно, давай вместе. Отработаем аванс Зубарского. Надо хорошенько обыскать дом, – Олег поднял двумя пальцами связку ключиков и позвенел ими.

Он решительно открыл дверцу машины.

Я шла за ним к дому Зубарского. Пройдоха Олег не впустую копошился над телом бедняги. Ключи клиента переключались в его карман. Юрка и за это не погладит по головке. Но зато очевидно, что времени на обыск дома у нас предостаточно.

Забора и калитки у дома Зубарских не было, и мы прошли по дорожке к самому входу. Олег даже не взглянул на парадную дверь, обитую зелёной искусственной кожей, а свернул сразу же направо, в обход дома, к задней двери гаража.

С этой стороны росли густые кусты жасмина и рододендроны, не очень-то ухоженные. Видимо, после пропажи жены, Зубарский не стал брать на себя её обязанности.

Олег немного повозился с полдюжиной ключиков, и белая дверь, которую Олег мог бы высадить лёгким ударом плеча, впустила нас в тёмный гараж.

Я и не заметила, когда Олег успел натянуть лайковые перчатки. Теперь он осторожно продвигался наощупь вдоль стены, ища выключатель. Свет зажегся, и мы увидели, куда нам двигаться дальше. В гараже одиноко стоял не новый синий «форд», место для ещё одной машины пустовало. В гараже не было не только ничего лишнего, но, кажется, не было и многого необходимого, все было вылизано и блестело.

Я прошла за Олегом в узкий коридорчик, и мы двинулись в жилые помещения. Вдруг Олег внезапно остановился, и я налетела на его выставленную руку.

– Ты что?! Спятил?! – зашипела я на него.

– Слушай, странно... – он сдвинул брови, прислушиваясь. Я тоже напряглась, но ничего не услышала.

– Тихо.

– Да, тихо, – согласился Олег. – Не должно быть тихо. Я забыл про собаку. Где же его чёртов пёс? Он уже давно должен был поднять лай на весь дом и разорвать нас на кусочки. Он что, затаился?

– Собаки не затаиваются, – возразила я. – Они нападают сразу же.

Вместо ответа Олег расстегнул куртку и полез за пазуху к своей кобуре. Я услышала, как он снял пистолет с предохранителя.

Я последовала его примеру. Дальше наш тандем двигался, не выпуская из вида ни одной щёлочки и угла. Выйдя в гостиную со всеми возможными предосторожностями, мы увидели пса. Он лежал у входа на ковре и не шевелился. Я подалась в его сторону, но Олег поймал меня за руку и сделал отрицательный жест.

– Кухню проверь, – прошептал Олег. – Я наверх.

– А собака?

– Пёс издох, это очевидно. Забудь о нем пока. Если услышишь шум, удирай через гараж. Поняла?

Я кивнула и пошла в сторону кухни.

Стены её были покрашены тонкими розовыми и голубыми полосками, на окнах цветы в горшках, в мойке никакой грязной посуды. И ничего подозрительного.

Я повернула назад и поднялась по лестнице.

– Ты уже? – отозвался Олег довольно громко, и я с облегчением перевела дух: значит, дом пуст. Мой пистолет перекочевал в кобур.

– Посмотри среди книг, – посоветовал Олег, роясь на письменном столе в кабинете Зубарского. Я послушно повернулась к книжному шкафу, но не успела я дойти до него, как Олег удовлетворённо выдохнул:

– Отбой! Нашёл. Вот оно.

Я подошла к нему и склонилась над столом. В полумраке комнаты был о ничего не разобравшись, я видела только конверт и лист в руках Олега. Я потянулась к настольной лампе, но тут вдруг на улице у дома послышались голоса. Я подошла к окну и осторожно посмотрела сквозь занавеску.

– Олег! У входа двое ментов и мужчина в штатском.

– Плохо, – отозвался Олег и зашуршал бумагами на столе. Почти сразу же мы услышали, как открывается входная дверь.

Олег выскочил на площадку лестницы, но тут же вбежал обратно и, осторожно прикрыв дверь, повернул изнутри замок. Потом, повернувшись ко мне, поднёс палец к губам, а затем изобразил затягивающуюся петлю на своей шее.

Внизу было тихо. Скорее всего, вошедшие, сразу же наткнувшись на собаку, повторяют наши с Олегом действия. И точно: снаружи едва слышно задышали ступени под ногами поднимающегося наверх человека. Сначала мент прошёл в спальню, обследовал туалетные комнаты, потом подошёл к двери кабинета и нажал на ручку.

Олег увлёк меня к двери и вжал в угол комнаты как раз в том месте, которое оказывается перекрытым при распахнутой настежь двери. Мент резким толчком выбил дверь. Она распахнулась, едва не ударив Олега по лицу. Из-за краешка двери торчало дуло пистолета, который милиционер направил на ожидаемого преступника. Прошло секунд десять. Затем он крикнул товарищам:

– Наверху никого! Здесь спальни и кабинет.

– Ладно, потом посмотрим, иди пока сюда, – слышалось снизу.

Мент отступил назад и прикрыл за собой дверь кабинета. Олег перевёл дыхание и прошептал мне в самое ухо:

– Интересно бы узнать, что заставило их примчаться так рано?

– Пойди и спроси.

Олег надавил рукой на моё плечо и произнёс:

– Пока они не вернулись, наша задача выбраться отсюда. Давай к окну.

Олег поднял и закрепил раму окна и выбрался на карниз. Я выглянула вниз. От карниза, на котором стоял Олег, до земли было метра три.

– Рама крепкая, выдержит, – объявил Олег. – Спускайся.

Я забралась на подоконник.

– Не прыгай, а спускайся, – уточнил Олег.

– Знаю. Держись.

Я перелезла с подоконника на Олега, обняв его, как медвежонок-коала обнимает мать, и медленно стала спускаться вниз по его телу, как по стволу дерева. Руки, вцепившиеся в жёсткую ткань его одежды, готовы были разжаться каждую секунду. Только мысль о том, что лишнего шума избежать просто необходимо, заставляла передвигать руки. Наконец мои обессиленные и горящие болью ладони достигли ботинок Олега. Ноги мои уже искали землю, хотя до земли было ещё порядочно. Но отдыхать было нельзя, я каждую секунду могла сорвать Олега с карниза. Расцепив ладони, я полетела вниз. Боль обожгла пальцы ног и перебежала через позвоночник в каждую косточку. Прикусив язык, чтобы не заныть, я отошла в сторону. Олег отлепился от стены и, мягко сгруппировавшись, приземлился. Не задерживаясь около дома Зубарского и не собираясь уточнять, было ли услышано наше падение, мы помчались к нашей машине.

На улице было достаточнолюдно, но никто не обратил на нас внимания. Машина с милицейской мигалкой на крыше стояла впритирку к автомобилю Олега. Олег сел на свое место и рассмеялся:

– Удивительно даже, как это мы не попались!

Он взглянул в стоящую впереди машину, и смех его оборвался:

– Вот черт!.. Полюбуйся.

Я перевела взгляд туда, куда смотрел он. Номер на машине был частный и не имел никакого отношения к Питеру. Чужая частная машина, привёзшая людей в форме.

– В принципе, это возможно, – сказала я, – мало ли кем может быть этот тип в штатском? Может, это родственник Зубарского, и он подвёз их на своей машине?

– За полчаса узнав о несчастье? Ерунда какая-то. Думаю, что эти люди... Ни один из них не имеет никакого отношения к органам.

– Почему так уверен?

– А вот так, – проворчал Олег. – Ладно, это все лирика, а сердце мне вещует, что пора удирать, пока целы.

Он вырулил на проезжую часть.

До конторы мы доехали за десять минут.

Юра уже полгода арендовал офис для агентства в бизнес-центре на Торжковской. Вообще-то «офис» – это слишком громкое название для трёх небольших комнат, где размещался кабинет шефа, общая комната всех остальных сотрудников и приёмная для посетителей, где их обслуживал клерк. Но место было удачно выбрано: бизнес-центр считался скопищем если не престижных, то достаточно надёжных фирм. Дела у детективного агентства Орешина шли неплохо: конкуренции серьёзной почти не было даже на Питерских просторах. Вообще-то, в бумагах все это называлось ООО «Охранно-Сыскное Агентство (ОСА)»

Но Юрка предпочитал именоваться скромнее: агентство Орешина. Открывая своё дело год назад, Юрий смог получить генеральную лицензию, что редко удаётся сделать начинающим частным детективам. Генеральная лицензия давала ему право набирать штат и привлекать для работы нужных людей, не имеющих личных лицензий на сыскную и охранную деятельность. Юра пользовался этим правом разумно: с ним работали в основном профессионалы, по тем или иным причинам оставившие государственную службу, а все юридическое обслуживание деятельности вела молодая заносчивая женщина с престижным дипломом и на удивление светлой головой во всем, что касалось дела.

Олег пропустил меня в лифт и нажал кнопку. Пока мы поднимались, пока шли по длинному коридору к офису, Олег молча «плавал». В голове этого тридцатилетнего авантюриста идеи рождались с бешеной скоростью, и оставалось только догадываться, что он задумал на этот раз. Дойдя до места и взявшись за ручку двери, Олег назидательно сказал:

– Побольше молчи.

Решив последовать его совету, я молча пошла за ним. Наш клерк Алексей сидел на своём обычном месте и строчил один из очередных отчётов на двухстороннем бухгалтерском бланке. Исполнительный и аккуратный, он успевал вести запись и приём клиентов, оформлять описи и справки, готовить документы для передачи дел в официальные органы, разбирать и вести переписку, заниматься бухгалтерией и быть к тому же в курсе всех дел агентства.

Увидев нас, Алексей оторвался от своего занятия и загадочно улыбнулся:

– Явились! Босс уже три раза спрашивал тебя, Катя.

Мы с Олегом переглянулись.

– Как он? – коротко спросил Олег.

Алексей перестал улыбаться.

– Понял, – вздохнул Олег, – Ну что, малышка, вперёд...

На этот раз я не стала его одёргивать, а просто открыла дверь кабинета босса и вошла внутрь.

Обстановка этой комнаты состояла из стола, трёх кресел, компьютера на столике в углу и встроенного стенного шкафа с документацией. Белые поверхности потолка и стен навели на ненавистные мне мысли о больничной палате, но Юра настоял именно на таком интерьере.

Юра сидел на углу своего стола и курил. В пепельнице уже не было места для окурков, а в комнате витали сизые клубы такой концентрации, что у меня сразу запершило в горле.

– Сейчас сработает противопожарная сигнализация, – произнёс Олег, разгоняя дым рукой. – И придётся платить штраф за ложную тревогу.

– И заплачу, – отрезал Юра, – Чего бы не заплатить, денег теперь у нас много. И вообще, пора взять это в практику...

– Что именно?

– Брать с клиента аванс, а затем наезжать на него машиной.

Юрий упорно не хотел смотреть на меня и, разговаривая, рассматривал кончик своей сигареты.

– Юра, не заводись, пожалуйста, – сказала я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

Юрка посмотрел на меня так, словно впервые увидел. Олег сделал мне большие глаза и сжал кулак. Это означало: «Молчи».

– Я не заводжусь, просто мне кое-чего жаль. Жаль своих сил, потраченных на твоё обучение, – произнёс Юрий, не сводя с меня глаз, – И ещё жаль этого парня...

– Не можешь же ты думать, что мне все равно?! – не выдержала я, сорвавшись на крик.

Олег упал в кресло, с шумом выдохнул и, вскинув руки, сцепил пальцы на затылке. Это означало: «Черт с тобой, выкручивайся сама.»

– Я и не думаю. Я думаю, что впредь мне самому не стоит слишком далеко отпускать поводок, – по-прежнему спокойно произнёс брат.

– Я же не хотела ничего подобного!

– Послушай, Катерина, из твоего нехотения ничего путного не слепишь. Я тоже сейчас понимаю, что не хотел появляться на этот свет, но разве что-нибудь теперь можно сделать? – ледяным голосом произнёс Юрка и, опустив голову, продолжил изучать сигарету. Олег недоуменно взглянул на меня, губы его шевельнулись, но он снова заставил себя сдержаться. Молчание продолжалось с минуту.

– Дайте мне, наконец, эту чёртову клюшку кто-нибудь! – вдруг резко проговорил Юра, не поднимая головы. – Вот она, тут под стол завалилась.

Я обошла стол и подняла с пола короткий алюминиевый костыль. Юра выхватил его у меня, тяжело оперся на него и слез со стола. Быстрее, чем обычно, он прошёл на своё место за столом и с видимым облегчением опустился в кресло.

То, что Юрка не попросил раньше кого-нибудь помочь ему, говорило о том, что он был крайне расстроен и зол на весь свет.

– Ну что, Олег, ты уже подумал, что мы расскажем на допросе? – спросил Юра, закуривая очередную сигарету.

– Думаю, что допроса не будет, – отозвался Олег.

– Да? Такой аккуратист, как Зубарский, наверняка сохранил в бумагах счёт агентства.

– Разумеется, сохранил, – Олег полез в нагрудный карман и вытащил сложенный вчетверо листок. – Но в милицию он не попадёт.

Юра взял поданный ему листок и развернул. Это был частично оплаченный счёт агентства, выписанный им самим две недели назад на имя Зубарского.

– Та-ак... – Юра свернул листок обратно и задумчиво прихлопнул его ладонью. – Очень хорошо. Просто прекрасно. Как вы оба меня сегодня радуете. Дальше?

– Что «дальше»? – невинно осведомился Олег.

– Выворачивай карманы, аферист.

Олег встал со своего места, подошёл к столу и стал послушно выполнять распоряжение. Меня всегда поражали две вещи. Первая: как он размещал в своих многочисленных карманах уйму всякой всячины, и при этом ни один предмет невозможно было распознать, потому что ничего не выпирало наружу. Вторая, как он успевал за короткое время при обыске смести себе в карманы столько всевозможных вещей и бумаг, причём никогда ещё не бывало такого, чтобы стянутая им вещь оказалась взятой понапрасну. Он никогда не набирал бесполезный балласт.

На этот раз, пока я разглядывала в окно незнакомцев под домом Зубарского, Олег успел прихватить, кроме субботнего письма и счёта, книжечку небольшого формата в блестящей мягкой обложке, несколько фотографий, маленькую квадратную коробочку и кольцо.

Юра сокрушённо покачал головой и хотел что-то сказать.

– Не ворчи, Юрка. Мы, правда, чуть не влипли под конец, но... – начал Олег, но Юра поднял руку и, не отрываясь, уставился на предметы за столом. Через минуту он задумчиво произнёс:

– Подожди с объяснениями. Катя, – он поднял на меня глаза и приказал: – Иди к Алексею. Он выдаст тебе кое-что. И не заходи, пока я не переговорю с Олегом. Да, и дверь закрой поплотнее. Никаких там щёлочек, скважин... Ну ты поняла.

Я вышла в приёмную и хлопнула дверью. Плотнее, как приказано. Скорого прощения мне явно ждать не приходится. Алексей, увидев меня, кивнул на дверь:

– Послал ко мне?

– Да.

Алексей помрачнел.

– Я думал, что до этого дело не дойдёт.

Он достал из ящика узкий конверт с логотипом агентства в уголке и передал его мне. Я взяла его с нехорошим предчувствием, и мне совсем не хотелось его открывать.

– Это расчёт, – нехотя пояснил Алексей. – Час назад босс велел мне рассчитать тебя с сегодняшнего числа.

Я села на стул в приёмной, убрала честно заработанные деньги, щедро пожалованные строгим боссом нерадивому работнику. Что ж, оставалось только ждать, когда все случившееся сгладится, и меня простят. Может, это все и поделом, может и справедливо. Но черт возьми, обидно.

Через полчаса дверь кабинета распахнулась, Олег на пороге повернулся и громко закончил фразу:

– ... так что, Орешин, учти, что об этом деле я знаю не больше, но и не меньше твоего. Подумай хорошенько над моими словами! – и хлопнул дверью изо всех сил. Пролетев широкими шагами метры, отделяющие его от двери в коридор, он обернулся на меня:

– Пойдём-ка со мной, дело есть!

– Может быть, мне зайти к Юре?

– Если ты зайдёшь к нему, это ничего не изменит. Оставь его, пусть успокоится, – Олег взял меня за локоть и потащил к выходу.

Спустившись вниз, мы устроились в его машине, и Олег снова вынул из карманов трофеи из дома Зубарского.

– Юрка велел мне самому разбираться с этим, раз уж я их взял, – пояснил он.

– Он так и сказал?

– Ну, если точнее, то он посоветовал мне катиться со всем этим... очень далеко... Ладно, его лучше не трогать. Займусь в свободное от работы время, – улыбнулся Олег. Потом хитренько посмотрел на меня, – Денег-то много отвалил?

Мне захотелось хорошенько двинуть ему.

– А пошёл ты!..

– Надо же, какой удачный день, все меня куда-то посылают, – вздохнул Олег и подал мне письмо Зубарского. – Читай.

«Дорогой Роман! Как жаль, что ты все ещё не придаёшь значение моим словам. Поверь, послушайся меня, это самое лучшее, что ты можешь для себя сделать. Ты не представляешь, что это за место. Ты никогда не видел ничего, кроме проблем. Здесь, в Раю, ты будешь совершенно другим. Я умоляю тебя, прекрати свои бесплодные поиски и сделай то, о чём я столько раз просила. Мне не хотелось бы, чтобы мы решили все это за тебя. Марина.»

– У него была оживлённая переписка с исчезнувшей бесследно женой, – заключила я. – Письмо написано так, как будто накануне вечером у них был спор на постоянную болезненную тему, но что-то помешало им доспорить.

– Очевидно, что ему не нужно было, чтобы мы её нашли. У него была масса фактов, которые он тщательно скрывал. Он все это время имел от неё известия. Возможно, он даже знал точное место её пребывания. Но он не мог поехать туда сам и привезти её назад, – изложил Олег свои мысли.

– Он смертельно боялся, и жену и того места, где она находится, – высказала я свои ощущения от письма.

Олег кивнул:

– Именно. В этом все и дело.

– Что же это за Рай такой? – я смутно вспоминала, что где-то уже слышала это название.

– Не важно... не знаю, – нахмурился Олег, – потом разберёмся.

То, каким тоном это было сказано, убедило меня, что он лжёт.

– Олег, я же от вас с Юркой слышала про Рай. Давно ещё, поначалу...

Он внимательно посмотрел на меня. Зелёные глаза его выражали досаду.

– Не дави на меня, а то я начну врать, – произнёс он.

– Да ты уже врешь! – буркнула я со злостью.

– Я сказал, не торопи меня! Придёт время и... тебе все станет ясно. А пока нам нужно в морг.

– Зачем?

– Если не тело, то хоть одежду Зубарского осмотрим. Вдруг мы что-нибудь с этого поймеем. А пока посмотри все это.

Он выложил мне на колени содержимое кармана, те самые книжечку, коробочку, фотографии и кольцо, а сам завёл машину.

Кольцо было самым обыкновенным мужским обручальным кольцом. Помнится, что оно было на пальце Зубарского в тот день, когда он впервые появился в агентстве.

Интересно, зачем он его снял? Фотографии Марины Зубарской, а на них была изображена именно она, были сняты в разное время, но на всех она была почти обнажённая, закутанная странной кисейей, с раскрашенным, как у дикаря лицом. Снята она была то в кресле, то на каких-то камнях, то в автомобиле, и везде рядом с ней был страшного вида пёс, вроде бы ротвейлер, но огромный как сенбернар, и почему-то стального серого цвета. В глазах собаки, хотя масштаб фотографии и был слишком мал, угадывалось что-то необъяснимо странное.

– Почему же он серый? – удивилась я.

– Ты на неё саму посмотри, – нервно фыркнул Олег. – Почему бы ей ни выкрасить и собаку тоже?

– Но это же не их собака?

– Я думаю, фотографии сделаны там, где Марина сейчас и пребывает, – отозвался Олег. – И собака, скорее всего, обитает там же.

– В Раю?

Олег не ответил. Значит, в Раю. Не хотела бы я оказаться в Раю, если там водятся такие пёсики.

Книжечка называлась «Сто параллельных миров», и судя по аннотации, содержала советы тем, кто случайно перешагнёт порог этой реальности и попадёт в другую.

В коробочке лежали десятка полтора таблеток серебристого цвета и две ампулы из жёлтого пластика с иглами для одноразовых инъекций.

– Ну, что думаешь? – уточнил Олег.

– Ничего. Кажется, он готовился перешагнуть порог этой реальности. Изучал теорию, но не очень хотел практиковаться, – заключила я.

– Очень может быть, – Олег убрал все предметы обратно.

В морге больничного комплекса, куда, по нашим расчётам, ближе всего было доставить Зубарского, мы бывали не раз. В этот раз в морге дежурил Саня, дюжий малый, до неприличия жизнерадостный для своей должности.

– Привет, ребята! Вам нынче кого показать? – заулыбался он, видя нас входящими в его владения.

Олег объяснил, в чем дело, и Саня повёл нас в хранилище вещей. Из камеры хранения он извлёк полиэтиленовый мешок и вытряхнул содержимое на стол посреди помещения. Светлый костюм, белье, модные туфли... Олег медленно, сантиметр за сантиметром ощупывал вещи. Кроме крупных вещей на стол вытряхнулся мешок с мелочами: часы, бумажник, авторучка, тёмные очки в футляре, кольцо... Я молча тронула Олега за руку и показала на кольцо.

Из Олега вышел бы превосходный профессиональный воришка. Одновременно болтая с Саней и перебирая вещи, он потихоньку стянул кольцо и поместил себе в карман.

– Ладно, ребята, хватит и того, что я вас без распоряжения начальства пустил ко вверенным вещам, – наконец опомнился Саня. – Скоро моя смена придёт. Вам пора. Я и так-то пустил вас только по старой памяти, да ещё потому, что эти шмотки все равно выкидывать будем, родственники их почему-то не взяли.

– Какие родственники? – оживился Олег.

– Что тело забрали, – пояснил Саня.

– Когда? – удивился Олег.

– Только что.

– Кто?

– Жена.

Олег, который вдруг стал очень серьёзным, достал из кармана фотографию Марины Зубарской, не ту, с собакой, а одну из тех, что нам передал сам клиент.

– Эта женщина забрала тело?

Саня едва взглянул на карточку и кивнул:

– Она. Шикарная мадам с небольшим приветом.

– Почему с приветом?

– Она вся светилась от счастья, что для этого места как-то необычно, – хмыкнул Саня.

Олег заговорил только когда мы сели в машину.

– Катя, слушай меня внимательно, – он крепко взял меня за плечо и развернул к себе. – Если вдруг ты что-то найдёшь по этому делу, если у тебя даже появится какая-нибудь идея: я должен узнать об этом немедленно. Я или Юрка. Никакой самостоятельности! Ни шагу без нас! Обещай мне!

Впервые за три года нашего знакомства я видела его таким чужим и суровым.

– Обещай мне! – повторил он и тряхнул меня.

– Я ведь уже не работаю в агентстве, – отрезала я. Этот приказной тон, требующий обещаний, смутил и взволновал меня. Мне хотелось немедленно понять, от чего же Олег хочет уберечь меня. – С чего мне вообще делать какие-то шаги, хоть с вами, хоть без вас.

– Да что я, тебя не знаю, что ли?!

– Я пообещаю что-либо не раньше, чем ты расскажешь мне все. Все, что знаешь сам про Рай и все остальное.

– Вот дура! Будь ты моей сестрой, я бы просто посадил бы тебя на цепь, чтобы ты не совалась куда не следует! – взорвался Олег.

Ах так? Ну-ну. Можно подумать, я его за язык тянула, или в карман к нему залезла. Сам же все мне показал.

Он резко сменил тон:

– Извини... Если Юрка узнает, что я тебя втянул, он меня убьёт... А рассказать я тебе все равно не могу. Видишь ли...

– ...это связано с вашей прежней работой в спецслужбах, – закончила я за него.

– Ты умная девочка, – мрачно отметил Олег. – И знаешь, как себя вести.

По негласному закону серьёзные разговоры о прежней службе Юры и Олега были у нас запрещены, поэтому я не стала продолжать расспросы.

Мы двинулись домой. Олег напряжённо следил за дорогой и молчал. Зачем он вообще стал показывать мне все эти вещи, если не хотел, чтобы я в этом участвовала?

– Покажи мне кольцо, – попросила я, когда мы уже подъезжали к дому.

– Это совсем не обязательно, – отрезал Олег.

– Тогда скажи... Оно ведь серебряное?

Олег резко затормозил на стоянке у дома и выключил двигатель. На мой вопрос он отвечать не собирался.

Глава 2

Что-то подбросило меня во сне, и привычный ночной рисунок теней на потолке моей комнаты вернул меня в мир реальный. Сердце ещё бешено колотилось, но я уже не помнила своего сна, хотя была уверена, что на этот раз это было что-то гадкое.

На тумбочке мерно щелкали часы с блестящим маятником, который непрерывно вращался вокруг своей оси туда-сюда, и хорошо действовал, как успокаивающее и снотворное средство, если на него смотреть непрерывно.

Из соседней комнаты доносились голоса. Юрка и Олег не спали. В другое время я могла запросто присоединиться к ним и помочь в решении той проблемы, что не давала им спать, но сейчас это было невозможно. Не случайно же я уволена из агентства, а Олег не стал вечером отвечать на мои вопросы.

Я тихонько подобралась к двери и приоткрыла её. Звуки стали громче, но все равно невозможно было разобрать ни слова, поэтому пришлось вернуться на кровать и прибегнуть к испытанному в детстве способу: прижать ухо к стене.

Эти чудесные современные блочные дома! Стены были прекрасным проводником звуков.

– Ты хоть понимаешь, что наделал? – спрашивал Юра в тот момент, когда я подключилась к прослушиванию.

– Если бы я не понимал, не сидели бы мы с тобой сейчас всю ночь в тяжких раздумьях, – проворчал Олег.

– Толку-то он наших раздумий. Мы с тобой ещё подёргаемся, когда она поймёт, что именно ей известно. А поймёт она обязательно, если уже не поняла.

Юрка польстил мне. Я ещё не поняла.

– Мы дали клятву друг другу никогда не вспоминать об этом и никогда не влезать ни во что подобное, – продолжал Юрка. – Что на тебя нашло?

– А то, что я понял, что несмотря на нашу клятву влезть в это дело придётся, – возразил Олег. – Когда я увидел все это в столе Зубарского, я понял все сразу...

– И тут же помчался все выкладывать Катьке?

– Нужен был свежий взгляд. Незаинтересованный.

– Но только не её взгляд! Олег, черт бы тебя взял, – проворчал Юра.

– Юрка, мы не можем больше делать вид, что их нет, что мы о них ничего не знаем.

– Можем. И будем. В первую очередь держать язык за зубами. Ты идиот, если снова затеваешь разговор об этом! – взорвался Юра.

– Ну, спасибо! – Олег в ответ повысил голос. – Сейчас, когда мы свободны и можем сами решить, куда соваться, а куда нет, мы должны все это прояснить. И... и может быть покончить с этим, наконец.

– И какой ценой? По-твоему, моя сестра идеально подходит на роль разменной монеты? Олег не ответил.

– Извини, – нервно сказал Юра после паузы. – Я боюсь, да. Больше за неё, конечно, но и тебя я туда не пущу.

– Мы с тобой профессионалы. И мы знаем теперь, с чем имеем дело...

– Нет!

– Деспот ты, Орешин.

– На том стоим, – отрезал Юрка.

Олег промолчал. Через минуту Юра заговорил сам:

– Ладно, Олежка. Тема закрыта.

– Тогда, может быть, стоит перекодировать файлы?

После некоторого замешательства Юрка ответил:

– Да ну, это лишнее. Уж телепатией-то она не владеет. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Это ты зря, – хмыкнул Олег.

– Катю надо изолировать полностью от информации и ни в коем случае не заострять её внимание на том, что она уже видела и слышала. Завтра передашь все свои дела ребятам и займёшься Катей. Могу тебе тоже расчёт выдать для отвода глаз. Будете мне в неформальной обстановке косточки перемывать.

– Сомневаюсь, что это поможет.

– Тогда посадим под домашний арест. И ты будешь варить ей кашку и вытирать сопли, если понадобится! Ты знаешь, что значит для меня эта девочка.

Олег что-то произнёс еле слышно, но я услышала только ответ Юры:

– Тем более, Олежка, значит, ты меня понимаешь.

Я тоже знала, как Юрка ко мне относится, но чтобы приставлять ко мне Олега для такой серьёзной опеки... Что ж, ребята, вы сами заставляете меня действовать на свой страх и риск...

За стеной стихли голоса, и я улеглась спокойно все обдумать.

Перекодировать файлы? Несомненно, речь шла об информации в Юркином компьютере. Доступ к некоторым файлам возможен только по паролю. Это я уже знаю, проверяла лично. Чтобы я да не попробовала... Однако когда я безуспешно пыталась их открыть, я не знала, о чём там речь. Теперь, когда мне это известно, можно попробовать подобрать ключ.

Я встала, защёлкнула дверной замок, села к своему компьютеру и подключилась к нашей домашней локалке. Нужно было подобрать пароль. Хотя бы попробовать.

Рай, Эдем, Парадиз, Адам и Ева... Нет, это было бы слишком просто для постороннего ума. Юра никогда ничего не делает в лоб. Он любит ассоциации. С чем же может быть связан для него Рай? Нет, не тот рай, где грешили Адам и Ева, а тот Рай, куда брат не хочет допускать меня, не хочет, чтобы я испытала то, что пришлось испытать ему самому. Три года назад.

Ох, как много испытал он эти самые три года назад... Боль. Отчаяние. Крах. И это только то, что было на поверхности. Но возможно ведь, что он боялся чего-то, кого-то ненавидел, вынужден был что-то скрывать или же поступаться какими-то принципами...

В сущности, я не так хорошо знала брата. То есть я знала, как он поступит, что скажет, но мне редко удавалось сразу вникнуть в мотивы этих поступков, угадать ход мысли, оценить глубину и силу некоторых его желаний. Слишком искусно он их прятал от посторонних глаз, превратив это в последнее время в разновидность увлекательного хобби. Олегу иногда было известно больше, мне же приходилось полагаться на собственные догадки.

Я набирала в качестве пароля слова, приходящие мне на ум в связи с моими размышлениями о Юрке. Набирала и в русской, и в английской раскладке. Компьютер отфыркивался от моих попыток, но нетерпение, уже прочно засевшее во мне, не давало просто бросить это безнадежное дело.

Мсть... Запрет... Занавес... Тайна... Опасность... Кошмар... Колдовство... Магия... Нет, это несерьёзно. А Юра ко всему относится очень серьёзно. Для него любой вздор, любые гипотезы считаются возможными и имеющими право на существование. Вопреки общепринятым мнениям Юра считал, что на этом свете возможно все, все реально, каким бы сверхъестественным его не считали. Поэтому и спиритизм, и магия, и прочая чушь были для него составной и равноправной частью действительности...

Действительность. Вот что это. Законная часть действительности, спрятанная от любопытных глаз. Это, несомненно, может быть только действительность... Сущность... Естество... Реальность...

Да, Юрка. Лучше бы ты поставил на пароль мой день рождения, до этого мне бы век не додуматься.

Компьютер тихо пискнул, и заветный архив мгновенно распаковался мне на рабочий стол.

Реальность.

Три файла, объединённые этим заголовком.

В первом – список имён, разделённый чёрточкой на две неравные части. В первой части, занимающей три экранных страницы, незнакомые мне сочетания имён и фамилий и дата около каждого имени. Под разделительной чертой – семь имён, около пяти из них даты. Неотмеченными остались двое: Юрий Орешин и Олег Середа. Я вывела содержимое файла на печать.

Второй файл, графический, содержал фрагмент карты в масштабе 1:2000. Побережье некоего водоёма и населённый пункт на нем, название не указано. Несколько обозначенных кварталов и что-то, отмеченное здоровым таким прямоугольником. В двадцати километрах к юго-востоку городишко под именем Кепа. Я уже собралась распечатать карту, но тут в дверь постучали.

– Катя, открой, – послышался голос Юры.

– Зачем?

Я не стала сочинять всякую чушь про то, что я не одета: я знала, что никакими наивными уловками ребят не остановить. К тому же Юрка в собственной квартире откроет любую дверь, как бы я её ни закрывала. Хотелось просто по возможности оттянуть момент, когда моя лихая диверсия откроется и будет безжалостно пресечена.

– Чем ты там занимаешься? – тревожно спросил Юра.

– Играю. Монстров мочу.

– Открой, – ещё настойчивее попросил брат.

Как пожалела я в эту минуту о том, что плохо освоила компьютерные премудрости. Мне бы спрятать эти файлы где-нибудь в виртуальном пространстве, а потом спокойно просмотреть. Мой пароль они никогда бы не вскрыли. Но в интернате у меня были нелады с информатикой.

Теперь же мне оставалось только поскорее посмотреть, что там ещё осталось в последнем файле.

Третий файл, тоже графический, заставил мои ладони покрыться влагой. С экрана смотрел серый пёс. Пасть его была оскалена, клыки и губы вымазаны чем-то темным. Глаза пса смотрели на камеру, его снимающую, с ненавистью почти человеческой. Впрочем, это глаза, действительно, были похожи... Я пощёлкала клавишами, и изображение увеличилось. Теперь с монитора на меня смотрели глаза, занимающие весь экран. Это были большие, миндалевидные, с яркими белками, выразительные голубые ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ глаза...

Рука протянулась из-за моего плеча.

От неожиданности я с криком подскочила со своего места.

– Тихо, малышка... – Юра поймал меня и усадил обратно. Он старался ничем не выдать свой гнев, но у него даже руки дрожали.

Он смотрел прямо мне в глаза. Смотрел и молчал.

– Ты хочешь, чтобы мне стало стыдно? – не выдержала я. – Но мне не стыдно, Юра, потому что это нечестно.

– Что?

– То, что ты не доверяешь мне.

Он криво усмехнулся, отвернулся и стал смотреть на компьютер, по монитору которого сама по себе металась мышка: Олег в соседней комнате получил удалённый доступ и наводил порядок в своём рассекреченном архиве.

– Да, это нечестно. Но уж я возьму этот грех на душу. А иначе может случиться непоправимое, – ответил он наконец. – Недооценил тебя, каюсь. Ты лезешь напролом, как медведь сквозь чашу. Поэтому...

– ... с этого момента я буду находиться под домашним арестом и под неусыпным бдительным оком Олега Середы.

– Надеюсь, ты просто-напросто нас подслушала. Иначе мне было бы страшно иметь с тобой дело, – сообщил он мне после паузы.

– Не сердись, пожалуйста. Я хочу вам помочь.

– Я не могу подвергать тебя риску только из-за того, что всплывают мои старые дела, – покачал он головой, и я видела, что своё решение он ни за что не поменяет.

– Я все равно буду в этом участвовать.

– Ну, это мы ещё посмотрим, кто из нас кого переупрямит, – Юрка невесело усмехнулся, встал, взял костыль и, тяжело передвигая ноги, вышел из моей комнаты.

Я выключила компьютер, погасила свет и легла.

Бедняга Юра вновь недооценил меня. Уйти от опеки Олега очень просто, не одним, так другим способом. Потому что я очень хорошо изучила нашего общего друга, и знала, чем можно его пронять. К тому же мне нравилась идея обвести вокруг пальца настоящих профессионалов. А уж потом я попробовала бы поискать эту серую собаку с человеческими глазами. Лёжа, я взглянула на тёмный монитор. На мгновение мне показалось, что голубые глаза тоже посмотрели на меня изнутри через стекло экрана.

Подлинность снимка в файле не вызывала у меня сомнений. Юрка не будет засекречивать банальную фотожабу. И эту собаку Юра боится. Я была уверена, что он боится. Юра, который практически ничего не боялся, даже смерти, потому что уже побывал у неё в лапах. В моих ли силах избавить его от этого страха? Во всяком случае, в моих силах попытаться это сделать.

Юрке шёл тридцать восьмой год. И если быть точной, он вовсе не был мне братом. Мои родители, жившие в Пскове, погибли в автомобильной аварии, когда мне не было и года. Никого в целом свете у меня не было, и я оказалась в единственно возможном месте: сначала в доме ребёнка, потом в интернате для детей-сирот.

Это сейчас я предпочитаю никогда не вспоминать о том, что было там. А тогда у меня не было выбора.

Я жила там и была, насколько это было возможно, довольна своей жизнью. Точнее, я приспособилась к ней, ведь иной я и не знала. До определённого момента мне казалось, что всё и не может быть по-другому, ведь я осталась одна на всем белом свете, как и большинство моих друзей. Разве что я была более замкнута, чем остальные, и огромное удовольствие доставляли мне мои мечты и сны. Я жила ими, выдумывая невероятные истории, которые виделись мне ночами так явственно, что казалось, будто сны – это вторая жизнь, дарованная мне свыше за то, что первая жизнь многим обделила меня.

Так было до тех пор, пока в моей жизни не появился Юра.

Мне было десять лет. Однажды, когда я с подружками играла на площадке перед спальным корпусом, мы заметили нашу директрису, которая шла к нам вместе с незнакомым мужчиной. Гости были не таким уж частым событием для интерната, поэтому все, кто был на площадке, прекратили игру и смотрели на них. Директриса и гость подошли поближе, и Вера Сергеевна, указав на меня, произнесла: «Это Катя Орешина».

Мужчина внимательно и серьёзно смотрел на меня. Среднего роста, крепкий, спортивный, темноглазый. Короткие русые волосы, зачёсанные назад, открывали высокий лоб и тонкие тёмные брови. Скуластое загорелое лицо, глаза слегка прищурены.

Он подошёл ко мне и тихо, без улыбки, сказал: «Меня зовут Юрий Орешин. Я твой брат».

«У меня нет брата», – прошептала я, повернулась и бросилась бежать от него.

Подружки поймали меня, притащили обратно и оставили наедине с моим гостем. Он сел рядом со мной на скамью и, не обращая внимания на моё угрюмое молчание, стал что-то рассказывать. Он говорил долго, но я ничего не запомнила из этого рассказа. Однако, когда он попрощался, встал и пошёл прочь, я побежала вдогонку. Преградив ему путь, я спросила: «Ты придёшь ещё раз?». «Ты хочешь этого?» – отозвался он. Я смутилась и промолчала, мне неловко было признаться этому необычному, красивому и чужому человеку, как сильно я этого хотела. «Я приду, даже если ты этого сейчас не хочешь», – сказал Юра, – «У меня ведь тоже никого нет, кроме тебя».

И начались бесконечные дни ожидания. Через месяц мне показалось, что Юра никогда больше не придёт. Через два я была уже почти уверена, что его приезд был случайностью, что меня с кем-то спутали, и я никогда уже не увижу этого симпатичного человека со спокойным открытым взглядом.

Но он приехал. Приехал неожиданно, когда я уже почти не вспоминала о нем. Здороваясь со мной, он не смог скрыть своей радости, и этим совершенно меня покорило. Теперь я уже с жадным интересом слушала его рассказы. А говорил он о друзьях, о каких-то смешных случаях, о том, как сам он учился, о том, что он любит и что не любит.

С этого дня я была уже уверена, что я больше не одинока. Долго меня не интересовал вопрос, кто он такой и откуда взялся. Наверное, это был суеверный страх спугнуть его своими расспросами. Я жила от одной нашей встречи до другой. И недоумевала, почему же он только приезжает меня навестить, а не забирает меня с собой навсегда. Ведь он был взрослым братом и имел на это право.

Когда в следующий его приезд я спросила его об этом, Юра объяснил, медленно подбирая слова, что мы с ним не родственники.

Просто мой отец давным-давно усыновил трёхлетнего мальчика, сына своей первой жены. Затем мать Юры довольно быстро упорхнула куда-то в поисках птицы счастья с очередным поклонником, оставив своего сына Ивану Орешину. Тот оказался человеком добросовестным и тянул парнишку один. В пятнадцать лет Юра оказался в суворовском училище, и с тех пор видел отца крайне редко. Освободившись, наконец, от обязанностей няньки, наш отец женился ещё раз, и родилась я. Юра видел мою мать всего лишь пару раз, и не мог рассказать мне о ней практически ничего. В Пскове он не бывал до того момента, когда вдруг решил разыскать меня, помня, что незадолго до гибели отца у него родилась дочка.

Оставшись совершенно один, самостоятельный взрослый мужчина решил найти и согреть своими редкими посещениями маленькую одинокую девочку, которая, в сущности, не имела никакого отношения к его жизни.

К тому времени я уже так привыкла к Юрке, к его редким коротким визитам, к его забавным историям и к его искреннему интересу ко всему, что касалось меня, что известие о том, что он и не брат мне вовсе, несколько меня не расстроило. Он возвращался ко мне снова и снова, значит, все остальное было неважным.

Я становилась взрослой. Юра стал мне больше рассказывать. Я узнала, что мой брат – сотрудник одного из управлений службы безопасности. Он приложил много усилий, чтобы добиться этого. Я знала о его делах не больше, чем прочла бы в любом детективном романе, а потом и вовсе выяснила, что Юрка просто плел, что попало, лишь бы развлечь меня и отвязаться от расспросов. Но его скрытность, тем не менее, не обидела меня, а заставила проникнуться уважением к тому, чем занимались Юрка и те шесть человек, которыми он руководил. Если об этом нельзя было рассказывать, значит, в моем понимании, это было что-то стоящее.

В шутку, ради того, чтобы просто поиграть со мной, Юра обучал меня разным своим хитростям: наблюдательности и умению извлекать информацию из мелочей, правильной постановке вопросов и секретам диалога, умению вести разговор так, чтобы собеседник

сам без нажима рассказывал все, что нужно, и всяким другим пустякам из области психологии общения. Потом я отрабатывала все это на своих подругах по интернату и приходила в восторг от результатов. Иногда Юрка показывал мне приёмы какой-то странной борьбы и больше меня радовался, когда у меня что-то получалось. Я очень боялась разочаровать его, мне не хотелось, чтобы он пожалел когда-нибудь, что я не мальчишка, и старалась вовсю. Юрка казался мне самым добрым и умным человеком на свете, и я надеялась, что когда-нибудь смогу быть ему полезной.

И вот три года назад Юра пообещал приехать в день моего семнадцатилетия и забрать меня с собой. Но в этот день он не появился. Это было так странно, что я не находила этому объяснения. Когда, наконец, через неделю меня позвали в кабинет директрисы, я обнаружила там молодого рыжеволосого мужчину, совершенно мне незнакомого. Он казался утомлённым и крайне взволнованным, скептически оглядел меня и хрипло буркнул. «Меня зовут Олег. Тебе придётся поехать со мной».

Он повёз меня в Питер, и единственное, что я услышала в тот вечер от него, было то, что Юрий Орешин после полученного две недели назад ранения в тяжёлом состоянии находится в больнице, что положение по-настоящему угрожающее, надежды почти нет, а потому нам надлежит поспешить.

Мы добрались до военного госпиталя в нашей славной северной столице, и с той минуты на многие недели вперёд время растянулось для меня в один огромный безнадёжный день. Все впечатления слились в одну мучительную картину: белоснежная палата реанимации, несчётное количество аппаратуры, снующий туда-сюда медперсонал, писк приборов, звяканье инструментов... И безжизненное лицо брата, серым пятном выделяющееся на стерильных больничных простынях. В первые секунды я не узнала Юру: лежащий в больничной палате человек был старше на добрый десяток лет. Запавшие глаза, сухие, серые губы, прозрачная, мертвенно-бледная кожа превратили его в чужого незнакомца. Он лежал в коме очень долго, врачи измучались с ним, в его исколотые руки уже невозможно было вставить иглу капельницы. Какая-то сволочь изрешетила брата пулями, и надежды на то, что он выкарабкается, не было почти никакой.

Я проводила с ним все время, просто сидела рядом, когда была такая возможность, и молилась. Я молила судьбу, небо, Бога не отбирать у меня Юрку. Олег Середа, время от времени навещающий в больницу, почти не разговаривал со мной, он только успевал немного посидеть с Юрой.

Кто знает, может, и мои молитвы хоть немного помогли Юрке. День за днём, месяц за месяцем мы выбирались из кошмара. Юрка поправлялся медленно, и никакие усилия врачей не смогли полностью помочь ему. В тридцать четыре года Юрий Орешин был по инвалидности отправлен в отставку с выплатой максимальной государственной страховки и пенсии. Юра понимал и предчувствовал это, но в день, когда он получил на руки все официальные документы, он был по-настоящему выбит из колеи, замкнулся и надолго замолчал. Уже потом, когда в его голове созрел план создания своего дела, он стал понемногу отходить. Но увы! Он уже никогда не бывал прежним Юркой, каким я успела его узнать. Исчезла его открытость, взгляд потяжелел, голос стал жёстче. Он часто уединялся и подолгу не разговаривал с нами. Это было так непохоже на прежнего Юру, но мы прощали ему все это, во-первых, потому что любили его, а во-вторых, потому что он был нашим боссом во всем, знал и умел больше нас.

С трудом, пройдя от полной неподвижности через инвалидную коляску к своему алюминиевому костылю, он приспособился к нормальной жизни. Пули, извлечённые врачами из его позвоночника, оставили в его теле, кроме страшных рубцов, сгустки боли, реакция на которую у Юрки принимала самые невыносимые формы. Он резко реагировал на любое

проявление жалости к себе, со мной стал строг и безжалостно требователен, а с Олегом просто груб и придирчив.

Так что ничего удивительного в моем сегодняшнем увольнении не было.

Я уснула уже под утро, решив назавтра поступить так, как подскажут обстоятельства. Проснувшись уже довольно поздно, первым делом я достала свой старый и потрёпанный атлас и стала искать в нем Кепу по алфавитному перечню. К моему удивлению, такая обнаружилась. И на мое счастье не где-нибудь в Хабаровском крае, а в Карелии... К западу от Кепы действительно было продолговатое озеро, обозначенное голубой каплей даже на мелкомасштабной карте. Тонкая линия, обозначающая дорогу с твёрдым покрытием, вела через Кепу к побережью и как бы утыкалась в кромку берега. Никакого населённого пункта на побережье не было. Информация была взята мной на заметку.

Одевшись и выйдя из своей комнаты, я обнаружила, что брата уже нет, а Олег сидит в гостиной, углубившись в чтение конфискованной у Зубарского книжечки. Когда я вошла, он лениво усмехнулся и предупредил:

– Шаг в сторону – попытка к бегству. Мне даны самые широкие полномочия.

– А разговаривать со мной тебе не запрещено?

Олег отбросил в сторону книжку. Благодаря скользкой глянцевой обложке она завертелась на диванной обивке и свалилась на пол. Мы оба добросовестно проследили весь её маршрут, потом выпрямились и взглянули друг другу в глаза.

– Это зависит от того, о чём разговаривать, – ответил Олег.

– Скажи, это в Раю искалечили Юру?

Олег не сразу поднял голову. Он внимательно изучал свои блестящие ботинки и размышлял, видимо, стоит ли со мной вообще разговаривать.

– На подступах, – наконец отозвался он. – В Рай мы не попали... Вообще-то на его месте мог оказаться и я. Но я послушался приказа, а Юрка полез туда, нарушив все полученные распоряжения. Вот почему Юра знает, чем может кончиться самовольная деятельность и настаивает, чтобы ты не подставляла свою пустую голову...

Я пропустила его шпильку мимо ушей. Уж насчёт своей головы я была спокойна.

– Почему вы не попали в Рай? – я решила не отставать до тех пор, пока Олег ещё хоть как-то реагирует на мои вопросы. Хорошенько пошевелив мозгами, можно было сделать много полезных выводов и из совершенно невинных сведений, которые удавалось выдавливать из него по капле.

– Был приказ: прекратить все изыскания. Прекратить и похоронить.

– Чей приказ?

Олег выразительно покосился на потолок:

– Оттуда. А Юрка пошёл на риск, на совершенно сознательный риск, ну и... Он не только заплатил своим здоровьем, но было ещё и служебное расследование, хотя его быстро прикрыли. – Олег вдруг зло сверкнул глазами. – Доброе начальство даже признало его увечье полученным при выполнении служебного задания... Кость кинули!

Я вспомнила список, распечатанный мной. Несомненно, список жертв Рая. Только двое из соприкоснувшихся с делом остались до сих пор живы.

– В крутых детективах не кости кидают, а убирают тех, кто знает лишнего, – заметила я. – Что, ваша бывшая контора выше таких методов?

– Во-первых, мы не в детективе, во-вторых, наша контора не лучше остальных. Но мне всегда казалось, что затишье вокруг Рая рано или поздно закончится. Глупо убирать тех, без кого сядет в лужу любой, кто начнёт заниматься Раем с нуля.

– Значит, вы ждёте, когда бывшие сослуживцы придут вам в ноги кланяться? А вы ещё поломайтесь для вида...

Олег угрюмо отмахнулся:

– Отстань! Ничего больше не скажу.

– Да мне ничего от тебя и не нужно, – фыркнула я. – Только скажи, разве бывают собаки с человеческими глазами?

– Не бывают, – буркнул Олег.

– Но я же видела это сама.

– Так пойди и расскажи об этом всему свету, – издевательски усмехнулся Олег.

– Вредина! – разозлилась я. – Я бы рассказала, только кто мне поверит?!

– На то и расчёт! – засмеялся Олег. – Кто ж поверит, что наши органы безопасности занимались подобным. Их там, в Твин Пиксе – это пожалуйста. А наши тут – ни в коем случае!

– И вы действительно занимались всякой ахинеей? – уточнила я, никак не понимая, где у него граница между издёвкой и правдой.

– А чем мы хуже ФБР? – развеселился Олег. – Не думаю, что разглашу государственную тайну, если скажу тебе, что наше родное ноль тринадцатое управление занимается именно ахинеей всех мастей: барабашками, летающими тарелками, телепатами, экстрасенсами...

– Тринадцатое управление, говоришь?

– Не тринадцатое, а ноль тринадцатое. Раз упомянутые мной явления имеют место быть, то они должны изучаться... И небольшой, но довольно крутой персонал управления АНЯ до сих пор на своих постах. За исключением нескольких изгоев, вроде меня и Юрки...

– Аня? Какая Аня?

– Управление АНомальных Явлений, – пояснил Олег, весело глядя на меня.

– Ты это все на ходу сочинил! – упрямо повторила я.

– Отчего же?

– Оттого, что раньше вы делали из всего жуткую тайну и ничего такого не рассказывали!

– Не было случая... – Олег вдруг сбросил улыбку и сказал очень серьёзно: – На самом деле все то, чем занималось и занимается управление АНЯ, находится за семью печатями, персонал имеет наивысшую форму допуска. Правда, я сейчас могу выйти на площадь и проорать всю информацию на весь свет. Или тиснуть страшную статью в бульварную газетёнку. Девяносто процентов читателей сочтёт меня придурком, остальные поверят, но и их вслед за мной тоже сочтут придурками. Поэтому при поголовном стихийном материализме нашего населения можно было и не засекречиваться до такой степени...

– Ну-ну, – проворчала я. Я все равно не верила Олегу. Вернее, не знала, чему из услышанного верить. И я решила верить увиденному: я поверила в существование пса с человеческими глазами. – А ты сам видел таких собак?

Олег не ответил, наверное, он решил, что и так много сказал. А сказал он, действительно, достаточно.

– Слушай, если уж я тут в тюрьме, мне полагается еда и питье?

– Совершенно верно. Только у нас тюрьма самообслуживания, – буркнул Олег, снова усаживаясь за книжку. – Возьмёшь сама в холодильнике. К входной двери не приближайся, ключ у меня. Через четверть часа придет Юрка меня подменить. Мне ведь ещё нужно передать дела ребятам, прежде чем вплотную заняться твоим воспитанием.

Я прошла на кухню. В холодильнике, на удивление, завалялись холодный гамбургер и две бутылки пива. Настоящая роскошь.

Забрав с собой гамбургер и бутылку, я вернулась к Олегу.

Пива мне совсем не хотелось, но наполненная бутылка была тяжеловата для моей цели. Пришлось понемногу отпивать.

Время шло, и если верить Олегу, вот-вот должен был подъехать Юра. Когда бутылка почти наполовину опустела, я подошла к дивану и присела на подлокотник.

– Ну и что интересного в этой белиберде? – спросила я, зная, что люди почти всегда, отвечая на вопросы о предмете, который у них в руках, во время ответа смотрят именно на предмет, а не по сторонам.

– На первый взгляд, ничего. Но Юрка считает, что в любой белиберде есть что-нибудь рациональное. Вот тут в третьей главе...

Не прерывая его, я в очередной раз поднесла бутылку к губам, перехватила её за горлышко и, постаравшись, чтобы рука не дрогнула, ударила Олега в висок. Немного сильнее, чем мне приходилось это делать в наших с ним учебных драках.

Наверное, в последний миг Олег разгадал мою подлость, его рука вскинулась, но не успев даже вскрикнуть, он согнулся и повалился на меня. Я не ожидала, что его безвольное тело окажется таким тяжёлым: я подставила руки, но не удержала его. Олег соскользнул на пол. Осмотрев его карманы, я завладела ключом от входной двери, а также заветной коробочкой Зубарского и серебряным кольцом.

Я прошла в свою комнату, достала небольшую сумку, бросила в неё пистолет – уволив меня, брат забыл отобрать зарегистрированное на агентство оружие – а также поясной патронташ с запасными обоймами, свитер, бесценные трофеи Олега и все деньги, которые были в моем распоряжении.

Я вернулась в холл. Олег по-прежнему лежал неподвижно, и лицо его было в крови.

Надо было спешить и срочно убираться. Иначе мне придётся запомнить этот день на всю оставшуюся жизнь.

За окном тормознул автомобиль. Я выглянула в окно. Юрка.

Я ни за что не успела бы теперь незаметно выскользнуть из дома.

Олег зашевелился, дыхание его участилось, и он что-то пробормотал... Щёлкнул замок входной двери...

Прихватив сумку, я вышла на лоджию и перелезла через загородку на территорию соседней квартиры. Здесь ребята меня не заметят, и искать не будут, потому что открытая дверь на лоджию – дело для нас самое обычное. Вот закрытую дверь они точно бы проверили... Изнутри прекрасно доносились звуки. Я слышала, как Юрка вошёл в гостиную.

– Та-а-ак! – протяжно выдохнул он. Затем зазвенел упавший костыль, и послышалось сдавленное ругательство.

– Где она? – произнёс голос Олега.

– Это я у тебя хочу спросить, – проворчал Юрка, – Вставай, вставай, разлётся... Мало она тебе двинула, сейчас и я добавлю.

– О-ох! – простонал Олег, и я слышала, как он поднимается на ноги. – Вот, ведьма маленькая... Научил на свою голову. Черт, больно как...

– Не причитай, жалеть не буду! – заорал Юрка, а спустя несколько секунд добавил спокойнее: – Проверь, что пропало?

– Ключ и серебро Зубарского, – отозвался Олег через некоторое время.

– Вот теперь попробуй, отсеки ей пути... – произнёс Юра в раздумье.

Олег пробормотал что-то ещё, наверное, снова выругался, и в тот же миг что-то с силой ударилось о стену, и осколки со звоном разлетелись по комнате. Похоже было, что Олег вымещал свою досаду и унижение на злосчастной бутылке.

– Прекрати! – коротко потребовал Юра. – Я сейчас свяжусь с конторой, подключу ребят, обращусь к Зинченко. Постараемся перекрыть ей все возможные пути, если она конечно, не собирается несколько дней отсиживаться...

– ... или ещё какую-нибудь гадость не подстроит! – огрызнулся Олег. – Я не удивлюсь, если её через пять минут не будет в городе. Как ты себе это представляешь: отловить в Питере неприметную девчонку? Но когда мы, наконец, её найдём, я ей кое-что объясню наедине...

– Если мы только найдём её живую, – уточнил Юра, и от его бесстрастно-задумчивого голоса у меня прошёл мороз по коже.

Олег не ответил. Юрка снова прервал молчание:

– Ладно, давай я тебе помогу кровь остановить.

– А ну тебя к чёрту, возиться ещё! Сейчас умоюсь, и вперёд, нельзя терять время.

Через пару минут за ними захлопнулась входная дверь. Пробравшись обратно в квартиру, я простояла у окна за шторой, пока машина брата не скрылась за поворотом. Больше никто не мог мне помешать двигаться дальше, нужно было срочно выбираться из города.

А коль скоро мы жили практически на окраине, дело было не таким уж и сложным: на попутке можно было за пару часов убраться из Питера восвояси. А там рейсовые автобусы. Дороговато, это да. Но с теми деньгами, что у меня были, проехать пол-Карелии вполне было можно. Значит, из любого райцентра области я на перекладных доберусь до цели, и никто меня не обнаружит.

Я шла по улицам в надежде поймать попутную машину. Полупустая сумка болталась на плече, шлёпая меня по бедру. Я представляла себе, как выгляжу со стороны: бродяжка, сбежавшая из дома, в старых, хотя и крепких ещё джинсах, в клетчатой ковбойке, в грубых ботинках на толстой рифлёной подошве, да ещё в пухлой куртке с отстёгивающимися рукавами. Я рассчитывала обойтись именно таким гардеробом, тем более, что мне нужно было выглядеть как можно более обыкновенно.

Выйдя из жилых кварталов на шоссе, я двинулась вдоль автостреды, изредка оборачиваясь, чтобы не пропустить подходящую машину. Когда рядом тормознула иномарка, я невозмутимо пошла вперёд, показывая, что она меня ничуть не интересует. Но автомобиль плавно объехал меня и затормозил. Из машины вылез загорелый, плотный мужчина в офицерской куртке-камуфляжке и, улыбаясь, ждал, пока я приближусь. Я хорошо знала его: это был капитан Игорь Зинченко, начальник мобильного спецподразделения, крутой парень, которого уважали друзья и побаивалась всякая шушара. Несколько раз дела, проработанные усилиями ребят из агентства Орешина, заканчивались совместной с командой Зинченко операцией. Кроме того, как я поняла из реплик, брошенных между делом, Зинченко и Юра когда-то где-то учились и начинали служить вместе. Их пути разошлись, видимо, когда Юрку занесло в управление АНЯ.

– Куда путь держишь? – приветствовал он меня. – Может, нам по пути?

– Это смотря куда ты, – осторожно ответила я, убедившись, что Зинченко в машине один.

– Я в Волхов. Наконец-то взял отпуск. Надо родителям с огородом помочь.

– Подойдёт, – я решительно забралась внутрь машины.

Зинченко мягко тронул машину с места и, как бы невзначай, заметил:

– Твой брат звонил в управление и просил помощи в срочной расстановке капканов.

– Знаю. Он меня ищет, – ответила я.

– Заливай! – засмеялся Зинченко. – Они там что-то серьёзное копают. Но дать мотивированный запрос Орешин отказался, поэтому людей ему не дали. Когда я выезжал, прибыл Середа, я не успел с ним переговорить, но одного взгляда на его физиономию было достаточно... Кто это так разукрасил твоего приятеля?

– Я.

Зинченко пожал плечами:

– Не хочешь, не говори.

– Да я просто не знаю, – соврала я, показывая всем своим видом, что вот теперь-то я не шучу. – Если хочешь знать, я уволена, и теперь путешествую в своё удовольствие. Я послала к чёрту все их проблемы.

Зинченко засмеялся и произнёс с издёвкой:

– Давно пора было тебя уволить, чтобы под ногами не путалась. Я бы вообще всех женщин из нашего ведомства разогнал по домам. Дела не делают, только чаи гоняют, да мужиков смущают своими ногами.

– Чем тебя ноги не устраивают? – усмехнулась я.

– Да нет, ноги – дело хорошее, но не тогда, когда вваливаешься в управление после рейда, пропотевший насквозь, уставший, злой и, голодный.

Зинченко всю дорогу трепался и шутил, и если бы я его не знала, ни за что не подумала бы, что это настоящий профессионал, равных которому очень мало. В конце концов, мне наплевать, что этот балагур думает о женщинах. Но, черт возьми, горе мужчинам, даже самым лучшим, если они недооценивают меня! Пусть потом не ищут виноватых, когда будет ущемлено их самолюбие. Слушая трёп Зинченко, я поглядывала на него и развлекала себя тем, что мысленно прикидывала, нужно ли мне было бы отпивать от бутылки пива, если бы на месте Олега был Игорь Зинченко, или следовало бы оприходовать его полновесным грузом.

Через пару часов мы въехали в Волхов. Автобусная станция – это было то, что нужно. Зинченко высадил меня у автостоянки и поехал по своим делам, пожелав мне приятного отдыха.

Без особых хлопот я взяла билет на рейсовый автобус в сторону Петрозаводска. У меня ещё оставалось время, чтобы, что называется, привести в порядок свои дела. И я решительно включила телефон. Ненадолго можно, все равно они примерно представляют, куда я направляюсь, а пока пробьют сигнал... Я позвонила на городской номер агентства.

– Агентство Орешина, – прозвучал в трубке усталый голос Олега.

Я молчала какую-то лишнюю секунду, и Олег тут же раскусил меня.

– А-а-а, молчишь?! «Спасибо» ждёшь что ли?

– Как твоя голова?

Он подавился горьким смехом:

– Ну ты подумай! Я тебе потом расскажу. Ты ещё пожалеешь об этом, нахалка... Где ты сейчас?

– Билет у меня в кармане. Автобус отходит через десять минут.

На том конце возникла долгая пауза. Олег лихорадочно прикидывал свои дальнейшие действия.

– Я спросил, где ты, – наконец отозвался он.

– Бесполезно выяснять, Олег. Считай, что меня здесь уже нет. А как Юра?

– Приезжай, взгляни. Оно того стоит, – укоризненно сказал Олег.

– Нет, сначала я закончу то, что начала. Пока.

– Эй, Катерина! Послушай, это важно!..

Я снова вернула трубку к уху, но не ответила. Уверенный, что я слушаю его, Олег умоляюще произнёс:

– Я прошу тебя: надень кольцо Зубарского и не снимай его ни при каких обстоятельствах!

Я медленно опустила трубку на рычаг.

Глава 3

Рейсовый автобус ехал по пустынной дороге, ковыляя по рытвинам и колдобинам разбитого вдребезги асфальта. Двигатель хрипло завывал, в салоне пахло бензином. Несколько пассажиров автобуса дремали и совершенно не интересовались ничем. Это были, в основном, пожилые женщины с набитыми хозяйственными сумками. Ехали они, скорее всего, по домам и были равнодушны к пейзажу за окнами.

Закатное солнце слепило меня через стекло. Оно собиралось садиться в туман, и нижний край его уже погрузился в тёмные клубы туманного облака.

Автобус приближался к Кепа. Состояние шоссе говорило о том, что эти места не очень-то посещаемые: покрытие дороги давно никто не ремонтировал.

Кепа оказалась небольшим одноэтажным посёлком. Автобус остановился в самом центре посёлка, и тётки с авоськами и сумками дружно выгрузились. Я осталась в салоне одна. Водитель, пожилой толстый дядя в грязно-бурой куртке покосился на меня в зеркало заднего вида и буркнул:

– Красавица, уснула, что ли?

– А мне дальше, – ответила я, помня, что там, где я брала билет на этот рейс, была схема маршрута. Автобус должен был ехать по грунтовке до озера.

– Дальше тебе? Ещё выдумала!.. – фыркнул водитель. – Давай, давай, выгружайся, не то увезу обратно!

– Но мне нужно дальше, к озеру! – возразила я без всякой надежды на то, что мне удастся избежать долгого пешего путешествия. – Я купила билет до конца маршрута.

– Ну-ну! – водитель как-то зловеще ухмыльнулся, закрыл двери и неожиданно стронул машину с места.

Миновав Кепа, автобус потащился дальше. Асфальт за поворотом кончился, и машина заковыляла по грунтовке.

Ни одна машина, ни один человек не попался нам навстречу в надвигающихся сумерках.

По моим расчётам, автобус был едва ли на середине пути между Кепой и озером, когда водитель затормозил и грозно сказал:

– Приехали. Конец маршрута.

Ясно было – дальше он не поедет.

Поблагодарив его, я вышла и двинулась вперёд по грунтовке. Автобус сзади запыхтел, развернулся и уехал.

Я осталась одна на лесной дороге. Ни автобусной остановки, ни каких бы то ни было намёков на неё: столба, бетонной плиты или оборванной таблички – не было и в помине. И мне осталось признать: толстый дядька все-таки посадил меня раньше, чем было положено.

Но делать было нечего. Я пошла вперёд на своих двоих.

Оглядевшись по сторонам, я заметила в окружающем меня пейзаже нечто новое.

Вообще-то картина была весьма однообразна: плоская, покрытая негустым лесом поверхность тянулась во все стороны, насколько простирался взгляд. Я представляла себе, что в Карелии есть не только скалы и вековые сосновые боры, но и довольно банальные ландшафты... Сумерки постепенно скрадывали местность и неумолимо приближали ко мне горизонт, на который со всех сторон набегали тяжёлые тёмные тучи.

Неожиданно впереди начали проблёскивать огоньки. Я не смогла точно оценить ни расстояние до них, ни размеры светящегося объекта. Я шла вперёд, но в течение целого часа огни не приблизились, хотя их становилось все больше и больше.

Огни горели по-прежнему, более или менее постоянно, лишь изредка несколько расположенных рядом огоньков вдруг резко уменьшали свечение, и некоторое время казалось, что перед ними проплывает какая-то мутная завеса. В какой-то момент мне показалось, что огни находятся где-то далеко внизу, в котловине необъятных размеров, а я стою у края этой котловины, и пытаюсь в надвигающейся темноте различить её контуры.

Становилось все темнее, а ветер хлестал все злее и злее, я поспешно пошла вперёд, стараясь не задумываться об этих странных огнях до тех пор, пока не приближусь к ним на подходящее расстояние.

Свечение впереди вдруг стало ослабевать, и огни стали пропадать целыми группами. Я почувствовала себя так скверно, будто кто-то решил надо мной поиздеваться, и это ему удалось.

Темнота сгустилась, кроме участка дороги, уже ничего не было видно. По моим расчётам, я уже должна была достигнуть того самого безымянного населённого пункта на побережье. И точно, я миновала два столба у края дороги, на которых когда-то, видимо, был укреплен стандартный указатель с названием посёлка. Но, тем не менее, в темноте ничего похожего на жильё разглядеть было невозможно. Я шла по дороге, решив ни на шаг не сходить с грунтовки.

Какие-то едва живые огни появились снова. Но они появились неожиданно близко, прямо перед моим носом, в нескольких метрах. Похоже, что я свернула куда-то в темноте.

Я остановилась.

– Ого! Вот это да! – результат был так поразителен, что я заговорила сама с собой.

Я стояла посреди тихой, пустой и почти абсолютно темной улочки. Какой-то фонарик горел на трёхэтажном здании, около входа в которое скорее угадывалась, чем прочитывалась вывеска «Гостиница».

Похоже, что цель моего путешествия достигнута. Только городок, в который я попала, напоминал летучий голландец.

Я поправила сумку на плече и подошла к входной двери гостиницы. Под ногами лежали ровные небольшие бетонные плитки, и мостовая в этом притихшем закутке отнюдь не походила на развороченный асфальт, который бывает в заброшенных и запущенных городках.

Какое-то движение за моей спиной заставило меня обернуться. В трёх метрах от меня стояла собака. Крупный взъерошенный пёс беспородной наружности. Его силуэт чётко вырисовывался в тусклом свете лампочки. Пёс смотрел на меня, не издавая ни звука.

– Какого черта ты тут делаешь? Пошёл вон! – сказала я псу.

Тот наклонился, понюхал плитки, повернулся и метнулся назад, в темноту. И вот уже оттуда, в полной темноте раздался рык, сопровождающийся ворчанием и поскуливанием ещё не менее, чем полудюжины собак.

Нельзя сказать, что первое впечатление от этого местечка было приятным. Если в затемнённом захолустье бегают только бродячие псы, то что же за люди живут здесь?

Я взялась за ручку входной двери, готовая к тому, что она окажется запертой, но, к моему удивлению, дверь легко отворилась, и я вошла в тёмный холл.

Это была, судя по аскетической обстановке, старая гостиница, построенная давным-давно. Тесный холл с несколькими дешёвыми креслами, деревянная лестница, ведущая из холла наверх, к номерам, а под лестницей – конторка администратора с неизменной толстой книгой на стойке и с ячеистой полочкой для ключей на стене. Весь интерьер, представший передо мной, освещался маленьким бра, укрепленным где-то на уровне стойки администратора. Дверь в комнатку дежурного оказалась отворенной настежь, но за ней, кроме непроглядной темени, ничего не было.

Ничего и никого не было и во всем первом этаже. Только тишина и полумрак.

Я подошла к стойке и осторожно заглянула внутрь конторки. Я не удивилась бы, обнаружив там что-нибудь из ряда вон выходящее, но там никого не было. Только книга, лежащая на стойке как бы подтверждала то, что это действительно гостиница, и здесь даже кто-то останавливался, начиная с...

Я открыла первую страницу. В этой толстенной книге было не меньше двухсот страниц, но заполняли её мелким аккуратным почерком всего только... шесть лет. Я перекинула половину страниц и попала как раз на записи трёхлетней давности. Сентябрь... Медленно опускаясь по строчкам, я нашла то, что и ожидала найти: «Орешин Юрий Иванович, 4 сентября, номер 9, служебная командировка». 9 сентября Юрка был ранен, а 11 сентября доставлен в Петербург, в госпиталь.

– Что вам угодно? – раздался за моей спиной холодный резкий голос. Я обернулась назад. Из дальнего угла холла шёл мужчина в темных брюках, темной жилетке и в белоснежной рубашке, которая выделялась в темноте, словно подсвеченная изнутри. Когда он обошёл меня, встал за стойку, стало ясно, что он не доволен моим появлением.

– Мне угодно снять номер.

– К сожалению, мы не сдаём номера приезжим, – отчеканил мужчина.

– Насколько я поняла, это гостиница.

– Не совсем. Это была гостиница. Сейчас это почти... музей. Местная достопримечательность. Историческая ценность. Хозяин использует её только для своих избранных гостей. Поэтому, извините, но вам придётся немного пройти вперёд по улице, и вы найдёте там неплохую современную гостиницу... для всех.

– Неужели нельзя хотя бы одну ночь провести здесь? Представьте, мне хочется остановиться именно здесь...

– Извините, но это невозможно...

Странные цокающие звуки, раздавшиеся с деревянной лестницы, заставили мужчину оборвать возражения на полуслове. Сверху спускалась большая чёрная собака, похожая на пинчера, но таких невероятных размеров, что была больше самого крупного ньюфаундленда. Собака, казалось, не обращала внимания ни на меня, ни на мужчину. Она пробежала мимо, царапая когтями по деревянному полу, и направилась в открытую дверь комнаты администратора. Так и не произнеся больше ни слова, мужчина проследовал за ней и прикрыл за собой дверь. Несколько минут все было тихо, никто не показывался в холле, никто не зажигал свет.

Новое цоканье когтей по полу раздалось где-то совсем рядом, но никого не было. Похоже, очередная собака не решалась сойти с лестницы в холл. Не сводя глаз с нижних ступенек, я напряжённо вслушивалась, но звуки не повторились.

– Слушаю вас, – раздался вежливый голос, и я вздрогнула от неожиданности.

За стойкой стоял совершенно другой человек, одетый так же, как и предыдущий, только лицо его, гораздо более бледное и даже влажное, совсем не было таким деревянным и бесстрастным, как у его предшественника.

– Я хотела снять номер, но мне тут только что сказали...

– Я должен попросить прощения за своего работника, – прервал меня собеседник, развернул к себе книгу и взял откуда-то снизу ручку. – Произошла ошибка.

– Тогда мне нужен обычный одноместный номер.

– Номер 9 вас устроит, я полагаю? – осведомился странный администратор.

– Отчего же вы так полагаете? – я постаралась ничем не показать, что подобная проницательность не на шутку напугала меня.

– Я полагаю, что он вам подойдёт, – так же ровно пояснил администратор.

– Что ж, если он не хуже прочих.

– Отнюдь. Представьте, пожалуйста, – он занёс ручку над страницей.

Что-то вселило в меня твёрдую уверенность, что придумывать вымышленное имя нет смысла. Только не в этой странной гостинице не для всех.

– Орешина Екатерина Ивановна.

– Цель посещения вы сообщать не обязаны, но если пожелаете...

– Нет, не пожелаю. Это моё частное дело.

– Я провожу вас, – он никак не отреагировал на мои слова, вынул их ячейки ключ, прикрепленный к тяжёлой деревянной груше, вышел из-за стойки и пошёл впереди меня к лестнице. Как только мы приблизились к ступенькам, цокающие звуки возобновились и стали неторопливо удаляться вверх по лестнице. Невидимая собака простояла все это время за углом лестницы и подслушивала наш разговор.

– Не волнуйтесь, здесь, в стенах этого дома, вам ничего не угрожает, – сказал вдруг мой спутник.

– Я просто терпеть не могу собак, – пояснила я.

– За собак я ручаюсь, – быстро сказал он, сделав ударение на слове «собак», и после паузы добавил: – В стенах этого заведения, по крайней мере.

Портье остановился перед тяжёлой деревянной дверью с табличкой «9». Распахнув её передо мной, он повернулся и сделал приглашающий жест рукой:

– Добро пожаловать. Если вам что-нибудь понадобится, Кирилл ответит на все ваши вопросы. Впредь он будет достаточно любезен с вами.

Черты его лица все ещё хранили странный отпечаток усталости. Наверное, такое впечатление производил землисто-серый оттенок кожи, тонкие черты и влажная испарина на лбу, словно этот человек срочно примчался откуда-то, чтобы принять меня и проводить в номер. Он нетерпеливо огляделся по сторонам, на секунду задержав на чем-то взгляд. Я посмотрела туда же, но успела заметить лишь исчезающий за углом коридора собачий хвост.

– Спокойной ночи. И вот ещё что, – он явно заколебался, не мог решить, стоит ли говорить мне то, что он собирался сказать. – У вас есть с собой украшения?

– Ваши собаки страдают клептоманией?

Шутки он явно не оценил. Понизив голос, он наклонился почти к самому моему лицу и произнёс:

– Наденьте что-нибудь из серебра.

В следующее мгновение он уже поспешно удалялся по коридору.

Я вошла в номер и закрыла за собой дверь на ключ.

Это была небольшая полупустая комната, вся с пола до потолка отделанная деревом. На окне висели соломенные жалюзи, наверняка такие же древние, как и сама гостиница.

Широкая кровать была застелена стёганным шелковым одеялом, рядом на тумбочке горел крошечный ночник, благодаря которому я и смогла различить, куда я попала. Низенький пуфик, обтянутый вытертым плюшем, и деревянное кресло, напоминающее скорее пляжный шезлонг, довершали обстановку этой спальни.

Я бросила сумку на кровать, а затем ещё раз подошла к двери, чтобы на всякий случай проверить работу дверного замка. Да, дверь была надёжно закрыта.

Я села на кровать и вытряхнула наружу содержимое своей сумки. Первым делом я прикрепила на место рукава своей куртки. Это давало мне возможность надеть на себя наплечную кобуру и не беспокоиться, что это будет слишком заметно. Приготовив для утреннего одевания всю свою огнестрельную сбрую, я потянулась к креслу, чтобы повесить на спинку куртку и швырнуть на неё оружие.

За креслом что-то лежало. Что-то чёрное. Прямо на полу у стены. Какая-то вещь из чёрной кожи, забытая, видимо кем-то из прошлых постояльцев. Я встала, наклонилась и подняла с пола кожаную короткую мужскую куртку.

Я знала эту куртку, как свою. В ней Юрка много раз приезжал ко мне в интернат, и я не спутала бы её со множеством похожих.

Куртка была совершенно реальна, она не собиралась растворяться у меня в руках. Мягкая кожа, ровные строчки, пуговицы на месте, карманы... В нагрудном кармане что-то лежало и придавало ему некоторую жёсткость. Я вынула на свет фотографию, и ещё не взглядевшись в неё, я поняла, какого рода этот снимок. На нем я увидела уже знакомое серое чудовище, которое начинало прыжок на объектив. Пасть пса занимала почти все пространство и была немного расплывчата и искажена. Зато на этом снимке на заднем плане проявлялось чьё-то лицо, оно тоже было размытым. Тем не менее, я узнала его. Это был мой недавний спешащий куда-то в запарке странный администратор гостиницы.

Было над чем подумать: специально ли мне подбросили куртку, или в этот номер за три года никто не заходил? В номере было относительно чисто, но это, конечно, ничего не значило. Внимательно оглядевшись ещё раз, я вдруг заметила над тумбочкой несколько выщербленных в дереве дырочек и бесформенное, буроватое, еле заметное пятно, в пределах которого эти дырочки и находились. Подойдя поближе и изучив контуры пятна, я все поняла. Это кровь, не до конца отмытая и ввевшаяся в дерево, а дырочки – не что иное, как следы от пуль. Значит ли это, что это кровь моего брата, или кто-то все-таки задался целью меня напугать?

Мне очень захотелось вдруг немедленно услышать голос Юрки и получить у него какой-нибудь дельный совет. Но панику следовало в сторону. Если я позволю себя напугать, мне не поможет даже брат.

Я достала коробочку Зубарского и вынула серебряное кольцо. Если бы Олег не посоветовал мне надеть его, словам подозрительного портье я не стала бы следовать. Но мне трудно было представить, что мой приятель мог пожелать мне дурного, поэтому я надела кольцо Зубарского. На средний палец правой руки. Правда, кольцо было отлито явно на мужскую руку, поэтому даже на среднем пальце оно держалось еле-еле.

Чёрную куртку Юры я свернула и сунула в сумку, а фотографию положила к себе в задний карман джинсов. Оставив оружие наготове и под рукой, я легла поверх одеяла, выключила ночник и закрыла глаза. Тишина была полной. Даже с улицы не доносилось ни звука.

Сон подкрался незаметно, и я даже не сразу поняла, что это сон. Я продолжала видеть свой номер в гостинице. Только видела я его из угла и немного сверху, словно кто-то подвесил меня к потолку. Я видела человека, спящего на кровати совершенно так же, как и я, поверх одеяла и в одежде. Это был Юрка. Он лежал на боку, сунув руку под подушку. Наверняка, там пистолет. Дверь неслышно отворилась, и в номер бесшумно вошёл какой-то черноволосый мужчина в темных брюках и белоснежной сорочке, с автоматом в руке. Остановившись около кровати, он поднял автомат и щёлкнул предохранителем.

Я попыталась позвать брата, но не могла произнести ни звука. Я словно бы не присутствовала больше в комнате, а смотрела на происходящее со стороны, как будто сквозь непроницаемое стекло. Непрошенный киномеханик прокручивал передо мной в замедленном темпе ужасную сцену.

Тем не менее, щелчок предохранителя разбудил Юру. Он мгновенно проснулся, вскинул руку с пистолетом в сторону вошедшего и нажал на спуск. Но два выстрела, которые он успел сделать, никак не повлияли ни на позу черноволосого незнакомца, ни на его намерения. Уже вскочив с кровати, Юра нарвался на длинную очередь. Пули отбросили его, он развернулся лицом к стене. За пару секунд его рубашка превратилась в кровавые клочья. После того, как автоматная очередь прекратилась, Юра медленно повернулся, прислонившись к стене, и его широко открытые глаза были темны и совершенно безжизненны. Затем он упал, оставив на стене бесформенное кровавое пятно.

Черноволосый повернулся и на выходе столкнулся с тем, кто пытался войти в номер. Черноволосый перехватил входящего и несколько секунд молча смотрел ему в лицо, а потом, оттолкнув, вышел.

Тот, кто вошёл ему на смену, был без оружия. Оглядев комнату, он подошёл к лежащему Юрке и склонился над телом. Это был... Да, точно, это снова был мой ночной портье...

Сон внезапно кончился. Я обнаружила себя сидящей на кровати с лицом, мокрым от бессильных слез. Сердце бешено колотилось где-то в горле, и никак было не перевести дыхание. Горькие слезы все-таки прорвались наружу, и я просидела несколько минут, уткнувшись лицом в колени и пытаюсь справиться с собой. Но из этого мало что получалось: стоило мне снова вспомнить сон, как сразу возникало мучительное желание немедленно, сию же секунду оказаться рядом с братом и убедиться, что сейчас с ним все в порядке.

Я не сомневалась, что три года назад в этой комнате произошло именно то, что я только что видела. И хотя во сне я и не видела лица убийцы, я точно знала, кто может мне все рассказать.

Через щели в соломенных жалюзи пробивался дневной свет. Я встала и вышла в ванную комнату, пытаюсь хоть немного успокоиться, сунула голову под струю чуть тёплой воды. Когда сердцебиение улеглось, и слезы высохли, я оделась, и подойдя к окну, подняла жалюзи...

Несколько минут, последовавших вслед за этим, я стояла у окна и не могла собрать свои мысли, потому что не могла подобрать ничего подходящего из словарного запаса для определения того, что я увидела. Метрах в трёхстах от гостиницы начинался... Нет, слово «начинался» звучало смешно. Высылся... «Высылся» – это слабо. В общем, все видимое из моего окна пространство занимал дом. Дом. Здание. Даже подойдя вплотную к стеклу, я не смогла увидеть ни левого края, ни правого края этого Дома, а даже присев на корточки и изогнувшись, нельзя было увидеть последнего этажа. Тех этажей, которые можно было увидеть, было около полусотни, но и это не совсем правильно, этажей, как таковых, не было, все окна были вразброс и на разных уровнях.

Я никогда не страдала гигантофобией. Но размеры объекта, который был виден в моё окно, были настолько нестандартны, что могли поразить чьё угодно воображение.

Я вышла из номера, заперла дверь, и по пустому тихому коридору прошла к лестнице. При дневном свете интерьер странной гостиницы уже казался более обычным, чем ночью.

Нелюбезный дежурный по имени Кирилл ходил по холлу с тряпкой и вытирал пыль. На меня он не посмотрел. Из-за стойки выбежал огромный чёрный пинчер. Морда его была низко наклонена, и он почти вёл носом по полу. Я остановилась, но пёс не обратил на меня внимание, а пустился галопом по лестнице вверх.

– Что это за здание? – спросила я дежурного.

Он повернулся, и его рука с тряпкой застыла.

– Какое здание?

– Ну... то, на которое выходит окно моего номера.

Лицо Кирилла вытянулось.

– Вы... вы шутите?

– Нисколько. Я впервые в вашем городке.

Кирилл молчал. Это меня возмутило. Ведь свои вопросы я задала достаточно ясно. Заметив мои чувства, Кирилл почему-то смутился ещё больше:

– Умоляю, только ничего не говорите хозяину! Если он поймёт, что я опять не угодил вам, мне будет плохо...

– Я не собираюсь ябедничать твоему хозяину.

Кирилл был уже на грани обморока. По его лицу было видно, что он считает, что я над ним издеваюсь.

– Так что это там такое, за окном?

– Это Рай, – прошептал Кирилл.

– Всего лишь? – нетерпение снова начало щекотать меня изнутри. Ну конечно, Рай, тот самый безымянный прямоугольник на компьютерной карте. Два на два километра, если не больше. По приблизительным прикидкам.

– Добрый день! – раздался откуда-то сзади спокойный голос. Я обернулась.

На нижней ступеньке лестницы стоял ночной портье. На нем был светлый кремовый безукоризненно модный костюм. Темные, практически черные волосы аккуратно зачесаны, в руках – светлая шляпа с пижонски широкими полями.

– Если позволите, я хотел бы сопровождать вас сегодня, – мягко сказал ночной портье. – Я покажу вам город.

– Сначала я хотела бы знать, с кем я имею дело.

Одно движение руки – и Кирилл немедленно убрался из холла. А портье сделал несколько шагов в мою сторону и церемонно наклонил голову:

– Александр Извеков, хозяин сего заведения.

Я была уверена, что уже где-то встречала это имя. Нет, этого человека я точно не знала раньше, но сочетание имени и фамилии было знакомым и о чём-то должно было мне сказать.

– И чем же вызвана ваша несказанная любезность?

– Не стоит быть такой колючей. Тем более, что я все равно ни о чём не буду спрашивать.

– Потому что все знаете?

– Потому что все знаю, – вежливо улыбнулся он. Не дав времени мне отреагировать на его фразу, он бросил быстрый взгляд на лестницу и произнёс:

– Разговор нам лучше продолжить в другом месте.

Оттуда, сверху, донеслись тяжёлые шаги. Кто-то спускался вниз. Ухватив меня за локоть, мой новый знакомый почти потащил меня к выходу, и мы оказались на улице.

На обычной улице захолустного городка с одинокими частными домами, далёкими от современных изысков коттеджного строительства. Обычные деревенские дома, скрывающиеся за деревьями и заборами. Однако мостовая на аллее была из аккуратных бетонных плиточек. Туда-сюда сновали хмурые, спешащие куда-то плохо одетые люди.

Извеков, или кто он там был на самом деле, решительно свернул направо и повёл меня по улице. Прохожие провожали нас ленивыми взглядами. Да, наверное, мы являли собой очень странную пару: лошёный мужчина, одетый с иголочки, и похожая на подростка девушка с ещё непросохшими, стриженными под мальчишку волосами, в походной одежде и грубых ботинках.

– Куда мы идём?

– Я ещё не знаю. Лучше будет, если мы пока отойдём подальше отсюда.

Чем дальше уходили мы к центру городка, тем многочисленнее становилось на улице. По дороге нам попало несколько симпатичных двухэтажных домов и современных магазинов.

Я шла и не могла заставить себя взглянуть направо, туда, где возвышалась стена Рая.

– Это совершенно обычное здание, оно построено из совершенно обычных материалов и представляет собой технически сложное, но вполне земное сооружение. Если бы ты подъезжала к Раю днём, ты уже издалека сумела бы оценить его. Но поздним вечером ты видела только отсветы уже севшего солнца. На верхней части лучи солнца остаются очень долго, даже когда у подножия стен уже царит ночной мрак. Наверняка ты решила, что это были огни, – рассуждал Извеков, продолжая вести меня вперёд.

Я вдруг подумала о том, как нелепо мы смотримся вместе. Как будто скучающий миллионер решил вдруг прогуляться в компании бродяжки. Мой спутник смотрелся действительно шикарно. В сущности, он был довольно красивым мужчиной. На вид лет тридцать,

худощавый, бледный, выбритый, с правильными чертами лица, которые были бы очень приятными, если бы не чрезмерная бледность и болезненная хрупкость. Он выглядел недавно оправившимся после тяжёлой болезни, даже его светло-голубые глаза казались сухими и тусклыми.

Мы шли вдоль стены Рая, и я наконец переключила на неё все внимание. Теперь становилось ясно, что Рай имеет общие очертания пирамиды. Наверное, его архитектору не давала покоя слава египетских чудес света. Но это были лишь общие очертания. Вся конструкция состояла из немыслимо сложного сочетания граней, плоскостей, многогранников, полусферических выпуклостей и вогнутостей, в каждой из которых могло разместиться приличное озеро. Мне почему-то пришло на ум странное даже для меня самой сравнение: каждый фрагмент стены напоминал изувеченную, вывернутую на изнанку гранёную поверхность мяча для гольфа.

– Верхушка этой пирамиды далеко за облаками, – произнёс Александр.

– Что это вообще такое? Кто там внутри?

Он состроил невинную мину и осторожно ответил:

– Там очень много... разного народа. Население Рая не уступает по численности крупному городу. Но большинство никогда не выходит наружу. Для них Рай – это все мироздание, и они там счастливы.

– А прочее население этого города?

– Их очень мало осталось, – быстро ответил он, и чтобы не нарываться на вопросы продолжил сам: – Из Рая сюда выходят только те, кому это нужно или интересно. Те, кто когда-либо вошёл в Рай именно отсюда, любят сюда частенько возвращаться...

– А откуда ещё можно войти в Рай? – я все-таки вставила свой вопрос.

– Изнутри.

Мне хотелось спросить о многих вещах, но вопросы так плотно теснились в голове, что я никак не могла выбрать, как повести разговор дальше. Александр вдруг в упор посмотрел на меня и сказал:

– Ты зря надела кольцо на палец. Оно слишком велико, ты обронишь его в самый неподходящий момент. Лучше было бы повесить его на шею на какой-нибудь цепочке.

– Неужели в Раю водится нечистая сила?

– Ну... скажем так: здесь ни один человек, думающий о своей безопасности, не выходит из дома без серебра.

– И ты тоже?

Он опустил голову и долго не отвечал. Потом пожал плечами:

– Поверь, это оправданная предосторожность. Один человек, которого мы оба знаем, при всей своей серьёзности едва не заплатил жизнью за то, что пренебрёг моим советом.

– Ты о Юре? – я ожидала подобного поворота в разговоре. Не зря же мне показалось, что ночной портё неспроста изменил собственные инструкции, данные когда-то Кириллу насчёт приезжих. И мой сон приснился мне тоже не случайно.

– Совершенно верно... Кстати, как он?

Александр, как мне показалось, задавал свой вопрос не из простой вежливости.

– Он в порядке.

– Но ты, тем не менее, приехала сюда, чтобы отомстить?

– Чтобы разобраться. И если уж ты читаешь мысли, то должен знать об этом лучше меня.

– Я не читаю мысли, – поспешно возразил Александр, – но я читаю сны.

Сны? Да, похоже на то, что он читал сны.

– А может быть, ты ещё и можешь их навевать?

– Нет, не могу, – возразил он. – Но кое-кто может и это. Но мне, право же, не хотелось бы, чтобы он пускал в ход свои способности, особенно некоторые из них. Пока ещё все не зашло слишком далеко, я должен попробовать уговорить тебя уехать. Уехать отсюда трудно, даже невозможно, но я могу это устроить.

Его слова мне решительно не понравились. Не для того я сюда рвалась, чтобы уехать ни с чем. Я невольно замедлила шаг и была готова уже сорваться в сторону. Но мой спутник придержал меня за локоть.

– Не делай глупостей. Пока о твоём присутствии здесь не знает никто, кроме меня, я не хочу, чтобы ты оставалась здесь ещё хотя бы даже и на день. Хотя в моих личных интересах, возможно, и не стоило бы ничего тебе говорить... Но для тебя будет лучше, если ты уедешь, и поскорее. Когда вслед за тобой сюда примчится Орешин...

– С чего ты взял...

– ... примчится! – твёрдо сказал Александр. – Уж я-то его знаю. То, что ты здесь – это для Орешина лучший капкан. Ну и на ваших жизнях можно будет ставить крест.

Его тон совершенно не соответствовал тому, о чём он говорил. В словах его была прямая угроза, но голос его был мягким и доверительным.

– Почему ты так уверен, что Юра не справится?

– А здесь все уже совсем не так, как было раньше. Все стало ещё хуже. Или теперь за ним стоят внутренние войска и спецназ? Как бы не так – наверняка такой же одиночка, как и раньше.

– Но...

– Середа не в счёт, – усмехнулся Александр.

– Ты можешь мне не поверить, но Юра не рассказал мне ни слова: ни о том, что с ним случилось тогда, ни о том, что меня может здесь ожидать.

Александр резко остановился и развернул меня к себе.

– Совсем ничего тебе не объяснил?! – его глаза стали круглыми от неподдельного удивления. Он нервным движением сдёрнул с головы шляпу.

– Ничего. Я понятия не имела о том, что вы с Юрой знакомы. Я приехала сюда без его разрешения. Точнее, сбежала.

– Даже вот как? Это плохо, – Извеков закусил губу и сосредоточился. – Сейчас выехать из города у нас не получится, хотя на первый взгляд ничто не мешает. Ночью же, с моей помощью, ты уедешь отсюда.

– Я никуда не уеду. Ни молчание Юрки, ни твои недомолвки с намёками меня пока не убеждают, – отрезала я.

– Да ты упрямая девчонка, – проворчал он и вдруг решительно надел шляпу: – Ну, ладно, я подумаю, что можно сделать. Ты можешь погулять по городу, но не пытайся выйти за его пределы. И не приближайся к стаям бродячих собак.

– Они что, людоеды?

– Днём они не нападают, но если ты будешь надоедать им, они примножаются к тебе и навесят ночью. Мне срочно нужно уйти, – он повернулся и пошёл прочь.

– Александр!

Он развернулся на каблуках:

– Да?

– А как я тебя найду?

– Я сам тебя найду, об этом не беспокойся. И не возвращайся в мою гостиницу без меня.

Отдав указания, он пошёл своей дорогой. Тон его распоряжений и уверенность в том, что я буду ему подчиняться, очень напоминали поведение Юры.

Было непонятно, что могло быть общего у Юрки с этим скрытным пижоном, так и сыпавшим интригующими фразами. Впрочем, три года назад он мог быть совсем другим. А сейчас он убежал куда-то, так и не пояснив толком ничего.

Я неспешно пошла по улице, которая была проложена вдоль нескончаемой стены Рая. Солнце отражалось в тысячах тонированных стёкол, и казалось, вся грандиозная громада дышит и переливается.

Небольшой сквер, оказавшийся на маршруте моей прогулки, оказался очень приятным местом с тенистыми аллеями, массивными деревянными скамьями, ухоженными газонами и дорожками, посыпанными круглыми шуршащими камушками. Примыкал сквер к входу в Рай. Там в стене виднелись тёмные непрозрачные двери, нелепо крошечные в сравнении со стенами, но фактически они были высотой не менее, чем в три человеческих роста.

Я присела на скамью, что стояла как раз на главной аллее. Двери в Рай хорошо просматривались отсюда, и все, кто входил и выходил через них, непременно должны были проходить мимо меня. Движение народа туда-сюда было в этот час весьма оживлённым, и пары минут мне хватило, чтобы осознать, в какое экзотическое место я попала.

Мимо меня в обе стороны проходили люди, чаще всего парами или небольшими компаниями. Все молодые, довольные, разодетые, как на костюмированный бал. Кроме пижонов в дорогих костюмах и шляпах, попадались личности, завёрнутые в куски материи, наподобие римских тог, с висящими кистями и амулетами, проходили субъекты, запечатанные в какие-то металлические пластины, некоторые были почти голыми, несмотря на довольно низкую для этих дней температуру. Женщин было порой трудно отличить от мужчин.

На меня никто не обращал никакого внимания. Люди или спешили обратно в Рай, взявшись за руки и оживлённо беседуя о чем-то, или торопились куда-то, растекаясь из сквера во всевозможных направлениях.

– Разрешите? – раздался надо мной вежливый мужской голос. Я повернулась туда, откуда исходил голос, и увидела перед собой очередную широкополую шляпу в холеных руках с длинными тонкими пальцами. Сам обладатель шляпы стоял в выжидательном поклоне и улыбался.

– Как хотите.

– Спасибо, – ответил тот и опустился на скамейку. – Как вы находите наш город?

Его светское обращение уже не казалось мне чем-то необычным. Похоже, что в этом месте было собрано вместе все самое несовместимое.

– Я ещё ничего не знаю о вашем городе, – ответила я, решив, что пока нет причины игнорировать непрошенного собеседника.

– Это не беда, через несколько часов вы уже будете в курсе, – бодро заявил тот, – и я уверен, что вы никуда не захотите уезжать из этого чудного места.

– А если все-таки захочу?

– Я убеждён, что вы останетесь, и я никогда ни о чём не пожалеете, – мужчина широко улыбался, чтобы усилить впечатление от своих слов. Несмотря на это, улыбка его мне не понравилась: его ярко-голубые глаза оставались равнодушными и словно жили сами по себе.

– А уж это я решу сама, – я тоже постаралась изобразить счастливую улыбку и в течение пяти секунд наблюдала как улыбка собеседника медленно сползает с его лица. Больше он ничего не ответил, а откинулся на спинку скамьи и стал наблюдать за снующими туда-сюда людьми. По мере того, как он рассматривал их, изменилось и его лицо. Несколько обескураженное выражение постепенно сменилось умилением, а затем уверенным торжеством.

– Я предсказываю ваше решение на все сто процентов, – чётко произнёс он, и чувствовалось, что мои возражения будут снова восприняты им, как оскорбление.

Возраст его трудно было определить, где-то около тридцати лет. Черные длинные волосы, аккуратная короткая бородка и усы, бледная гладкая кожа... Похоже, довольно стандартная для райского места внешность. Все обитатели выглядят одинаково, и все одинаково счастливы.

Одна пара, направляющаяся в Рай, привлекла моё внимание: женщина, одетая в прозрачный сиреневый балахон и раскрашенная, как для маскарада, и мужчина в строгом костюме. Но в первую очередь меня заинтересовал мужчина, – я сразу поняла, что знаю его. Его фигура, походка и манера держать голову были настолько знакомы, что казалось, я видела его не далее, чем день-два назад. Они приближались, не обращая на нас, сидящих на скамье, никакого внимания, причём, если женщина была весела, то мужчина шёл, опустив голову и молчал. Когда они подошли достаточно близко, женщина вдруг оглянулась на нас и приветливо помахала рукой:

– Валера, ты не забыл о сегодняшнем вечере?

– Ни в коем случае! – мой собеседник также махнул ей.

Спутник женщины по инерции прошёл несколько шагов, потом вскинул голову и повернулся посмотреть на говорившего. И я поняла, почему так наверняка узнала его. Ведь целую неделю я добросовестно ходила за ним след в след и дышала ему в затылок. По аллее, хмурый и поникший, шёл... Роман Зубарский. Женщина подхватила его под руку и повела дальше, к дверям Рая.

– Вы не знакомы? – Уточнил мой странный сосед, видимо заметив мою реакцию на проходившую пару.

– С кем? – машинально спросила я, ещё не до конца осознав, что же произошло.

– С Мариной.

Не желая ни врать ему, ни говорить правду, я произнесла первое, что пришло мне на ум:

– Я и с вами ещё не знакома, а вы уже допрашиваете меня и делаете выводы о моих намерениях.

– Позвольте откомендоваться: Валерий Извеков, – отозвался мужчина.

– Екатерина Орешина.

Забавное сходство двух моих новых знакомых получило банальное объяснение, и начавшее было панически колотиться сердце немного сбавило обороты. Я по-прежнему провожала взглядом чету Зубарских, понимая, что не было смысла ломать голову над тем, что же такое я увидела. Они вошли в огромные стеклянные двери и исчезли.

– У тебя хорошее имя, но плохая фамилия, – неожиданно заявил Валерий.

– Это почему же?

– Эта фамилия человека, по вине которого все мы подвергались опасности. Впрочем, туманные намёки тут ни к чему. Я предпочитаю дать тебе понять сразу же, что лучше сразу раскрыть карты и отказаться от всех намерений на наш счёт...

– Вам не может быть известно о моих намерениях, – отрезала я, демонстративно показывая своё нежелание переходить на «ты».

– Мне известно все. По крайней мере все, что мне нужно. Но при всем при этом, я вовсе не хочу для тебя неприятностей. Наоборот, нам следует получше узнать друг друга, потому что когда все прояснится, ты совершенно забудешь о горестях, связанных для тебя с этим местом...

Валерий Извеков говорил мягко и доверительно, точно так же, как и его брат, когда угощал меня в ресторане. Но если в манерах Александра тон разговора был выразительнее, чем содержание его слов, то этот человек производил своими словами обратный эффект. И, как мне казалось, Александр хотел лишь предостеречь, в то время как Валерий собирался припугнуть. Оба Извекова говорили слишком много, но то ли невольно, то ли намеренно

не вкладывали в свои слова никаких конкретных разъяснений, только многословные намёки. Похоже было, что они старались заинтриговать меня, но в этом вовсе не было нужды.

— Та-ак, поговорить мы явно не успели, — проворчал вдруг Валерий, глядя в сторону. Я проследила за его взглядом. Почти бегом, лавируя между двигавшимися по аллее людьми, к нам спешил Александр. Когда он приблизился, Валерий нехотя встал и решительным жестом заставил Александра остановиться от нас метра в двух:

— Молчи и слушай, — властно начал он. — Я лучше понимаю ситуацию и не хочу, чтобы из-за твоих непонятных и никому не нужных эмоций все погибло. Поэтому не надейся, что я позволю тебе сделать что-нибудь против моей воли. Сегодня вечером я жду вас обоих у себя. И не вздумай пытаться обдурить меня.

Александр действительно молчал и слушал, его бледное, усталое лицо стало, казалось, ещё более измученным.

Валерий повернулся ко мне, оглядел меня с головы до ног, задумчиво, склонив голову набок, и улыбнулся:

— Все сказанное относится и к тебе. Я буду только рад, если мне не придётся дурно поступить с тобой. Я не хочу, чтобы, когда мы станем союзниками, что-то стояло между нами.

Я уже хотела открыть рот, но из-за спины Валерия Александр предостерегающе приложил палец к губам. Я заставила себя промолчать. В конце концов, Александр, очевидно, лучше меня понимал, что происходит.

Валерий Извеков надел свою шикарную шляпу и, не спеша, направился к Раю. Я перевела глаза на Александра. Он тоже смотрел вслед брату, напряжённо сжав губы. Я дотронулась ладонью до его сжатого кулака:

— Послушай...

Александр резко отскочил от меня и отдернул руку, на лице появилось выражение сильной боли. Оно долго не проходило, и все это время Александр, пошатываясь, прижимал к груди руку, за которую я попыталась его взять.

— Да что с тобой такое? — испугалась я.

— Ничего, сейчас пройдёт, — ответил он и с опаской потряс рукой. Просто не надо меня трогать, не подумав... Извини, я потом тебе все объясню. Сейчас нам надо уходить отсюда.

Он опять крепко схватил меня за локоть и повёл прочь.

— Твой брат сумасшедший? — спросила я, пока он тащил меня по аллее.

— Да. Вот именно. Но это как раз тот случай, когда слова сумасшедшего стоит принимать всерьёз.

Я уже хотела сказать, что и сам Александр тоже похож на сумасшедшего, но он меня опередил:

— И со мной не спорь, потому что я такой же.

— Шутка?

— Если бы.

Александр вёл меня обратно в свою гостиницу. Чем ближе приближались мы к ней, тем меньше становилось людей на улице, и тем ближе к нам подбиралась собачья стая, крутившаяся неподалёку.

— Скажи, откуда ты знаешь Юрия? — спросила я Александра, когда мы, наконец, вошли в холл гостиницы.

— Ты же видела, он останавливался здесь, — нехотя ответил Извеков, проходя к ячейкам с ключами.

— И за пять дней ты так хорошо узнал его, что можешь предсказывать его поступки?

— Я знал его и раньше, — буркнул Александр. — Лови!

Он перебросил мне грушу с ключом. Я поймала.

– Посиди у себя в номере, пока я тебя не позову. В коридор не выходи, – коротко приказал он, и видя, что я не двигаюсь с места, мягко добавил: – Пожалуйста, Катя.

Я повернулась и пошла наверх. Заперев дверь, я залезла на кровать и закрыла глаза.

Конечно, Александр только сделал вид, что не собирается перечить брату. Было видно, что он не оставил своих идей насчёт моего пребывания здесь. Возможно, он желает мне добра, хотя его истинные намерения совершенно туманны. Не верилось как-то, что он попытается мне помочь только в память его знакомства с Юрой. Как, кстати, они могли быть знакомы, если в то время Юрка был занят только своей работой?

И тут меня осенило. Я достала из кармана сложенный листок, на котором был распечатан Юркин секретный файл. Под разделительной чертой, где были перечислены парни из службы безопасности, среди прочих значилось: Александр Извеков. И дата гибели – 14 августа. Из пятерых ребят группы Орешина Александр Извеков погиб первым. За месяц до того, как присутствовал при попытке убийства Юры...

Убедившись, что серебряное кольцо на прежнем месте, я погасила лампу и легла на одеяло, вслушиваясь в тишину гостиницы.

Глава 4

Прошло уже больше двадцати часов с тех пор, как Извеков отослал меня наверх. На улице уже вовсю светило солнце. Ночь я провела совершенно без сна, и никто не потревожил меня. Все забыли обо мне, но я была этому только рада. Два живых мертвеца за один день – это было слишком. И, к сожалению, это было не просто СЛИШКОМ, но ещё и СЛИШКОМ РЕАЛЬНО, чтобы не обращать на это внимания.

Я начинала понимать Юрку. Если бы я была на его месте, а он на моем, я тоже попыталась бы скрыть от него существование этого загадочного места, которое начало вызывать у меня тревожное чувство подавленности. Хотя в отличие от Юрки, не стала бы отказываться от совместной борьбы. Сейчас, несомненно, ребята были где-то рядом. Наверняка, скоро они будут здесь. И если они будут осторожны, то им удастся разобраться в темных делах, что творятся в этом местечке. А если я буду осторожна, то мы с ними увидимся.

За дверью послышались шаги, затем раздался осторожный стук. Я не стала подавать голос. Стук усилился.

– Катя, это Саша Извеков, – услышала я требовательный голос. – Открой!

Поколебавшись немного, я подошла к двери и открыла.

Извеков был одет в тёмный официальный костюм, но шляпы при нем на этот раз не было. Его волосы опять были влажными, и лицо покрыто испариной. Он еле держался на ногах.

– Я уже перепугался, что ты не послушалась и ушла, – слабо усмехнулся он.

– В этом номере я не чувствую себя в безопасности, но ещё меньше мне хочется, чтобы меня сожрал тот огромный чёрный пёс, который бегают по гостинице.

Он сделал рукой отрицательный жест, словно отметая мои опасения как несостоятельные, и вошёл в номер, внимательно осматриваясь по сторонам.

– У тебя странный вид, – заметила я, – ты болен?

– Нет. Я всегда такой... Слушай, я поговорил тут кое с кем... Как только Орешин будет на пути к нам, я узнаю об этом. И переправлю тебя к нему так, что Валерий даже не догадается, – заговорил он, подойдя к окну и уставившись на стену Рая.

– Скажи мне, почему же тебя до сих пор считают мёртвым? – спросила я, чтобы начать понемногу прояснять картину.

– Кто считает меня мёртвым? – резко обернулся Извеков.

– Все.

– Кто все? – настороженно уточнил он.

– Официально ты мёртв, погиб 14 августа три года назад. Так, по крайней мере, мне известно, хотя ни Юра, ни Олег о тебе не говорили.

Александр решительно встал и показал рукой на мою сумку:

– Забирай это все, и пойдём со мной.

– Куда?

– В Рай, – спокойно ответил он.

– Мне показалось, что ты оставил меня здесь на всю ночь именно для того, чтобы не водить туда.

– Тебе правильно показалось. Но теперь я изменил свои намерения.

Он стоял и ждал, пока я возьму сумку. Теперь в его лице появилось что-то новое, жёсткое и непримиримое.

– Я жду, – напомнил он. – Не надо оттягивать. Бери вещи и пойдём отсюда.

Его взгляд потяжелел. Он нетерпеливо почесал переносицу и махнул рукой:

– Ну?!

– А я не хочу идти с тобой.

Я расстегнула куртку и вынула из кобуры оружие. Извеков бросил на него лишь беглый незаинтересованный взгляд, и снова пристально посмотрел на меня:

– Ну же!

Поскольку я не двигалась с места, Александр шагнул вперёд и наклонился, чтобы самому взять мою сумку.

Приблизительно рассчитав удар, я сделала резкий выпад, и Извекова отбросило обратно к окну. Он упал, но быстро поднялся, и мне показалось, что сбил его не столько мой удар, сколько внезапность атаки.

Он довольно быстро вскочил на ноги и решительно двинулся на меня. Не желая ждать, когда он что-нибудь предпримет, я вскинула пистолет:

– Не двигайся, Извеков!

Он остановился, но смотрел не на мою левую руку с пистолетом. Взгляд его был почему-то прикован к моей правой руке. Я оказалась в полном замешательстве, так как не могла понять, куда же он смотрит. И только когда я подняла и правую руку тоже, а Извеков болезненно дёрнул своей, я поняла, чего он боится больше, чем пистолета. Александр не сводил глаз с серебряного кольца.

– Или ты уйдёшь немедленно, или я... – я вытянула вперёд правую руку и приблизила её к лицу Александра. Он оцепенел и только следил за моей рукой, как загипнотизированный кролик.

– Не надо. Пожалуйста, – тихо попросил он.

– Ты уйдёшь?

– Уйду.

Я опустила руки. Извеков медленно двинулся мимо меня в сторону двери.

На долю секунды я опередила его. Если бы не моя реакция, он сумел бы заломить мне руку, но я успела вовремя отпрянуть в сторону и согнуться, закрыв своим телом руку с кольцом. Извеков обхватил меня сзади, стараясь разогнуть. Он был сильнее, к тому же я потеряла бдительность, позволив обойти меня и напасть внезапно. Завладев моей рукой, он стал трясти ею, пытаясь стряхнуть едва держащееся кольцо. Но я вовремя сжала кулак, и он быстро понял, что так ничего не добьётся. Я запыхалась и тяжело дышала, он же был спокоен и остановился явно не для того, чтобы передохнуть. Он обдумывал, как бы ему со мной справиться.

Все, что мне требовалось в данной ситуации, это добраться до оголённой кожи Извекова и прижать к ней кольцо. Но в той позе, в которой он меня удерживал, это было совершенно невозможно. Физически я была бессильна, но оставалась ещё надежда на хитрый приёмчик, несколько раз срабатывавший в моих боях с Олегом.

Я начала с того, что попыталась лягнуть его в ногу. Это мне, конечно же, не удалось. В ответ Извеков ещё сильнее сжал меня. Собрав все последние силы, я отчаянно забилась, провоцируя его. Он, наверное, не очень понимал, насколько сильна его хватка, поэтому, когда он ещё поприжал меня, а я издала жалобный стон и обмякла в его руках, Извеков торопливо опустил меня на пол и стал осторожно пошлёпывать по щеке. Я позволила себе ещё один сдавленный стон.

– Вот черт! – выругался Извеков.

Наугад, ориентируясь только на его голос, я закинула правую руку ему на шею, изо всех оставшихся сил прижав кольцо к коже.

Никогда ещё ни от одного живого существа я не слышала такого воя, который немедленно наполнил не только пространство номера, но, наверняка, был слышен даже на улице. Именно наполнил, потому что звук, казалось, жил сам по себе, ширясь и становясь вещественно-материальным. Извеков, издав этот полный адской боли вопль, упал и больше

не двигался. Я сидела рядом и внимательно вглядывалась в его помертвевшее лицо, стараясь не попасться на удочку, если он вдруг собрался ещё раз обмануть меня. Но на этот раз ему действительно крепко досталось. Через несколько минут он пошевелился, начиная приходить в себя, и тут же, как это бывает после болевого шока, когда человек снова начинает чувствовать ту самую боль, которая ввергла его в забытье, снова раздался мучительный стон, а тело Извекова начали сотрясать судороги. Он открыл глаза, уставился на меня, попытался что-то сказать, но его голосовые связки долго не могли справиться с нервной дрожью. Наконец, он перевёл дыхание и с трудом произнёс:

– Ну зачем же ты так? Не надо больше, пожалуйста... Это может убить меня!

Убить или не убить, но то, что прикосновение серебряного предмета было для него страшной физической пыткой, очевидно. До такого состояния притвориться было, по-моему, невозможно.

– Похоже, мы стоим друг друга, – проворчал он, тяжело сядя на пол.

Я протянула руку, чтобы помочь ему подняться. Он вздрогнул, но убедившись, что это не опасная рука, ухватился за неё и встал.

– Узнаю, знакомая школа, – усмехнулся Извеков, потирая рукой шею и морщась, а потом вдруг тихо засмеялся: – Когда-то Середа отрабатывал эти же самые штуки на мне. Вижу, и тебя он научил, мелкий мошенник!

Затем улыбка, вызванная воспоминаниями, резко сменилась озабоченностью и нетерпением. Он снова указал на мою сумку:

– Бери, и пойдём со мной. Другого выхода у меня просто нет.

– Иди, если тебе нужно, я останусь здесь. Меня не надо пасти.

Александр покачал головой:

– Без меня тебе нельзя оставаться. А мне нельзя оставаться здесь. Мне проще будет потом выпустить тебя из Рая, чем искать момент, чтобы незаметно подбросить твоим друзьям твой труп, как это пришлось мне делать три года назад с Орешиним.

– Так это ты вытащил Юру отсюда?

Он кивнул, нехотя соглашаясь со мной:

– Я вывез его из города. Я все время боялся, что мне помешают, но я благополучно добрался до Кепы и оставил у въезда в приёмный покой больницы. Это было все, что я тогда смог для него сделать. Я не надеялся, что он выживет, но хотел, чтобы он был хотя бы похоронен по-человечески, а не... – Извеков вдруг оборвал свой рассказ и посмотрел на меня: – Так ты идёшь?

– Сначала договорим. Что произошло бы с Юркой, если бы он остался здесь?

– Вернулся бы Валерий, и... Юрий стал бы таким же, как я...

– Валерий? – я отчётливо вспомнила сон. Тот черноволосый убийца... – Так это Валерия мне нужно поблагодарить за все, что было три года назад?

Извеков стоял, закусив губу и сложив руки на груди. Его ответ был мне, в сущности, не нужен.

– Рано или поздно ты поняла бы это, а, скорее всего, он сам бы все тебе рассказал, – отозвался, наконец, он.

– И что же он собирался сделать с Юрой? Сделать его таким же, как ты? То есть каким? Александр нетерпеливо махнул рукой:

– Давай об этом после!

Я села на кровать и придвинула к себе сумку, желая дать ему понять, что никуда не хочу двигаться.

Извеков ещё несколько секунд стоял надо мной, но быстро вышел, хлопнув дверью номера.

Каким бы стал Юра, если бы ему позволили умереть здесь, в этом номере? Чем бы он мог стать, если не просто трупом, который можно похоронить по-человечески? Очевидно, измождённым существом с постоянно влажными волосами и кожей, боящейся прикосновения серебра.

Извеков вошёл снова, на этот раз он был настроен более решительно.

– Если ты настаиваешь, я скажу тебе обо всем, что имеет для тебя значение. Орешин был прав, считая, что я мёртв. Меня действительно убили 14 августа. И больше суток я был трупом, – спокойно и чётко проговорил он, усевшись рядом со мной.

– Кем же ты был потом?

– Тем же, что я есть и сейчас. Я – зомби-оборотень.

Определение было не самым подходящим. Александр не подходил под классическое определение зомби. Шутка была слишком нелепой. К тому же, произнося эти слова, Извеков улыбался.

– Зомби не улыбаются, у них нет чувства юмора, и они не мыслят самостоятельно, – ответила я.

– Зомби моего брата мыслят совершенно самостоятельно, и все, как на подбор, весельчаки, – возразил Александр. Он все ещё улыбался, но глаза его постепенно становились какими-то недобрыми и тусклыми.

И тут-то я вспомнила о факте, который не должна была забывать в подобном разговоре. Я забыла о прогулке задавленного автомобилем Романа Зубарского. И если можно было усомниться в диагнозе, поставленном Олегом посреди проезжей части, то в заключении медиков сомневаться не приходилось. Тело Зубарского было выдано жене для похорон, а не для прогулок.

Невольно моя рука потянулась потрогать Александра. Кожа его была довольно прохладной, но не настолько, чтобы даже отдалённо напоминать окоченение. Извеков усмехнулся и подёрнул рукав, оголяя запястье:

– Можешь проверить пульс.

Некоторое время я искала пульс, но ничего не смогла найти. Правда, у некоторых людей сосуды проходят так, что дилетант может легко ошибиться... Меня вдруг взяла злость. Мне показалось, что Извеков нарочно меня дурачит. Когда я подняла голову, чтобы взглянуть ему в глаза, он лёгким движением вынул из нагрудного кармана платок, тряхнул его, разворачивая, и, совершенно для меня неожиданно, резко пригнул мою голову, подставив снизу ладонь с платком. Я больно ткнулась носом, вдохнула удушливый запах, исходящий от платка и тут же лишилась сознания...

Очнувшись, я увидела перед собой только туманный мрак. По мере того, как туман рассеивался, а мрак все же оставался, появилась неприятная головная боль, блуждающая по всей голове и сверлящая её с разных сторон по очереди. Было холодно, и откуда-то тянуло сквозняком. С трудом подняв тяжёлую голову, я села, и только тогда рассмотрела, на чём это я лежала. Это была шикарная софа из натуральной кожи, стоявшая посреди огромного холла, напоминающего погружённую в темноту пещеру. Стояла ли где-то ещё какая-нибудь мебель, было неясно: мрак скрадывал все окружающее.

Источник света был слишком мал и тускл, чтобы разглядеть весь интерьер целиком, к тому же непонятно было, откуда этот свет исходил.

Я была совершенно одна, но моя сумка лежала рядом на софе. Вероломство Александра было очевидным, но то, что он притащил вместе со мной и мои вещи, внушало надежду.

Головная боль не проходила, по спине пробегали волнами озноб, а щеки вдруг стали полыхать. Посетившая меня было мысль о том, что нужно бы встать и осмотреться, исчезла.

после первой же попытки это сделать. Голова кружилась, и, едва попробовав подняться на ноги, я тут же села обратно.

Оружие было на месте, все вещи тоже. Даже серебряное кольцо осталось на пальце. Это значило, что меня саму они ещё не успели превратить в зомби. Я вспомнила, как Александр в гостинице дурачил меня, и тихо рассмеялась. Затем я снова вспомнила Зубарского, и собственный смех показался мне ещё более дурацким, чем поведение и слова Александра. После этого перед глазами появился мой сон в номере. Только я уже не наблюдала за событиями через некую дыру в потолке, а находилась внизу вместе с Юркой, и взъерошенный и мокрый Извеков – я даже не поняла, который из двух – поливал нас автоматным огнём. Я не чувствовала боли, только сильные удары, не дающие двинуться с места. Потом на пороге возник Олег, волочащий на верёвке огромных псов: чёрного и серого, и спустил их на нас. Серый пёс навалился на меня. Он был тяжёлый и горячий, как раскалённое железо. Обнюхав меня, он стал грызть мою правую руку. На удивление, боль в руке была несильной, но голова раскалывалась все сильнее. Пёс глодал меня, ворча и фыркая. Боль в голове разгоралась, череп, казалось, готов вот-вот разорваться на кусочки. Наконец, все разом потухло...

Первое, что я почувствовала, было прикосновение чего-то влажного ко лбу. Кто-то прикладывал к моему лицу какую-то примочку. С надеждой увидеть Юру я открыла глаза, но встретила взглядом с Александром.

– Поздравляю, все закончилось, – улыбнулся он и, потянувшись куда-то, взял стакан с водой. – Выпей немного, и все будет хорошо.

Я машинально потянулась к стакану. Александр поддерживал мою руку со стаканом и обеспокоенно смотрел на меня. Выпив немного, я смогла, наконец, произнести хоть слово:

– В какой морилке ты мочил свой платок?

– Одна из разновидностей летучих наркотических жидкостей, – ответил Извеков.

– Где я?

Вокруг себя я видела освещённую солнцем комнату, несомненно ту самую, в которой я очнулась между приступами забытья: я лежала на той же софе, и сумка моя была на том же самом месте. Но теперь всю стену огромного холла занимало окно. Задрапированные синим бархатом стены имитировали грот, в складках драпировок прятались лампы. Сейчас они были погашены, но отражатели блестели в лучах солнца, которое заливало комнату. Мебели почти не было, все какие-то пуфики, скамьи, лежанки, обтянутые дорогой кожей. Все кругом было сине-серое, новое, свежее и носило отпечаток снобизма и претензий на исключительность.

– Это твои апартаменты, – ответил Александр после того, как я, окончив оглядываться вокруг, посмотрела на него.

– Очень мило, – вежливо произнесла я. – А если точнее?

– Ты во владениях моего брата Валерия Извекова.

– Так я и думала. На этот раз твоя взяла. Правда, не надо много доблести, чтобы подлым приёмом довести слабую девушку до обморока, а потом затащить ее, куда захотелось.

– Я решил, что лучше поступить со слабой девушкой именно так, пока слабая девушка не вывернула меня наизнанку, – проворчал он в ответ – и был прав. Если бы он вёл себя поджентльменски, это вышло бы ему боком.

Во всём теле чувствовалась слабость, как будто я довольно долго бежала со всех ног.

– Здесь, в смежном помещении есть все необходимое, чтобы привести себя в порядок, в том числе новая одежда, – Александр указал на задрапированное углубление в стене.

– Меня вполне устраивает моя, только я хотела бы, чтобы её постирали. В этом доме есть прачечная?

– Это совершенно излишне, впрочем, если ты хочешь, я распоряжусь. Своё оружие ты можешь спокойно убрать в сумку. Здесь оно тебе не пригодится, разве что пустить себе пулю в лоб, но до этого, я надеюсь, не дойдёт.

Насчёт оружия он был отчасти прав. Но если в отношении самого Александра серебряное кольцо было более действенным, чем огнестрельное оружие, то я не могла ручаться за других обитателей здешних мест.

– Распорядись насчёт стирки, я не намерена расставаться ни со своей одеждой, ни с оружием.

Александр кивнул. Я вдруг поняла, что горячая ванна – это то, что мне сейчас нужно больше всего, а значит здешняя роскошь очень кстати. Любезностью своих врагов пренебрегать нельзя. К тому же я чувствовала себя слишком несвежей, чтобы начать думать о деле. Взбодриться было просто необходимо.

– Сколько времени я тут провалялась?

– Наркотик действовал на тебя почти четыре дня, дольше, чем я рассчитывал. Надо сказать, твои замашки крутой девчонки создают о тебе ложное впечатление. Я едва не переборщил с дозой, – недовольно отозвался Извеков. Я даже не возмутилась. Меня слишком взволновал тот долгий срок, который я уже провела в этих стенах. За это время там, в городе могло произойти очень многое, о чём мне просто необходимо было знать.

– Скажи, что известно о моем брате?

– Орешин и Середа уже в городе. Они держатся вместе, не скрывая своих намерений. Опрашивают людей о тебе. Середа уже застрелил с полдюжины собак... Но могу гарантировать, что никто им ничем не поможет. Моя гостиница закрыта, а других сведений о тебе они не добудут. Даже если попросят о помощи спецназ или службу безопасности...

Он замолчал, скорее всего, смущённый моим ответным молчанием. Я не стала попусту ему возражать. Он давно не общался с ребятами и плохо представлял, на что они в действительности способны. К тому же, если бы он совсем не опасался их, он не стал бы устраивать все это представление.

Я встала, чтобы пройти в ванную комнату, но сначала подошла к стеклянной стене окна.

Я никогда не забуду того удивительного зрелища, которое пришлось мне увидеть тогда. Некоторое время я даже забыла, кто я, где я и при каких обстоятельствах сюда попала. Отрываться не хотелось, хотелось смотреть и удивляться этому великолепному виду.

Апартаменты находились если не на верхушке пирамиды Рая, то на очень приличной высоте. Города внизу не было видно, его закрывала плавная бугристая грань стены, начинающая свой гигантский изгиб прямо от окна. Под окном располагалась как бы огромная чаша, в которой то там, то здесь выступали тетраэдры разнообразных форм, в гранях которых находились окна. Множество окон, заглядывать в эти окна снаружи было бесполезно. Они были тонированными и скрывали за собой обитателей шикарных апартаментов. Смотреть на такое множество непостижимых объектов было интересно и жутковато. Жутковато, потому что размеры всего этого великолепия отсюда сверху впечатляли не меньше, чем снизу. И интересно, потому что все то, что виднелось из окна, далеко или близко, было очень красивым: и рваная, эклектическая архитектура, и полупустынные пространства, просматривающиеся видимо почти до самой Кепы. И небо, сейчас такое голубое и чистое. Впрочем, в пасмурную погоду, которая вот-вот завладеет осенним побережьем, на это окно начнут наткаться тяжёлые тучи...

– Я вижу, тебе нравится, – заметил Извеков.

– Впечатляет, – коротко ответила я, чтобы не особенно выдавать свои эмоции, и поспешила отойти от окна.

– Попробуй сделать так, чтобы Валерий это заметил. Тогда он решит, что завоевал тебя целиком, и не будет стремиться переломить тебя силой. И ты, возможно, выиграешь время.

– Ты хочешь сказать, что Валерия так легко провести?

Александр тихо рассмеялся:

– Увы!.. Он построил Рай именно для того, чтобы все, даже его враги, чувствовали непреодолимую зависимость от этого места. Чтобы они нуждались в Рае и в самом Валерке. На этом-то он и свихнулся.

В том, что Извековы оба сумасшедшие, я больше не сомневалась. Как и в том, что человека, попавшего сюда без какого-либо предубеждения, мгновенно очаровывало это странное место.

Оставив Извекова одного, я прошла за тяжёлые занавеси и очутилась в зеркально-мраморном помещении, которое напоминало не ванную, а скорее парадный зал какого-то дворца. Узкие плиты белого с золотистыми прожилками мрамора чередовались с узкими, не более фута шириной, зеркалами. Белые и зеркальные полосы словно опоясывали комнату. В глазах немного рябило от множества отражающихся фрагментов. Ванна в виде огромной мраморной ракушки выглядела несколько банальной на фоне общей полосатости, но меня сейчас устроил бы и цинковый бак, лишь бы он был наполнен горячей водой.

Минут через пять я уже лежала в ванне и рассматривала себя в потолочных зеркальных полосках, пока не устала. Тугие струи гидромассажа возвращали упругость измученным мышцам и способность рассуждать.

Бесшумно двигаясь, в ванную вошла молодая женщина с бесстрастным бледным лицом. В руках у неё было что-то длинное из красной шёлковой ткани. Она забрала мою грязную одежду, и положила свою ношу на ее место. Не сказав мне ни слова, она подошла к одной из стен, открыла практически незаметную дверь и вынула из встроенного шкафчика махровую простыню. Простыня легла на изогнутый поручень на краю ванны. Так же тихо девушка вышла с моими вещами.

Когда я вылезла, наконец, из ванны, завернувшись в простыню, оказалось, что мраморно-зеркальный пол за время моего купания стал тёплым.

При ближайшем рассмотрении, кусок красной шёлковой ткани оказался каким-то импровизированным халатом, скроенным наподобие японского кимоно. Я за последние годы совершенно отвыкла носить платье, поэтому остановилась в недоумении. Молчаливая девушка, появившись снова, подошла ко мне, решительно отобрала у меня ткань, повернула ее совсем другим концом, и через пару секунд уже завязывала на мне широкие концы пояса.

Затем она прошла к стене и потянула одну из зеркальных полос. Полоса выехала из стены, превратившись в огромное зеркало. Из-за зеркала на меня смотрела худенькая шатенка с короткими волосами и совершенно обычным лицом. Правда, платье оказалось шикарным: плечи открыты, фигура мягко окутана скользящими вниз складками, широкий присобранный пояс, концы которого спускались почти до колен. Ноги были полностью закрыты струящимся шёлком. Такому вечернему платью позавидовали бы на приёме в самом высшем свете.

Девушка подала мне маленький ручной фен и вышла. Несколько взмахов феном – и мои короткие волосы встали дыбом на макушке. Косметикой я не пользовалась, поэтому на сушке волос работу над собой можно было считать законченной.

Отложив фен на мраморную скамью, я взяла кобуру с пистолетом и вышла из ванной. В комнате-гроте окно было снова задёрнуто наглухо, и таинственный свет освещал низкий столик и два кресла. На столе стояло блюдо, прикрытое блестящим куполом, всевозможные закуски и бутылка шампанского в деревянном ведёрке со льдом. На тумбе рядом со столиком возвышалась ваза с красными розами. Цветы были наверняка срезаны несколько минут назад, их аромат был слишком силен и свеж.

Я стояла посреди этого великолепия, держа в руке кобуру с пистолетом, постепенно понимая, какой комичный и нелепый вид у меня с этой штукой. Пospешно, пока меня кто-нибудь не увидел, я подошла к софе и положила кобуру в сумку. Как только все было сделано, тихо зазвучала скрипка.

Звук появился откуда-то из-за драпировок. Наверное, где-нибудь в складках прятались динамики. К скрипке присоединилась флейта, выводя что-то спокойно-нежное. Мелодия убаюкивала, полумрак погружал в мечты. Мне лишь было немного жаль удивительного вида, что теперь закрывали от меня тяжёлые занавеси. Я подошла к окну и провела рукой по портьере, пытаюсь найти щель.

– Не надо, – послышался голос Александра. – Прелесть нашего положения состоит и в том, что мы можем провести уютный вечер посреди солнечного дня – или в любой момент, когда пожелаем.

Я оглянулась, но его не было видно.

– А если мне захочется яркого солнца в полночь? Что тогда?

– И это возможно. Технически это гораздо сложнее, но результат будет поразительным.

Александр, наконец, вышел из темноты. Он опять был в чём-то светлом и модном. Я поймала на себе его задумчивый взгляд.

– Я знаю, что ужин тебе понравится, – Извеков сделал широкий жест в сторону стола.

Мы сели в кресла. Александр снял колпак с блюда, там оказались омары с овощами, поплыл изумительный запах, от которого мой рот наполнился слюной, и я едва удержалась, чтобы не издать чмокающий звук. Громко хлопнула пробка от шампанского, пена немного пролилась из бокалов.

– За твой первый вечер в Раю, – провозгласил Извеков и торжественно поднял свой бокал.

– Спасибо, – вежливо ответила я. Мне стыдно было признаться, как я голодна, и я едва сдерживалась, чтобы не начать набивать рот. Конечно, в пансионе меня научили, как ведут себя за столом воспитанные девушки. Но я никогда не собиралась изображать из себя леди, да и у нас дома с ребятами этикет был элементарным, поэтому я почти подпрыгивала, ожидая, когда же можно будет попробовать это замечательно пахнущее кушанье.

Наконец, пустые бокалы заняли свои места на столе, и я принялась за долгожданную еду.

Александр сидел напротив, почти не двигался и наблюдал за мной. Сначала мне было немного неловко находиться под его пристальным взглядом, но потом напряжение прошло. Стало легко и спокойно. Александр время от времени наполнял бокалы шампанским. Свой бокал он больше не опускал на стол, а держал все время у губ, и его глаза, казавшиеся в полумраке темными, внимательно следили за мной.

– Ты очень красивая, – задумчиво произнёс он.

– Неужели? – нелепо, но комплимент его был приятен.

– Да, хотя в моем положении это не имеет значения.

– Вот как?

– Именно, – Александр опустил руку с бокалом, и я увидела, что он грустно улыбается.

– Скажи, почему ты только пьёшь? Неужели тебе не хочется всего этого попробовать? Мне не очень нравится, что ты сидишь и смотришь на меня, будто наблюдаешь за кормёжкой домашнего животного...

– Никогда не говори так! – рассердился Извеков. – А с едой у меня сложные отношения. Вкусовые ощущения у меня присутствуют, поэтому я и пью это вино. А еда создаёт для меня потом только лишние проблемы...

– Я не верю ни одному твоему слову, Александр, – я развеселилась, глядя на его сердитое лицо.

– Роман Зубарский тоже не берет больше в рот ни крошки, но тебе, кажется, не было смешно, когда ты увидела его на аллее. Так мне, по крайней мере, рассказал Валерий.

При упоминании Зубарского я сначала слегка оцепенела, а потом злое раздражение на себя саму заставило меня прекратить еду и встать из-за стола. Александр тоже поднялся и протестующе поднял руки:

– Извини, мне не стоило быть язвительным. Давай не будем сегодня вспоминать о Зубарском. Мне больших трудов стоило уговорить Валерку подарить нам этот вечер...

– Это значит, что завтра ты скормишь меня своему брату? Или одному из его псов, которые уже кусали меня нынче... – я машинально взглянула на руку, которую грыз серый пес моих галлюцинаций. Кольца Зубарского на пальце не было. – Господи, где оно?

– Так велел Валерка. Извини.

Ничего себе «извини»! Кольцо было моим последним средством самообороны.

– Я больше не причиню тебе вреда, – отозвался Александр. – А против Валерия кольцо тебе не поможет.

– Почему?

– Потому что он живой, в отличие от меня и Зубарского.

Я обошла стол и подошла вплотную к Извекову. Нет, он больше не пугал меня. И не шутил. Его грустные глаза подтверждали, что он говорит правду.

Ужин с мертвецом. Это достойно первых полос скандальной великосветской хроники. Это достойно также пера одного автора триллеров. Но это совершенно неподходящая компания для девушки, приехавшей сюда разобраться в жестокой трёхлетней тайне и отомстить за боль, причинённую брату.

– Если Валерий живой, то мне пригодится мой пистолет. Я также хочу, чтобы мне вернули мою одежду! И убери отсюда все это! – я показала рукой на стол.

– Я оставлю тебя на некоторое время, чтобы ты собралась с мыслями, а потом мы подумаем, что можно сделать, чтобы все остались живы и довольны, – невозмутимо ответил Александр и пошёл в темноту, туда, где видимо, находился выход из апартаментов. Как только он скрылся из вида, появились двое мужчин в белоснежных рубашках, черных брюках и жилетах, и вынесли стол. К первоначальному интерьеру теперь добавлялась только ваза с цветами, по-прежнему источающими сладкий аромат.

Невозмутимое спокойствие Александра, его безошибочное умение угадывать мои мысли, его ненавязчивая способность исполнять желания, даже невысказанные вслух, взбесили меня до крайности. Я неожиданно поняла, что последний час пребывала в совершенно счастливом и довольном состоянии. Я была очарована интерьером и видом из окна. Мне позволили принять ванну, обставив все так, будто я бог весть какая важная персона. Итак: апартаменты, богатое убранство, ванна, прислуга, соблазнительное платье, розы, полумрак, мелодия флейты, омары, шампанское, комплименты... Комплименты существа, ничем не отличающегося от мужчины, за исключением пустяка: Александр Извеков умер три года назад. И мне не хотелось иметь ничего общего с мёртвым телом, неизвестно почему не только не сгнившим за это время, но ещё и модно одевающимся, имеющим безукоризненные манеры и мыслящим совершенно самостоятельно... Я начала понимать, что пытаюсь сразу, безоговорочно вместить в своей голове все факты, я запросто сойду с ума. Поэтому выход был только один: полностью принять правила игры вражеской стороны. Александр был прав, нужно притворяться. С сумасшедшими нужно вести себя соответственно. И с существованием зомби тоже надо смириться. Тем более, что Александр – прекрасный источник информации.

Прокрутив все эти мысли в голове раз пять-шесть, я пришла к выводу, что пора успокоиться и начать действовать так, как велит мне интуиция и советует Александр. Нужно бы ещё связаться с Юрой. Ребята бросили все дела и помчались выручать меня. С моей стороны

было бы свинством наплевать на них. Конечно, Юрка уволил меня, но это не значит, что теперь я стану в позу и буду продолжать разыгрывать крутого детектива. Не то, чтобы я расписалась в своём бессилии, но мне нестерпимо захотелось к ребятам.

В комнату вошла все та же девушка, в руках она держала мою одежду и вычищенные ботинки. Мысль о том, что я задала им, видимо, совершенно непривычную для здешней роскоши задачу заниматься стиркой, показалась мне забавной. По-прежнему ничего не говоря, девушка положила вещи на софу. Несмотря на то короткое время, что было в её распоряжении, она успела привести все в порядок. Теперь я могла принять свой обычный вид. Привычное состояние способствует собранности. Я была очень недовольна собой, за то, что позволила себе впасть в прострацию, едва вкусив райской жизни.

Девушка уже собралась уйти, когда мне вдруг пришла в голову идея:

– Извините!

Девушка остановилась и повернулась ко мне. Она, возможно, была бы хорошенькой, если бы не суровая безучастная физиономия. Смотрела она на меня без особого интереса.

– Отсюда можно позвонить?

Я почти наверняка ожидала отрицательного ответа. Я не удивилась бы, если бы девушка просто пошла своей дорогой, не удостоив меня даже отрицательным жестом. Но красивым мелодичным голосом она уточнила:

– Куда конкретно вы хотите позвонить?

– В городскую гостиницу.

– Да, конечно, в городе действует телефонная станция. Никаких проблем.

Она подошла к складкам драпировки и вынула оттуда переносной телефонный аппарат. Что только ни скрывалось в этих бархатных тайниках!

– Пожалуйста, – она подала мне аппарат и пошла к выходу.

– А номер?

– Абонентов соединяет телефонистка. Я осталась одна. Впрочем, в этом я не была уверена. Вполне возможно, что за мной подслушивали, а может быть даже и подсматривали. Но рискнуть стоило.

Я сняла трубку и попросила телефонистку соединить с новой гостиницей. Там администратор подключил линию к коммутатору и соединил с номером Орешина и Середы. Несколько гудков остались без ответа. Я вспомнила, что сейчас отнюдь не ночь и даже не вечер, и ребята могут быть в городе. Я уже хотела вешать трубку, но неожиданно гудки прекратились.

– Орешин, – брат отозвался сухо и официально.

– Юра, это я.

– Слава Богу... – его голос оборвался на полуслове. Я представила себе, как он нервно приглаживает свои зачёсанные назад волосы и потирает лоб, как он всегда делал, когда эмоции начинали переполнять его. – Я надеюсь, с тобой...

– ...все в порядке, Юрка.

– Когда ты бросишь эту дурацкую манеру заканчивать фразы за других?! – попробовал рассердиться Юра, но опять замолчал на несколько секунд. Наверное, закурил сигарету. – Где ты, Катюша?

– Да как будто бы недалеко. Тебе из окна должно быть видно.

– Понял. Тебе что-нибудь угрожает?

Милый мой Юрочка! Даже если и так, что он-то мог сделать?! Даже вместе с Олегом, хоть их тандем и нагнал паники на здешнюю Лысую Гору...

– Я справлюсь, Юра. Я постараюсь вырваться отсюда. Только не вздумайте сюда пробираться. Они боятся того, что вы в городе. Но здесь, в Раю, они неуязвимы. Ты понял меня?

– Я не только понял, я это знаю. Я постараюсь отсюда сделать все возможное. Только бы удержать Олега... Парень из-за твоей выходки совсем голову потерял. Не ест, не спит, рыщет по городу...

Пытаясь меня пристыдить, Юра забыл, как всегда, упомянуть о себе. Он-то тоже, наверняка, не ел и не спал, и только злосчастный костыль не давал ему присоединиться к Олегу.

– Юра, прости меня.

Он не ответил, только тяжело вздохнул.

– Все будет хорошо, Юрка. Я очень тебя люблю.

Я всегда стеснялась говорить подобные слова. Но сейчас я просто не могла не сказать этого Юре, хотя и не решилась продолжить разговор дальше. Я положила трубку.

– Они ещё не собираются делать подкоп под Рай?

Я вздрогнула. Александр, видимо, неслышно вошёл, и стоял теперь около тумбочки с цветами, перебирая лепестки. За его спиной в темноте маячила ещё какая-то фигура.

– Подслушивание тоже не является у вас нарушением этикета?

– Мы только что вошли, и я слышал только конец.

В другой обстановке я, наверное, смутилась бы. Но сейчас я была как никогда спокойна, чему сама слегка удивилась.

– А что, собственно, тебе надо?

– Здесь кое-кто хочет с тобой поговорить. И я подумал, почему бы не сейчас, близится вечер, мы скоро уйдём в город, а у тебя завтра, наверняка не окажется времени, – Александр приблизился ко мне и произнёс тише: – Сейчас ничего можешь не опасаться. Он, к счастью, не агрессивен, и не причинит тебе вреда. Впрочем, я буду у выхода на всякий случай.

Не дав мне возможности даже открыть рот, Александр быстро вышел, и я была вынуждена повернуться к человеку, который терпеливо ждал. Он вышел на освещённое место, и, не скрою, моё сердце тревожно ёкнуло. Это был Зубарский.

– Здравствуй, Катя, – он подошёл к софе и опустился на край. Он очень изменился. Его лоск испарился, осталось только – несчастное, измученное какими-то невыносимыми для него обстоятельствами, существо.

– Что вы от меня хотите? – спросила я, так как понимала, что ему что-то от меня нужно. За отрешённостью чувствовалось какое-то непреодолимое желание, которое он очень хотел поскорее высказать.

– Меня не устраивает все это, – быстро произнёс он, оглянувшись на выход.

– Что именно?

– То, что со мной произошло.

– О чём вы? Если о том, что случилось неделю назад в Питере... – сначала мне показалось, что он имеет в виду нашу с ним беседу, так бессмысленно и трагически закончившуюся по моей вине, но он покачал головой:

– Что вы, за тот день я вам могу быть только благодарен... Я одним махом избавился от стольких проблем, мучивших меня, что иного трудно было пожелать... Но неугомонная Марина... Она забрала меня, и вместе со своим приятелем Извековым они заставили меня снова ходить и говорить. Я хочу все вернуть на свои места!

Его слова были похожи на бред. Ни за что бы я раньше не поверила, что невозмутимый респектабельный зануда может превратиться в натянутую струну, готовую вот-вот лопнуть.

– Катя, я узнал, что у вас было моё серебряное кольцо...

– Его у меня отобрали.

Он кивнул, замолчал, потом склонился и закрыл лицо руками. Какие удивительные свойства у райских зомби! Такие яркие человеческие эмоции, что непонятно, право, чем же

отличается их самосознание от человеческого? Если ничем, то почему Зубарский так горюет по поводу своего воскрешения?

– Я знаю, что его отобрали, – произнёс он, выпрямившись. – Но, если оно было у вас, значит вы могли побывать и у меня в доме. Я прав?

– Да. И что?

– Там была коробочка с таблетками и одноразовыми инъекторами. Мне надо знать, её вы тоже забрали? – Зубарский посмотрел на меня с отчаянной надеждой.

Коробочка лежала у меня в сумке. Прежде чем решить, говорить Зубарскому правду или нет, нужно было выяснить назначение этой коробочки.

– Её мы тоже забрали, но, право, сочли её совершенно бесполезной.

– Вы её выбросили?! – с ужасом прошептал Зубарский.

– Понятия не имею, что брат с ней сделал.

Зубарский закрыл глаза и замолчал. Говорить со мной он больше не хотел, не о чем было ему со мной говорить.

– Это важно? Что это было такое?

Не открывая глаз, тихо и безучастно Зубарский пояснил:

– Препараты серебра. Таблетка, принятая внутрь, на некоторое время даёт защиту от преобразующего воздействия. А инъекция убивает зомби.

– Каким образом?

– Раствор, содержащий серебро, вышибает сознание из мёртвого тела раз и навсегда... – злобно пояснил Зубарский и встал. – Таблетки мне уже не помогут, но вот инъектор просто необходим. И очень жаль, что мои надежды оказались несостоятельны.

– Подождите... – я подошла к лежащей сумке и полезла внутрь. Удивительно, что сумку не обыскали. Коробочка была на месте. С одной стороны, это была собственность Зубарского. С другой стороны, для меня эти предметы кое-что значили и могли бы пригодиться. – Говорите, таблетки уже ни к чему... Тогда возьмите вот это.

Не вынимая коробочку из сумки, я достала один инъектор.

– Но... Это же то самое... Наглая лгунья! – возмутился Зубарский. У бедняги даже руки затряслись, когда он потянулся к инъектору.

– Если вы будете себя плохо вести, я ничего вам не дам! – я спрятала инъектор за спину.

Вообще-то сцена была не очень красивая. Я напоминала себе врача-изверга, который дразнит обезумевшего от ломки наркомана.

– Ну что вы мучаете меня? – выкрикнул Зубарский. – Отдайте же, черт возьми, это мой последний шанс!

– Что вы задумали, Роман?

Похоже, инъектор был ему нужен исключительно для личного употребления. Если я отдам ему серебро, он убьёт себя, если, конечно, можно убить мертвеца... Я положила инъектор на софу, Зубарский в секунду сцапал его и спрятал в карман. К этому моменту он уже был похож на выжатый лимон, мокрый, жалкий и несчастный. Не стоило над ним издеваться. Хотя, может быть и не стоило мне убивать его дважды, отдавая инъектор. Впрочем, это же, в конце концов, его вещь, не моя.

– Спасибо, – произнёс Зубарский и неожиданно широко улыбнулся. Улыбка сделала его совсем живым и симпатичным. – А второй инъектор никому не отдавайте. Я вам его дарю!

Бодрой походкой он направился к выходу, а я, провожая его взглядом, была почему-то уверена, что вижу его в последний раз.

Глава 5

– Поначалу я сам путался в этих движущихся лабиринтах, но сейчас многие мои гости прекрасно ориентируются в системе, – Валерий Извеков огляделся и беззвучно засмеялся: – Согласись, это впечатляет.

Не согласиться было трудно. Это действительно впечатляло. Мы стояли на бегущей ленте транспортёра-эскалатора и медленно двигались вниз. Транспортёр огромным стеклянным змеем заворачивался внутри пирамиды Рая, начинаясь на вершине, и спускался широкими кольцами по гигантской спирали. Иногда в стеклянной кишке попадались отверстия входов, через которые можно было попасть на некоторые этажи Рая. Внутри спирали эскалатора пролегали десятки транспортёров поменьше, представляя собой чудное переплетение, в котором действительно трудно было разобраться.

Пока я рассматривала это техническое великолепие, Извеков стоял метрах в трёх от меня, отвернувшись, и отдавал распоряжения через портативное переговорное устройство. Отправляясь вместе со мной в путешествие по пирамиде Рая, Извеков не взял с собой никакой охраны. Как тогда, на улице, он был совершенно один. Он знал о том, что мне известно, кто пытался убить Юру, и, тем не менее, даже не показывал вида, что ждёт от меня подвоха. Это удивляло, и сбивало меня с толку.

Извеков пришёл за мной сразу же после того, как прислуживающая мне молчаливая девушка прибрала комнату после завтрака. Я понимала, что меня не бросят одну мои навязчивые хозяева, но, честно говоря, предпочла бы общество живого трупа Александра.

Я ожидала, что он опять заведёт туманные разговоры, но он был предельно естественным.

Извеков был одет в полуспортивный полурабочий комбинезон и выглядел обычным наёмным служащим-технарем, а никак не хозяином грандиозного Рая. Если бы не страшный сон, давший мне понять кто есть кто, я, наверное, испытывала бы удовольствие от знакомства с симпатичным, улыбчивым парнем, каким был Извеков сегодняшним утром. Опираясь локтем о движущийся поручень, он посматривал изредка в мою сторону, говорил что-то в свой «уоки-токи» и ничем, казалось, не был особо озабочен.

Внутри Рая царила такая же неразбериха и эклектика, как и снаружи. Мы медленно проезжали мимо разноуровневых этажей, висячих зимних садов, огромных залов, отделанных редкими и дорогими материалами. И во всех помещениях, которые попадались мне на глаза, удивляло обилие дверей, словно Рай был огромным отелем. По коридорам и залам перемещались люди. Некоторые стояли в отверстиях купола транспортёра и, видимо, собирались отправиться вниз, но не решались этого сделать, пока мы с Извековым не проследуем мимо их этажа. И только после того, как мы удалялись от них на приличное расстояние, люди ступали на движущуюся ленту.

Наконец Валерий закончил беседовать по переговорнику и повернулся ко мне.

– И долго мы будем спускаться?

– Чтобы добраться до нижнего этажа, нужно потратить часа три, я думаю, – ответил он. – Но мы не будем этого делать. Цель нашего путешествия находится несколько ближе, на следующем витке.

Только ему одному было известно, где кончался этот виток, и начинался следующий. Я поняла бессмысленность своих попыток запомнить наш путь, поэтому просто принялась рассматривать то, что не было похоже ни на одну из моих самых смелых фантазий.

– Сколько же лет ушло на то, чтобы построить все это?

– Около шести, – отозвался Валерий. Оглядываясь вокруг, он иногда замечал что-то, кажущееся ему непорядком, тут же выхватывал из нагрудного кармана переговорник и, отвернувшись от меня, начинал что-то негромко говорить.

– Я уж не хочу спрашивать, сколько денег затрачено на это строительство...

– А я и не отвечаю, но не потому, что это тайна. Я сам точно не знаю. А если приблизительно, то этот объект недвижимости стоит примерно столько, сколько парочка крупнейших банков вместе с хранящимися в них ценностями, – засмеялся Валерий, и из его голубых глаз брызнули весёлые искорки. – И тем не менее, ценность этого места куда выше, чем денежная оценка сметы на строительство. Сейчас ты кое-что увидишь, и многое поймёшь. А потом я снова спрошу, согласна ли ты остаться здесь... Выходим!

Он взял меня за руку, и мы переступили с движущейся ленты на порог отверстия в стеклянной стене. Этаж, на который мы ступили, был безлюдным и затемнённым. Мы оказались в обычном коридоре, едва освещавшемся подвесными потолочными светильниками.

– Это моя резиденция. На этот этаж никто не заходит без моего приглашения. И уж точно скажу, никогда ещё в эти помещения не входил более дорогой для меня гость, – Извеков склонился в церемонном полупоклоне.

Я шагнула в открытую им дверь, лихорадочно соображая, чего больше было в его странном льстивом комплименте: угрозы или подвоха. Комната, куда мы попали, оказалась совсем маленькая, а может быть, мне так показалось после осмотра неоглядных пространств. Здесь не было даже намёка на обивки и драпировки, только белый пластик, стекло и никелированные металлические поверхности. Окно, занимающее целиком одну из стен, было закрыто пластиковыми жалюзи. Кресла, столики, компьютер неизвестной модели – вот и вся мебель.

– Присаживайся, у нас с тобой будет очень долгая и очень важная беседа.

– Если честно, то я не представляю, о чём бы тебе хотелось беседовать со мной, – ответила я, пытаюсь вытянуть из него какую-нибудь фразу, из которой могут стать ясными его истинные намерения.

– Зато я прекрасно представляю, о чём ты хочешь со мной говорить. И я ничего не буду от тебя скрывать, потому что, как бы ты не удивлялась и не сопротивлялась, мне слишком повезло, что ты приехала сюда. Ты узнаешь все, что тебе захочется, а я поступлю с тобой так, как уже давно решил.

Он говорил медленно, подбирая слова, и все равно, запутал меня ещё больше. Внезапно погас свет, и в темноте замерцал экран странного компьютера. Валерий сел неподалёку, но мне не было видно его лица.

– Спрашивай, – почти приказал из темноты голос Извекова.

Нелепая ситуация, просто нелепейшая. Вместо того, чтобы просто делать то, что ему хочется, не обращая внимания на меня, он собрался отвечать на мои вопросы.

– Совет: не трать время. В любой момент меня могут сорвать куда-нибудь по делам. И тогда твоё посвящение затянется.

Так и не поняв, почему тюремщик требует, чтобы заключённая допрашивала его, я решила, что тратить время, действительно, глупо.

– Меня интересует только один вопрос: это ты расстрелял Юрия Орешина в гостиничном номере?

Допустим, теперь меня волновало не только это, но начать я хотела с этого, и к чёрту предосторожности.

– Я знаю, зачем ты приехала сюда. Мне нечего скрывать, это был я. Да и зачем ты спрашиваешь, мы уже показали тебе все это, – голос Извекова стал раздражённым. – Право же, я защищал себя, не столько свою жизнь, сколько свой Рай. Если бы тогда Сашка не был столь

глуп и не вмешался в процесс, никто и никогда не смог бы помешать мне сделать то, что я собирался сделать...

Едва сдерживаясь, я сцепила пальцы на колене и закусила губу. Нет, вовсе не от того, что мне хотелось тут же вскочить и разрядить в него обойму. Я нашла своего врага, который и не думает отпираться. Но, к своему глубочайшему удивлению, я обнаружила, что сразу после того, как Валерий признал свои действия трёхлетней давности, меня начала волновать совсем другая проблема. Почему он так уверен в своей правоте и в том, что я пойму его? Только потому, что он сумасшедший? Мне показалось почему-то, что все не так просто. И если ещё вчера никакие призывы к справедливости и законности не смогли бы меня остановить, то сейчас что-то подсказывало мне, что торопиться с выводами нельзя.

– ...И зря ты думаешь, что смерть – это смерть, – заключил он напоследок.

– Что? – не поняла я.

– Я сказал, что быть расстрелянным ещё не значит умереть, – повторил Валерий. Он был так близко, но я его не видела, и от этого было неуютно. – Ты много времени провела с моим братом, могла бы поинтересоваться у него, что это за состояние, в котором он находится с тех пор, как я его убил...

Слова, напомнившие мне об Александре, лишний раз подтвердили необычное состояние ума моего собеседника, но я также вдруг поняла, что его безумные слова все-таки правдивы. А уж то, что он не находит их предосудительными – это всего лишь уже знакомый мне «местный этикет».

– Ты убил Александра? Ты сам? Какого черта... – я возмутилась было, но тут Извеков подвинулся поближе к светящемуся экрану компьютера, и свет упал на его лицо. И мне тут же расхотелось возмущаться. Он выглядел беспомощным и отрешённым, моё возмущение могло совсем выбить его из колеи, мне же нужно было, чтобы он продолжал говорить.

– Саша может тебе рассказать, в чем преимущество его смерти, – произнёс Валерий тоном, каким объясняют очевидные вещи дурачкам.

– Если честно, то Александр не произвёл на меня впечатления счастливого. Кстати, где он сейчас? – уточнила я.

– Насколько я знаю, он ещё утром ушёл в город, кажется, он собирался поговорить с Орешиним.

Сердце моё тревожно ёкнуло. Я всего лишь могла надеяться, что из этого визита не последует ничего ужасного.

– Не волнуйся, Орешин и Середа мне здесь совершенно ни к чему. Я разобрался с ними со всеми три года назад, и насколько знаю, у властей есть установка оставить все на своих местах. Это тебя мне нужно было заполучить любой ценой, поэтому я и заставил Сашу пасти тебя. И ему удалось то, что не получилось у меня там на аллее.

Значит, Александр не отставал от меня по приказу Валерия.

– Твой брат довольно исполнительен. Ты можешь быть им доволен, – слова вырвались у меня с плохо скрытой горечью.

– Я, кажется, расстроил тебя, – усмехнулся он и снова откинулся в своём кресле, скрывшись в темноту. – Если тебя это успокоит, то мне стоило немалой нервотрёпки заставить его подчиниться. Практически, я сломал его, и это до сих пор беспокоит меня. Видишь ли, любой из моих зомби полностью зависит от меня, а Сашка в большей степени, чем остальные...

Информация становилась все весомее, и я пожалела, что в моей голове нет какой-нибудь электронной памяти, куда можно все записать, запомнить во всех деталях, вплоть до интонаций, а потом в спокойной обстановке обработать, учесть все нюансы, которые сейчас я могу упустить. Я панически боялась упустить хоть слово из лихорадочного монолога Валерия. Но не стала пытаться ничего уточнять, такие люди, как Извеков, скажут куда больше, если пустить все на самотёк. И он говорил.

– Очень долгое время я носил в себе свою главную идею, и не мог никому ее высказать. Все эти забавы – это так, пустяки по сравнению с тем, что в действительности возможно сделать. Ты поймёшь со временем, что мой замысел стоит того, чтобы остаться здесь. Пока у меня один настоящий помощник – Александр, но и тот делает все только для того, чтобы избавиться от меня, а я пользуюсь им, и буду пользоваться столько, сколько мне будет нужно, – Валерий встал и прошёл куда-то вглубь комнаты. Раздался звук льющейся в стакан жидкости, а затем судорожные глотки. Мне захотелось все время иметь его в поле зрения, поскольку его возбуждённое состояние становилось опасным.

– Валерий, сядь, я не воспринимаю тебя, когда ты бегаешь.

Он оказался на удивление послушен, тут же вернулся и сел на место.

– Ты думаешь, наверное, что я – чудовище, – усмехнулся он. – Да, я убил брата, но я знаю, что эта смерть – не смерть, а шаг к бессмертию. Я собирался сделать для него максимум из того, что я могу. В конце концов, мы всегда были с ним друзьями, и я не хотел мучить его. Но когда я, наконец, вышел на тебя, я понял, что без Саши не обойтись, и задержал его здесь... – Извеков прервался и хотел, кажется, снова сбежать к стенному шкафу, но вернулся и сел на этот раз на подлокотник моего кресла.

– Ты слушай меня внимательно. Мне нужно, чтобы ты меня поняла. Я отказал ему в том, чего он давно ждал. И он мне больше не верит. – Его голос звучал прямо у меня над ухом. – А я не могу этого допустить. Тем более сейчас, после того что случилось ночью...

Он замолчал. Мне не хотелось вмешиваться, но уточнение требовалось:

– А что случилось ночью?

– Муж Марины... Он добыл где-то раствор соли серебра и сделал себе укол. Я столько времени потратил на то, чтобы помочь Марине привезти мужа сюда. Но он не поверил ни ей, ни мне, и, похоже, сошёл с ума. Впрочем, когда я с ним говорил, оказалось, что он на редкость религиозен, и не смог оценить Рай... Он поступил глупо, и мне очень жаль, что так получилось.

– Это я дала ему инъектор.

Извеков вскочил и через секунду он уже стоял передо мной. Вид у него был настолько возмущённый и потрясённый, что мне невольно пришлось собраться, чтобы если Валерию вздумается броситься на меня, он не застал бы меня врасплох.

Заметив моё внезапное напряжение, Валерий неожиданно усмехнулся и сделал успокаивающий жест ладонью:

– Нет, я не обвиняю тебя. Это моя вина. Если бы наш разговор состоялся ещё вчера, ты не сделала бы этой глупой ошибки. Роман Зубарский совершил нечто непоправимое и убил себя.

– Но он, если я не ошибаюсь, а я не ошибаюсь, был уже мёртв. Возможно ли самоубийство мертвеца?

– Ещё как возможно. Убить сознание очень трудно, но очень даже возможно. И именно это Зубарский и сделал. Он не поверил нашим словам, и теперь никогда и нигде не появится личностей, порождённых его сознанием. Все носители сознания Зубарского во всём множестве реальностей погибли одновременно и погибли безвозвратно. Никогда ни я, ни ты не сможем спасти ни одной личности сознания, убитого таким же способом, как сегодня ночью. Вот это убийство, Катя. То, что я убил в этой реальности некоего госслужащего по имени Александр Извеков, на самом деле не является большой потерей. Его личность исчезает из этой реальности, но присоединится и будет подпитывать собой другие части единого и вечного сознания, воплощённого во множестве реальностей. Я не буду говорить о погибшем и зарытом в землю теле, потому что знаю: его бессмертное сознание, само себя разделившее, живёт в ещё добрых десятках разнообразных личностей. А вот сознания Зубарского уже нигде нет. Нигде...

Извеков замолчал, вернулся в кресло, оперся локтем на колено и крепко задумался о чем-то.

– Валерий!

– Да? Ты спрашивай. Я просто никому ещё не пытался объяснить всего сразу, поэтому у меня, наверное, ничего не получается с рассказом, – он сидел в прежней позе.

– Неужели тебе все равно, что погибают люди? Разве гибель того человека, который был твоим братом, живого человека, не печалит тебя? Ну и что, что его бессмертное сознание будет где-то там вечно витать. Он никогда не придёт к тебе, ни о чём не спросит, не поспорит, его больше никогда не будет рядом. У тебя больше нет брата. Это тебя не огорчает?

– Нет, не огорчает. Потому что я знаю о жизни и смерти то, что тебе, Катя, пока не известно. – Валерий сделал ударение на слове «пока». – Я был совершенно бешеный, пока не знал, почему я такой, откуда у меня взялся мой дар. Теперь я знаю. Чем меньше у сознания тел-носителей, чем больше оно сконцентрировано, тем шире возможности личности. Если же все грани сознания концентрируются в пределах одной единственной личности, созидательные возможности безграничны. У меня нет аналогов в иных реальностях. Ни одного. Поэтому я могу своим сознанием воздействовать на все иные. Могу удерживать чужое сознание в кожаном мешке с костями и научить его управлять мёртвым телом, как живым, и удерживать его от разложения. Науке давно были известны такие понятия, как зомби и оборотни. Проблема была лишь в том, что они не могли их ничем объяснить, поэтому отнесли в раздел нечистой силы. А объясняется все очень просто: сознание по сути своей очень мобильно. И может приводить в движение самые разные физические тела. И даже само может трансформировать их, если у него достаточно созидательной силы... К сожалению, даже у всего лишь раздвоенного сознания нет практически никаких возможностей, подобных моим. Эти люди могут иметь великолепно развитый интеллект, безошибочную интуицию, богатое образное мышление, но ни один из них не может увести за собой чужое сознание, не может изменить элементарный сон...

– Скажи, как ты узнал, что у тебя нет аналогов? – я ещё не понимала толком, о чем его спрашиваю, но Валерия мой вопрос не удивил, а даже привёл в восторг:

– Я знал, что ты все поймёшь сразу же! – он радостно рассмеялся. – Видишь ли, все очень и очень просто. Я никогда не видел снов о себе. Если я что-то и видел во сне, то потом оказывалось, что это были сны тех, кто находился недалеко от меня. Я просто следил за их перемещениями в реальностях. А когда лет в десять я понял, что могу следовать вместе с чужим сознанием даже когда я сам бодрствую, это было целое открытие. А вообще, чтобы понять всю закономерность, мне потребовалось очень много лет. К сожалению, я долго не находил ни одного подобного мне человека ни здесь, ни в одной из реальностей, в которых я за это время побывал.

Я вспомнила книжечку, которую Олег стащил из дома Зубарских.

– Значит, ты можешь передвигаться по параллельным мирам?

– Реальности – это не миры. Мир у нас один, и этот мир населён не людьми, а сознаниями. А реальности – это пласты вещественных воплощений этих сознаний. Нельзя даже сказать, как это принято говорить о параллельных мирах, что реальности одновременно существуют в одном и том же месте, но в разных измерениях. Все это чушь. Реальности есть там, где они есть, и время в них течёт так, как ему хочется. Нужно только уметь путешествовать по ним. Я могу найти цепочку путей и пройти в любую реальность, близость которой чувствую. А все остальные связаны своими телами, и только во сне, освобождённые от телесного плена, свободно живут некоторое время в телах-аналогах...

Позади нас раздался шелест открывающейся двери. Извеков поднял голову. Звуки, последовавшие вслед за открывшейся дверью, заставили меня вжаться в кресло. Это было цоканье собачьих когтей по пластиковому полу комнаты. Огромный чёрный пинчер подбе-

жал к креслу Валерия и ткнулся носом в его руку. Меня он не мог не заметить и не почуять, но не обратил на меня никакого внимания.

– Ты нам нужен, – произнёс Извеков. – Нужен немедленно.

Пинчер отпрянул и встал неподвижно. Он смотрел на Валерия, не отворачиваясь и никуда не двигаясь.

– Саша, ты нам нужен, черт возьми! – закричал Извеков, и пинчер метнулся в сторону.

Собака медленно повернула голову и уставилась на меня. Даже в слабом освещении, исходившем от экрана, было хорошо видно, что на огромной собачьей морде сами по себе живут человеческие глаза.

Зашуршала, открываясь, боковая дверь в стене комнаты, цокот когтей собаки стих за этой дверью. Валерий резко расстегнул ворот своего комбинезона, словно ему было душно, и проворчал:

– Знает же, что я не люблю общаться с ним, когда он в таком виде...

Через полминуты из боковой двери вышел Александр в таком же комбинезоне, как у Валерия. Я несколько минут соображала, что же произошло, но не смогла придумать ничего более разумного, чем счесть все произошедшее за живую иллюстрацию к монологу Валерия об оборотнях. Необычных размеров пинчер, уже не раз встречавшийся мне, все время предшествовал появлению Александра. Да, Валерия пока трудно было упрекнуть во лжи. И все труднее становилось ссылаться на его сумасшествие.

Александр сел в свободное кресло и, ни слова не говоря, закрыл глаза. Лицо его было все таким же мокрым – результат превращения? – и измученным. Валерий нетерпеливо стукнул ладонью по столу: Рассказывай, Кате нужно знать, чем кончился твой визит к Орешину.

– Если бы Орешин не знал, кто я такой, все кончилось бы дыркой в моей мёртвой голове. Хорошо ещё, что Середы не было в номере.

– Где же он шатался ночью? – поинтересовался Валерий, – Я надеюсь, он не прячется где-нибудь на моем этаже с огнём. Не хотелось бы погружаться в разборки с ними именно сейчас.

– Это теперь только твои проблемы, – равнодушно сказал Александр.

– Я не успел показать Кате кое-какие записи, из моих наблюдений. Я боюсь, что она все ещё неверно меня понимает...

Младший Извеков мрачно рассмеялся.

– Может быть ты все-таки скажешь мне, что было сегодня в гостинице у Юрия, – вмешалась я в их натянутое общение.

Александр бросил на меня недобрый взгляд и проворчал:

– К счастью, ничего. Поговорили, вспомнили старых друзей, службу... Да, тебе привет, – добавил он с издёвкой.

Валерий снова хлопнул ладонью по столу:

– Саша, я хочу, чтобы ты объяснил Кате все, что у нас тут происходит. И покажи ей двери, проводи по нескольким реальностям...

– Какого черта, Валера? – Александр презрительно сморщился. – Мне нет резона участвовать в ваших делах. Я ждал от тебя другого, и не хочу больше заниматься всем этим.

– Я же обещал, значит, сделаю, – проговорил Валерий. – Но я же понимаю, что как только отпущу тебя, останусь один.

– Почему же один, у тебя теперь есть Катя. Вдвоём вы взорвёте к чёрту этот гнилой затхлый мир и за уши вытащите всех недоумков к райски счастливым дням. Только, пожалуйста, без меня! – Александр резко встал, ткнул в сторону Валерия указательным пальцем и повторил: – Без меня, Валерка. Это окончательно.

Он быстро вышел из комнаты. Валерий некоторое время сидел молча, а потом поднял на меня глаза.

– Катя, догони его. Он должен нам помочь.

– Но я же ничего не поняла, я не могу действовать вслепую!

– Если ты вернёшь его, я буду в твоём распоряжении, – чётко произнёс Валерий и махнул рукой: – Догони его. Его этаж следующий по главной ленте. Найди его.

Я вышла в пустой тёмный коридор и сошла на ленту эскалатора. Следующий выход был совсем недалеко, но Александра на ленте не было видно. Видимо, были и другие пути, чтобы попасть с этажа на этаж. Разве такое путешествие может представлять трудности для оборотня, который за считанные секунды превращается из собаки в человека?

Лента двигалась медленнее, чем мне хотелось бы, к тому же было жарко и душно, несмотря на гуляющий по стеклянной кишке сквозняк.

Несомненно, что мой брат знал кое-что из той теории, которую мне только что пришлось выслушать у Валерия. И он верил в то, что это не бред, а возможно не только верил, но и имел доказательства. Только разобраться во всем ему не дали. Важные люди из спецслужб не занимаются глупостями и бредом шизофреников, воображающих себя всесильным воплощением вечного сознания. Но теории Извекова не были глупостями.

Если дар Извекова и позволяет ему расправляться с собственным и чужими телами и сознаниями по своему усмотрению, то с его стороны слишком самодовольной и неоправданной является уверенность в том, что и прочие люди (личности, сознания, или как ему угодно) немедленно поднимутся над бренной суетой телесной жизни и возмечтают воссоединить частички сознания, чтобы стать некой гениальной нематериальной субстанцией. Вот она, глупость Извекова. Глупая и бессмысленная жестокость злого ребёнка. Может быть я и стою на более низком уровне самосознания, чем повелитель душ и тел Валерий Извеков, но меня не обрадует смерть Юрки, даже если я буду уверена, что его память, ум, эмоции и привязанности не исчезли, а продолжают жить в каком-то другом теле, в каком-то другом мире. Мне-то что до этого, если я сама, лично я, никогда больше не увижу его лица, не услышу его голоса, не почувствую себя под его надёжной защитой? Какая мне в конце концов разница, сколько у меня тел-аналогов, и насколько совершенна и сильна та часть сознания, которая досталась лично мне? Я живу в этом теле, не таком уж плохом, что тут кривить душой... Я помню только свою жизнь, только свои проблемы. И больше всего мне в этой истории не понравилось то, что мне, Катке Орешиной, без моего ведома уже отвели какую-то роль внутри райской пирамиды.

Сойдя с ленты эскалатора, я обнаружила нечто похожее на только что увиденное на этаже Валерия: голые блестящие стены, никакого излишества и никого живого вокруг.

Несколько дверей выходили в небольшой коридор, все они были одинаковые, и я осталась в замешательстве. Что-то изнутри подсказывало мне, что ни в одну дверь в Раю не стоит входить, не подумав.

В нормальном доме не должно быть так много дверей. Поэтому было очевидно, что в Раю двери играют самую важную роль. Сейчас на этаже Александра мне хотелось поскорее разобраться, какая из них была главной, куда именно я могла войти.

Крайняя дверь оказалась незапертой. А за ней – маленькая комнатка, даже не комнатка, а переходной тамбур, на противоположной от входа стене которого была еще дверь. Выход. Я сделала несколько шагов внутрь тамбура, и дверь, через которую я вошла, с шумом захлопнулась за моей спиной. Я не стала проверять, осталась ли она по-прежнему незапертой. Меня больше интересовало, куда выходит дверь, что была впереди.

Я потянула ручку, и дверь тихо подалась. Свет в тамбуре сразу же погас, и только узкая щёлочка, образовавшаяся в дверном проёме, не дала мне потерять ориентацию окончательно.

Я уже собралась шагнуть вперёд, но тут оставшаяся позади дверь распахнулась, обдав меня порывом ветра, и чьи-то сильные руки схватили меня за плечи. Я попыталась резко высвободиться, но хватка была железной.

– Куда тебя несёт?! – я узнала голос Александра и перестала сопротивляться. – Ты могла навсегда исчезнуть здесь! Валерка послал тебя за мной, а не бродить в одиночестве по реальностям.

В темноте Александр отстранил меня, взял за руку. Сегодня ладонь его была действительно холодной, как лёд. Он шагнул за дверь первым и потянул меня за собой.

За дверью оказалась обычная известняковая пещерка. Вдали брезжил свет, что говорило о близком выходе. Александр шел впереди, наклонив голову: потолок пещеры был слишком низок для него. Пару раз оступившись на осклизлых слоистых известняках, я прошла за моим спутником.

Выбравшись вслед за Александром из пещеры, я обнаружила, что в нескольких метрах впереди, под обрывом, лениво плещет океан. Высокие бледные облака и никакого прямого солнца. Серые, чуть темнее неба, волны, мягко шурша, разбивались о плиты берега. Я обернулась. Позади возвышалось известняковое слоёное плато, полого спускающиеся к океану ступени, образующие полуобрушенные пещеры и нагромождения обломков.

Но там не было не только гигантской пирамиды, но и никаких строений, напоминающих о том, что где-то здесь должен быть таинственный городок. Пустынный берег, насколько мог охватить взгляд.

– Это моё любимое место, – сообщил Александр.

– Охотно верю, Саша, – отозвалась я. – А где это мы?

– Там, где достать нас сможет только Валерка, если захочет, – засмеялся Александр. – Но он обычно не ищет меня по реальностям. И я ухожу сюда, когда мне становится до чёртиков тошно.

– Если верить собственным глазам, это море-океан находится где-то на верхних этажах Раю. Но что-то говорит мне, что глазам доверять не стоит... Хотя без комментариев мне не сориентироваться.

Александр посмотрел на меня как-то странно и покачал головой, словно сокрушаясь.

– В чем дело, – не поняла я.

– Не зря Валерка так за тебя зацепился. Ты, действительно, будешь ему хорошей компанией.

– Ещё раз, пожалуйста.

– Когда Марина Зубарская захотела впервые пройти в иную реальность, то она увязалась за мной сюда. Это было где-то на первой неделе ее пребывания в Раю, и она уже немного слышала, что здесь к чему. Не знаю, как ей представлялась реальность, отличная от нашей, может быть она ожидала оказаться в Раю, по этажам которого бродят трёхногие люди, или ещё что-нибудь оригинальное, но... Идя за мной, она выбралась на это самое место, оглянулась и упала в обморок, – весело рассказал Александр, усаживаясь на слоистый обломок прибрежной плиты. – А ты даже глазом не моргнула.

– Если я начну падать в обморок, я рискую пропустить много интересного. Я только не понимаю, почему ты взял меня сюда. Ты же отказался там, у Валерия.

– Мало ли, что я мог сказать там. Хорошо, что Валерка не пасёт меня все время. Если бы он контролировал меня всерьёз, он мог бы уличить меня в мелком мошенничестве. Я давно уже не говорю ему всей правды, – Александр подобрал ноги и обнял собственные колени. – Ты садись, если хочешь побыть здесь со мной. Я не буду возвращаться назад прямо сейчас. У меня есть, что рассказать тебе.

Для мертвеца он был довольно артистичен. Я совершенно поверила в то, что он рассержен на Валерия и не собирается больше быть моим гидом по Раю. Хитрец обманул и меня.

– Как называется это место? – спросила я, присев рядом с Александром.

– Личный рай Александра Извекова, – отозвался Александр. – Мне нравится бывать здесь. Я вообще люблю воду... Ведь мы с Валерием выросли здесь, на побережье... То есть не здесь, а там, в том самом городке, на месте которого Валерка воздвиг свой Рай, – быстро поправился Александр. – Поэтому я и нахожу это место замечательным, оно напоминает мне о детстве. Хотя тогда давно, когда Валера ещё не слишком разошёлся, наш городок, он назывался, кстати, Сылве, кишел людьми во все времена года, и найти такое безлюдное место на берегу озера было почти невозможно. Это сейчас, когда ночные псы истребили почти всех, а остальные обзавелись серебром и не выходят из дома после семи вечера, на берегу можно посидеть спокойно. Но там меня непременно находил Валерка. И я упросил его открыть для меня эту дверь. Здесь очень хорошо... Во время отлива над берегом появляются чайки. Я пробовал брать с собой угощение для них, но они не берут куски, побывавшие в моих руках... – фразу он закончил печально, и замолчал.

– Почему?

Александр разжал руки, приблизил их к лицу и повертел ладонями, оглядывая их со всех сторон.

– Чайки все же не люди, они сразу чувствуют, что их пытаются кормить нежить.

Сказано это было с горечью.

– Скажи, о каком бессмертии говорил Валерий? Что он хочет для тебя сделать?

– Понимаешь... – Александр снова обхватил колени и стал смотреть на океан.

Помолчав с минуту, он все-таки заговорил:

– Валера может освободить меня от состояния нежити. Он может освободить меня, и в одной из реальностей некто, очень или слегка похожий на меня, вдруг начнёт видеть странные сны, в которых он вдруг станет ребёнком, постоянно дерущимся со старшим братом. Потом он увидит себя офицером службы безопасности, крутым парнем, который будет совершать лихие подвиги. Потом в одном из снов его убьют, и ему будет сниться, что он – ходячий мертвец. А однажды во сне он взглянет в зеркало и увидит вместо себя огромного пса, а после будет бегать, отчаявшийся и перепуганный, и грызть всех, кого увидит, потому что все вокруг будут казаться ему врагами. Этот человек будет поначалу обеспокоен своими странными снами, может быть даже пойдёт к врачу. Но, пройдя курс восстановительной психотерапии, перестанет обращать внимание на случающиеся иногда ночные кошмары. А, возможно, кроме отрицательных эмоций он почувствует ещё и присутствие какой-то новой личности в себе. Он вдруг поймёт, что воспринимает жизнь теперь совершенно неоднозначно, что странные мысли, факты, ситуации переполняют его, и, вдохновлённый желанием поделиться всем этим с другими людьми, он сядет за перо или за кисть, и мир удивят гениальные произведения литературы или живописи... – Александр прервался, потом закончил уже немного в другой тональности. – Хотя, конечно, от произошедшей с ним перемены, этот человек может и потерять рассудок.

– Послушай, это все произойдёт с тем, другим человеком, а что произойдёт с тобой?

Александр снова взглянул на меня очень странно, и во второй раз я не смогла подобрать определение этому взгляду. Он словно хотел что-то сказать, и был уверен, что я поняла этот безмолвный язык.

– Не забывай, что Александра Извекова уже не существует целых три года. То, чем я являюсь, уже давно не ощущает себя человеком. Я смирился с этим. Я просто заставляю передвигаться эти ноги. Я заставляю функционировать голосовые связки, чтобы ты меня слышала. А в действительности я сейчас всего лишь помню жизнь Александра Извекова, ну и ещё немного жизни тех своих аналогов, с которыми уже заочно познакомился. Из них я уже выбрал новую личность, к которой Валерка обещал присоединить ту часть сознания,

которая жила в теле Александра. Жаль, что этот человек живёт не на этом берегу, и даже не в этой реальности. Но мне все равно.

– Валерий решил, что ты захочешь последовать примеру Зубарского.

Александр покачал головой:

– Это желание уже давно перегорело. Не очень приятное было время, когда я носился по городу на четырёх собачьих лапах и убивал тех, кто ещё был жив и не сообразил надеть серебро. И только потом я понял, что это бессмысленно. Валерка бегал за мной по пятам, сокрушался, рассовывал мои жертвы по благоприятным для них реальностям или зомбирывал, потом успокаивал меня и проводил со мной научные беседы. За три года он смог переубедить меня, что всем этим несчастным сейчас не хуже, чем было здесь. И я ему за это благодарен. Если бы не он, я не выдержал бы этих лет ожидания.

Мне не хотелось верить его словам. Не хотелось думать, что Александр был убийцей. Впрочем, идея о том, что смерть смерти рознь, оказалась привлекательной, и в голове... извините, в сознании Александра трансформировалась весьма необычно. Но ни в коем случае я не собиралась разубеждать его, обвинять или порицать, я не имела на это никакого права.

– Почему же Валерий до сих пор не выполнил обещания?

– Потому что все прочие люди и нелюди Рая нисколько не озабочены проблемами Валерки и его глобальными планами. Мне они, честно говоря, тоже ни к чему, я помогаю ему просто по привычке. Ведь он брат того парня, в чьём законсервированном трупе я сейчас пребываю, – мрачно высказался Александр и ещё раз разжал и сжал кулаки, словно проверяя, слушается ли его «вещественная оболочка». – Валерка заявил, что как только он найдёт себе помощника, он тут же отпустит меня. Мне остаётся только изо всех сил искать помощника для Валеры. Впрочем, мы его уже нашли.

– Только он, вернее она, об этом ещё не знает, – заметила я.

– Не прикидывайся, все ты уже поняла, – отмахнулся Александр. – Никогда ещё нам не встречался человек с такими реакциями, способом мышления и восприятия реальности, как у тебя. Мы заметили тебя, когда ты обрабатывала Зубарского – мы следили за ним по просьбе Марины. Валерий хотел сначала исподволь подобраться к тебе и заманить сюда. Но ты стала так быстро крушить все, что попадалось тебе под руку, что Валерка сначала просто обалдел от такого напора. Все проверив, он обнаружил, что у тебя, Катя, всего два аналога в иных реальностях. И если уж одна треть сознания выделяет такие нестандартные вещи, то, когда Валера объединит три личности в одной...

– Подожди-ка, а какие нестандартные вещи выделяет Катя Орешина?

Александр, действительно, был очень весёлым зомби. Не знаю, был ли он когда-нибудь весёлым человеком, но сейчас каждая сказанная мной фраза неизменно вызывала у него смех.

– А ты и не должна считать их нестандартными. Ты действуешь так, как это для тебя естественно.

– Но я почти ничего не умею делать лучше Юры или Олега...

– А они тоже интересные люди, – улыбнулся Александр. – Их тоже трудно назвать обычными. Мне было хорошо работать вместе с ними. Они были старше и опытнее меня, когда я пришёл в группу. Правда, по-настоящему я так никогда и не вписался в их компанию, но Орешин был хорошим начальником и многому меня научил. Поэтому, когда на пути наших поисков возникла именно ты, его сестра, я заколебался, стоит ли нам ввязываться. Валера настоял.

– И что же меня ждёт?

Александр пожал плечами. Он подобрал маленький кусок известняка, размахнулся и проследил за полётом. Камень исчез, не оставив даже кругов на поверхности воды. Я ждала ответа, но это и был ответ.

– Но как?

– Наверное, Валерий отправит меня к твоим подругам по несчастью, живущим в других реальностях незнакомой тебе жизнью, и мне придётся убить их, ничего не подозревающих. И после этого ты уже сможешь делать то, что умеет сейчас только Валера. А потом, если Валерка опять забудет о своём обещании, ты уже не откажешься отправить Сашку Извекова на заслуженный отдых? А?

– Обязательно, – ответила я. Обрисованная перспектива не прельщала меня. Я знаю, чего хочу, а чего не хочу. Я хотела вернуться к брату. Без него и Олега мне не справиться с Валерием. Понять, что к чему, я в состоянии и одна. Но в остальном мне неоткуда ждать действенной помощи. Александр, конечно, по старой памяти лоялен, насколько это возможно в его состоянии, но он скорее станет помогать Валерию избавиться от враждебных ему сил, чем содействовать тем, кто захочет уничтожить Рай.

– А если я, например, не хочу, чтобы кто-нибудь погибал?

– Когда ты почувствуешь их личности в себе, ты изменишь мнение.

– Ты сейчас ещё между небом и землёй, а уже знаешь заранее, что я почувствую. Я бы на твоём месте не стала так уж безоговорочно верить каждому слову Валерия.

– Да мне ничего другого не осталось. – Александр повернулся ко мне всем телом и посмотрел прямо в глаза. Что-что, а глаза его никак нельзя было назвать мёртвыми. Они были влажными, живыми, только синева их была смешана с такой смертной мукой, что у меня побежали мурашки по спине. Он смотрел мне в глаза и, помолчав, повторил: – Ничего другого.

– А если я откажусь? Вообще откажусь и захочу уйти?

– Если уйдёшь из города, Валерка не сможет заставить тебя, потому что он не умеет оперировать физическими объектами вдали от Рая. Это здесь, где у него в одном месте собраны двери в тысячи реальностей, он способен на многое. А так он только сможет портить тебе нервы, являясь каждую ночь во сне. Но... – Александр развёл руками, – ты не сможешь уйти из Рая.

– ...без твоей помощи.

Александр не ответил, только взял ещё один камешек и бросил его в океан.

– Помоги мне, пожалуйста. Мне нечем отблагодарить тебя, поэтому просто помоги мне.

Он поднял голову и покосился на меня.

– Сегодня вечером я приду за тобой и выведу из Рая в город. Середа будет ждать нас в старой гостинице. Сначала Валерка будет огорчён, но потом его оптимизм победит... А я буду с утроенной энергией искать для него и заманивать людей, у которых мало аналогов. Поболтаюсь мертвецом ещё несколько лет... В конце концов, кому от этого будет хуже, кроме меня?..

Я не могла сдержать волну эмоций, да и не хотелось мне её сдерживать. Какая разница, живой он или мёртвый, если способен на сострадание в ущерб собственным интересам?..

– Спасибо, – я обняла его за шею и прижалась щекой к его прохладному лицу. Пару секунд он не шевелился, потом взял меня за локти и отстранил.

– Вернуться бы мне на три года назад, – проворчал он, отводя взгляд.

– Ты договорился с Юрой?

Александр хитро улыбнулся и вздохнул:

– Бедный Валерка! Не стоило бы ему доверять мне... Они оба были вчера ночью на месте, и Орешин, и Середа. План наш мы выработали втроём. Я сделаю все, чтобы уве-

сти тебя отсюда... Если Валера не разоблачит обман, у нас все получится. Но риск есть, и большой...

– Я это понимаю.

– Если у меня когда-нибудь будет девушка, хотел бы я, чтобы она поменьше понимала, – отрезал Александр.

– Это ещё почему?

– Посмотрел я на беднягу Середу и решил учесть его горький опыт.

Мне стало весело:

– Я не его девушка!

Александр встал и, отряхнув комбинезон, заметил:

– Мне показалось, что он считает иначе. Впрочем, сейчас мы с тобой вернёмся в Рай к Валерию и будем дружно играть свои роли: я – обиженного зомби, и та – чрезмерно любопытной девчонки...

– ... каковыми мы с тобой и являемся на самом деле.

Он ничего не сказал, только подал мне руку и повёл вверх к пещере.

Глава 6

Я едва успевала за черным пинчером с человеческими глазами. Когти пса царапали плиты мостовой. Правда, я раньше никогда над этим не задумывалась, но мне казалось, что шагов собаки обычно не бывает слышно. Местная же нечисть вовсе не пыталась скрыть своё присутствие и цокала по мостовой, как лошадь.

Улицы Сылве были темны и пусты. Где-то за пределами города, в стороне дороги на Кепу, слышались протяжные собачьи завывания. На улицах не горела ни одна лампочка. Правда, этой ночью не было ни облачка, и с чёрного неба россыпью глядели звезды. И полнолуние. Красота. И не только красота, но и какое-никакое освещение.

Александр не велел мне брать сумку, поэтому, кроме оружия, при мне ничего не было. Когда мы кружили по пирамиде Рая, перебираясь из двери в дверь, я не успевала даже задавать вопросы Александру. Я просто шла за ним, положившись целиком на его план. Уже где-то у выхода Александр зашёл в какую-то комнату, попросив меня подождать. Обратного уже выбежал пёс. И я, снова не задавая вопросов, пошла за ним, хотя я не понимала смысла этого превращения.

Вышли мы из Рая не через главный вход, а через какую-то маленькую дверцу, что была довольно далеко от главной аллеи. Выбравшись на улицу, пёс помчался галопом по мостовой. Я всегда бегала неплохо, но где мне было сравниться с оборотнем, который, наверное, в принципе не знал, что такое физическая усталость.

Пинчер изредка поглядывал по сторонам и косился на меня. Я не удивилась бы, даже если бы пёс заговорил, но тот только глухо ворчал иногда. Было похоже, что он торопит меня и старается подбодрить, но его огромная, величиной с хорошее ведро, голова и морда с человеческими глазами внушали мне почему-то смутную тревогу, и каждый раз, когда я встречалась взглядом с глазами пса, у меня начинало неприятно холодеть внутри.

Заставив себя принять новый облик Александра Извекова, как нечто, имеющее право на существование, я, тем не менее, не могла себя заставить назвать его по имени. Сейчас это был просто пёс.

Мы были уже недалеко от старой гостиницы, когда пёс вдруг резко остановился на темной улице.

– Что такое? – спросила я. Сама я ничего не видела и не слышала.

Пёс же замер на полминуты, затем стал переминаясь на месте.

– Я не понимаю.

Пёс повернулся в мою сторону, и его глаза загорелись в темноте.

– Что-то не так?

Пинчер рыкнул и побежал вперёд ещё быстрее. Когда я догнала его, он был уже у двери в гостиницу. Поднявшись на задние лапы, он ткнул носом в кнопку звонка. Никто не отозвался. Я взялась за ручку, и дверь сразу же отворилась.

Пёс протяжно зарычал, оттеснил меня и прыжком заскочил в холл. Я вошла следом. Там было темно и тихо, точно так же, как в ту первую ночь.

Пёс был явно чем-то обеспокоен. Пока я стояла посреди холла, он несколько раз пробежал мимо меня, осматривая и обнюхивая все углы и закоулки и, наконец, исчез в комнате администратора.

Я поднялась по деревянной лестнице на второй этаж.

Олег, видимо, должен был подойти за мной с минуты на минуту. Если бы он был уже здесь, он давно проявился бы. Но в здании явно не было ни души.

– Знаешь, что мне не нравится? – Александр бесшумно подошёл ко мне, когда я стояла у окна в коридоре, и заставил меня вздрогнуть. – Здесь должен был быть Кирилл. Я велел ему вчера ждать меня, причём запереть гостиницу. Его нигде нет, и дверь открыта...

– Это плохо?

– Хуже некуда.

Александр тоже выглядел хуже некуда. После возвращения в человеческий облик он ещё шатался и вытирал каким-то платком лицо.

– Что такое с тобой происходит, Саша?

– Временная утрата координации, сейчас восстановлюсь, – отмахнулся он. – Я советую тебе быть очень внимательной. Пока я ещё не могу понять, что тут случилось.

Он пошёл вдоль коридора, открывая все двери и проверяя комнаты.

– Ты думаешь, что Валерий мог все узнать? – окликнула я его.

– Запросто. Он хитрее, чем может показаться. Он вполне мог не поверить мне вчера, и, возможно, он теперь все знает. Единственное, что мне тогда не понятно, почему он не помешал нам выйти из Рая. Зачем было позволять нам дойти сюда?

Известие о том, что Александр не разбирается в событиях, было очень неприятной новостью. Я полагалась на него, потому что больше ни от кого ждать помощи не приходилось. Но и упрекать Александра было бессмысленно, он сам был озабочен и расстроен.

– И чем это может нам грозить? – спросила я.

Александр усмехнулся:

– Вряд ли он закуёт меня в серебряные кандалы, он не столь кровожаден. Но мне бы не хотелось...

Он не договорил. Внезапно его сотрясла судорога, он согнулся и закрыл лицо руками.

Я бросилась к нему.

– Что с тобой? – я поддержала его за плечи и попыталась заглянуть в лицо, но он рухнул на колени и привалился к стене. Руки его, прижатые к лицу, дрожали. Я испугалась, но совершенно не представляла, что с ним такое.

– Саша, что с тобой?!

Он мешком свалился на пол. Ни звука, ни стона, ни хрипа. Ничего. Его тело неподвижно лежало передо мной, беспомощное и страшное. В полумраке коридора он выглядел зловеще и угрожающе. Мне показалось, что сейчас он отнимет руки от лица, засмеётся, завоет или зарычит и бросится на меня. Мои ладони стали вдруг липкими и холодными от внезапного страха. Кто знает, что может произойти со мной теперь, когда Александр не способен более защищать меня и давать дельные советы.

Ещё некоторое время я надеялась, что Александр заговорит, зашевелится, встанет.

Но, естественно, ничего не произошло. Я опустила на колени, отвела его ладони от лица. Руки Александра упали как плети.

– Саша, ты слышишь меня?

Но он не слышал. Он уже ничего не мог слышать. Кажется, наконец-то Сашка Извеков был действительно мёртв.

Его широко открытые глаза были не просто неподвижны. Глазные яблоки совершенно сухие, как будто их долго и тщательно промокали гигроскопичной салфеткой. Синяя радужка потускнела и почернела. Казалось, что глаза мертвы уже давно, никто бы не поверил, что минуту назад они были печальными, взволнованными, блестящими и совершенно живыми.

– Ну почему именно сейчас?..

Я вдруг осознала, что произошло. Извеков всего лишь уничтожил одного из своих зомби. Просто забрал сознание из мёртвого тела, вынул из мешка с костями живую душу и бросил ненужный уже мешок посреди пустого коридора. То ли дерзкая попытка Алек-

сандра помочь мне разгневала все сильного Валерия, то ли у него уже был какой-то свой план, но теперь настрадавшееся сознание Александра было уже далеко, если верить теориям Рая. Или же его уже не было нигде, если этим теориям не верить... Но почему же все-таки именно сейчас, когда Александр оставался моей единственной надеждой?

– Ты был достаточно живой, Саша, чтобы быть другом... – прошептала я мертвецу, потому что мне очень хотелось услышать человеческий голос, пусть даже свой собственный.

Понимая, что сидеть над трупом совершенно бессмысленно, я уже хотела встать и сойти вниз, но странная перемена в чертах мертвеца, произошедшая... нет, происходящая на моих глазах, заставила меня замереть на месте.

Сухая слизистая глаз медленно покрывалась сетью ссохшихся складок. Глазные яблоки усыхали, сморщивались, как печёные фрукты. Кожа, прежде белая, как мрамор, приобрела серо-синий оттенок и заблестела, словно свежий скотч.

Преодолевая нервную дрожь, я осторожно, одним пальцем дотронулась до его щеки. Палец коснулся чего-то клейкого. Резко отдёрнув руку, я увидела на месте моего прикосновения оставшийся отпечаток, такие обычно остаются, если прижать пальцем начавшую подсыхать лужицу пролитого канцелярского клея.

Моих скромных познаний в биологии вполне хватало, чтобы понять, что все, что на моих глазах происходило с трупом Александра, происходило как-то не так. Даже трупы в Сылве разлагались тогда, когда это хотелось богу Валерию, и так, как этого ему хотелось.

Я взялась за руку Александра, чтобы положить её ему на грудь, но сразу почувствовала, как его клейкая кожа разъезжается под моей рукой, и мои пальцы погружаются во что-то липкое, кашеобразное... Машинально я провела рукой по полу, обтирая ладонь о пыльные доски.

Тошнота подступила так внезапно, что я едва справилась с ней. Стараясь больше не смотреть на то, что лежало у меня под ногами, я встала и медленно пошла по коридору. Меня шатало от неожиданно нахлынувшей слабости, ноги не слушались, голова кружилась. Вдобавок картина перед глазами поплыла, и только тут я обнаружила, что плачу. Плачу горькими крокодильими слезами, и все лицо моё давно мокро от слез, и даже губы солёные...

Я завернула на лестницу, сделала три шага вниз, и наткнулась на высокую фигуру, стремительно выросшую на моем пути. Я просто налетела на человека, который взбегал по ступеням вверх.

Его реакция оказалась быстрее моей: он даже не пошатнулся, остановился, как вкопанный, и я, остановленная его превосходящей массой, отлетела от него, как резиновый мячик. Человек схватил меня за плечи и не дал упасть.

– Это я, малышка!.. – Олег привлёк меня к себе и осторожно сжал.

Я уткнулась лицом в его грудь, уговаривая себя успокоиться, чтобы Олег ни в коем случае не увидел, в каком я состоянии. Замша, из которой была сшита его куртка, прекрасно высушила мои щеки, и, когда я подняла глаза, все было уже почти в порядке.

– Что с тобой? – подозрительно спросил Олег, оглядел меня и даже потряс немного за плечи. – И где Сашка Извеков?

– Наверху, – ответила я, зная, что Олег непременно пойдёт туда. Он действительно ещё раз оглядел меня, убеждаясь, что я цела, и исчез за углом. Поколебавшись, я пошла за ним.

Олег стоял над телом, задумчиво склонив голову набок и держа руки в карманах джинсов. Услышав мои шаги, он, не оборачиваясь, резко выбросил руку в сторону:

– Не ходи, не надо. Придётся так и оставить, я не знаю, как быть с этим...

– Пойдём отсюда, Олег, – я позвала его издали, не подходя к трупу, который, видимо, был уже вовсе ни на что не похож.

Олег развернулся, он был мрачен и выглядел потрясённым.

– Теперь я понимаю, почему ты шла вниз, не разбирая дороги, – заметил он, подходя, – от такого зрелища я сам чуть не... – Олег судорожно задержал дыхание, сглотнул, передёрнул плечами и, наконец, печально улыбнувшись, подмигнул мне:

– Главное, что я все же тебя нашёл.

– Где Юра?

– Пока в гостинице. Мы постараемся добраться туда побыстрее, – ответил Олег, положил свою тяжёлую руку мне на плечи и повёл меня вниз.

Что-то в ответе Олега показалось мне поначалу подозрительно нелогичным, и пока мы спускались в холл, я соображала, что же именно меня настораживает. Когда я поняла, что это просто страх перед прогулкой по ночному Сылве, я испытала мгновенное облегчение. Вместе с Олегом я отправилась бы куда угодно. Тем более, я понимала, что добираться до новой гостиницы можно только пешком. Нельзя использовать машину, потому что, потеряв её по какой-нибудь нелепой случайности, мы теряли бы единственное средство передвижения. И уж ни в коем случае нельзя срывать из гостиницы практически беспомощного Юрку. Брат в компании со своим костылём не мог справиться с реальными опасностями, которыми напичканы ночные улицы милого городка Сылве.

– Разве ты не на машине? – вопрос возник сам собой, сперва на языке, а потом уже в голове.

– Нет, машина осталась в гостинице, в подземном гараже.

– Ты хочешь, чтобы мы шли до гостиницы пешком? – я была поражена тем, что начинаю задавать нелепые вопросы сразу после того, как только что обдумала их.

Олег пожал плечами:

– Я только что проделал этот путь без особых проблем. Ну, подстрелил пару собак по дороге. Сашка Извеков сам велел мне не брать машину. Во-первых, ночной выезд из гаража всполюшил бы всех. Если бы после выезда мы, нигде не задерживаясь, проследовали бы до Кепы, на это еще можно было решиться. К тому же я подумал... – Олег заколебался.

– О чём ты подумал?

– О том, что, если мы с тобой вместе с машиной попадём в историю, у Юрки не останется шансов спастись. Ему ведь не уйти из города.

– Надо позвонить Юре и сказать, чтобы он выехал и просто подобрал нас по дороге, – я опять поразила тому, что слова вылетали из меня совершенно неосознанно. Как будто другой человек говорил моими устами.

– Сашка вчера отмёл такой вариант, – отозвался Олег и как-то странно на меня посмотрел. – Он говорил, чтобы выехать из Сылве мы пытались только днём.

– Сашка мёртв. Ты не знаешь, что он предложил бы сейчас. А мы с тобой теперь сами должны решить, как поступить. Какие у тебя аргументы против? – задав вопрос, я принялась осмысливать, что же я такое сказала. Сердце тревожно заколотилось. Моя голова не поспевала за языком. Тем не менее я слышала себя как будто со стороны: – Юра возьмёт машину, подберёт нас, и мы уедем в Кепу...

Олег резко остановился посреди холла. Здесь было темновато, но я видела, как внезапно окаменело его обычно такое подвижное лицо, глаза сосредоточенно прищурились. Он медленно повернулся ко мне.

– Хотел бы я знать, почему ты так настаиваешь на этом?..

Я уже открыла рот, но вдруг поняла, что никакого ответа у меня нет. Олег продолжал стоять и напряжённо смотрел мне в глаза. В его взгляде появилась нетерпеливая враждебность. Так всегда бывало, когда я несла очевидную чушь. Так было, когда мы с ним сидели в его машине у места гибели Романа Зубарского. Так оно получилось и сейчас.

– Тебе показалось, что моя идея нехороша... – заговорила я, но это были не мои слова. Они ещё не успели родиться в моей голове. Почему я позволяю кому-то использовать меня, как марионетку? Я замолчала.

– Говори, говори, – почти приказал Олег.

Но я продолжала молчать. Неизвестно откуда взявшиеся слова теснились где-то между небом и землёй, вертелись на языке, но я решила прекратить это безобразие и молчала. Сразу же в висках вспыхнула резкая боль, у меня перехватило дыхание. Мне даже показалось, что я на несколько секунд ослепла. Боль исчезла так же внезапно, как и появилась.

– Катюша, что с тобой? – Олег взял меня за плечо. – Что с тобой происходит?

– Это Валерий. Он пытался меня перебороть, но черт возьми, не на ту напал. Не верь ни одному моему слову, что ты услышал до этого момента, – проговорила я.

– Не понял, – нахмурился Олег.

– Это он говорил сейчас с тобой через меня. Как через ретранслятор.

– Кто? Валерий Извеков? – Олег рассеянно стал потирать подбородок. – Чертовщина какая-то, у меня в голове это не укладывается...

Боль вспыхнула с новой силой, я схватилась за голову и почти повисла на руках Олега. Он подхватил меня и понёс. Я хотела сказать ему, чтобы он не выходил из здания, но новый приступ боли бросил меня в забытьё, а когда мрак перед глазами рассеялся, я увидела, что мы находимся на улице. Олег шёл так быстро, как только мог, бережно прижимая меня к себе. Конечно, он был тренированным, сильным парнем, а я довольно мелкой, но вряд ли ему было слишком удобно.

– Хватит, Олежка, я уже могу идти сама, – сказала я, как только до конца осознала, что произошло и где мы находимся.

– Рад слышать, – усмехнулся Олег, осторожно поставил меня на тротуар и убрал свои руки только когда убедился, что я, действительно, стою сама. – Не то, чтобы мне было тяжело тебя нести, но приятно знать, что руки ничем не заняты. А руки мне, кажется, скоро пригодятся...

Он был чем-то взволнован, и глаза его все время напряжённо вглядывались в темноту. Я прислушалась. Звуки были столь явными, что я удивилась, как сразу не обратила на них внимание. Неподальку раздавалось сдавленное подвывание, тяжёлое дыхание и рычание собак. Олег достал пистолет и снял его с предохранителя.

– Становлюсь чемпионом по отстрелу собак, – заметил он. – Сейчас, наверное, придётся ещё пострелять. Они уже давно за нами идут. Откуда их столько, никак не пойму...

– Это одичавшие собаки съеденных жителей Сылве, – пояснила я. Олег передёрнулся, продолжая внимательно наблюдать. Реакция профессионала не подвела его. Резко повернувшись, он вскинул пистолет и выстрелил в темноту. Раздался отчаянный скулёрж, который затих после второго выстрела. На запястье вытянутой руки Олега блеснул широкий разъёмный браслет с отверстиями, несомненно серебряный.

– Насобачился, – хмуро съязвил он. – И что я их так ненавижу?

– Пойдём дальше, нам нельзя задерживаться. Ведь все, о чём вы договорились вчера с Александром, рухнуло. Я даже не знаю, что может произойти.

Олег кивнул. Не убирая пистолет, он взял меня за руку, и мы пошли вперёд.

– Я беспокоюсь за Юрку, – проговорила я, надеясь, что Олег скажет мне в ответ что-нибудь успокаивающее.

– Честно говоря, я тоже. Но я уверен, что он-то не потеряет голову и не нарушит нашу договорённость, а будет ждать в номере, – чётко произнёс Олег. И я в который раз подивилась его необъяснимой способности не обращать внимания на собственный страх. Рядом с Олегом можно было немного расслабиться, потому что он был абсолютно надёжным.

Остановились мы с Олегом одновременно, потому что одновременно увидели его. Он словно возник из воздуха на нашем пути. Только что впереди ничего не было. И вот стоит он – гигантский серый ротвейлер с блестящими глазами. С человеческими синими глазами.

Нас разделяли метров двадцать.

– Узнаешь? – спокойно спросил Олег.

– Узнаю. Он пришёл за мной. Это Валерий.

Олег издал какой-то неопределённый звук и, переложив пистолет в левую руку, встряхнул правой, разминая её.

– С чего ты взяла, что это он?

– Знаю, – ответила я. – Олег, он живой, возможно, пуля подействует на него.

– Знаешь, три года назад пули его не брали, – возразил Олег и взял меня за руку. Рука его была тёплой и властной, и оказалось, что моя ладонь, такая маленькая в сравнении с его рукой, мелко напряжённо дрожит.

– Не волнуйся, – спокойно произнёс Олег. Казалось, он прекрасно знает, как нам действовать.

– Пойдём вперёд, – сказала я, и тут же поняла, что это снова не мои слова. Серый пёс Валерий не сводил с меня глаз, наблюдая за тем, как скоро я пойму, что он снова командует моей речью.

Олег сделал шаг вперёд, но я с силой дёрнула его обратно:

– Куда ты?! Не смей, опасно!

Олег замер. Вместо того, чтобы задавать вопросы, он поднял руку с пистолетом и переместил палец на спусковой крючок. Не сводя глаз с пса, Олег произнёс:

– Я же сказал, не волнуйся. Думаешь, я не понял, что он снова использует тебя?

Ну уж, это слишком. Больше я не могла выносить эту наглую собачью морду, которая хочет добиться того, чтобы я сама собой совершила какую-нибудь оплошность и подставила Олега. Но так просто и глупо меня не возьмёшь.

Невыносимая боль снова сама по себе возникла в моей непокорной голове. Сцепив зубы, я промолчала, понимая, что если начну жаловаться, или просто дам понять Олегу, что мне плохо, он не сможет контролировать ситуацию. И будет обречён. Со мной Извеков вряд ли захочет расправиться, а вот Олегу конец. Так что пусть даже голова моя разломится пополам, я больше слова не скажу, и пусть Валерий наконец поймёт, что я не хочу играть по его правилам.

Боль ослабла. Или Валерий решил дать мне передышку, или, прочитав мои размышления, бросил свои попытки превратить меня в марионетку. Пёс неожиданно резко развернулся и прыжком исчез в темноте. И тотчас же со всех сторон загорелись десятки разноцветных огоньков-глаз. Они медленно смыкали кольцо, и вот уже мы с Олегом оказались окружены самыми жуткими представителями райского населения. Это были невероятно большие собаки самых нелепых, несобачьих каких-то цветов, все с человеческими глазами, а в ногах у псов-оборотней толпились и поскуливали настоящие бродячие псы, казавшиеся полуслепыми щенками на фоне своих мерзких соседей.

– Так, – обронил Олег, принимая знакомую мне позу, означавшую, что он готов к любым неожиданностям.

– Олег, не надо спешить. Если бы они хотели нашей смерти, они уже сто раз могли нас разорвать. Надо сначала узнать, чего они хотят.

– Узнай, – зло отозвался Олег.

Человеческие шаги, гулко зазвучавшие в той стороне, куда скрылся серый пёс, заставил меня оборвать перепалку. В гуще теснившихся псов возник Валерий. Он был совершенно такой же, каким я видела его в Раю. Ничего не говорило о том, что он только что прошёл

превращение. Его не прошибал пот и не охватывала слабость, как это было с зомби. Он был свеж и... улыбался! На широком поясе его комбинезона висела кобура.

– Катя, можно тебя на два слова! – вежливо поклонился он.

Олег напрягся. Он готов был взорваться от следующего же слова Извекова.

Я двинулась вперёд. Олег не выпустил мою руку, но и не произнёс ни слова. Молча он давал мне понять, что не собирается отпускать меня на переговоры с Валерием. Я обернулась на него. Олег даже не бросил на меня взгляда, все его внимание было приковано к Извекову и его разномастной своре.

– Олег...

Он закусил губу, прищурился, и, не меняя позы, тихо произнёс:

– Умоляю тебя, малышка, не осложняй мне задачу...

– Олег, он заинтересован во мне, он не станет нападать на меня, у него другие планы...

Прикрой меня сзади, я подойду к нему.

Олег выпустил мою руку. Я снова повернулась к Валерию. Тот стоял и улыбался, наблюдая, как я медленно приближаюсь к нему. Оборотни расступились, освобождая мне проход. Оставив между нами метра два, я остановилась.

– Поздравляю, – сказал Извеков. – С твоим мозгом мне не справиться. Тебе хорошо удалось игнорировать мою настойчивость. Сводить тебя с ума болью я не хочу, остаётся только договориться по-хорошему. Сашка сослужил нам с тобой плохую службу. Только себе он сделал хорошо. Теперь он там, где мечтал оказаться последние три года. Он верно рассчитал, чтобы я наконец позволил ему покинуть нас, он стал не помогать мне, а мешать...

– Я думала, что мы будем говорить обо мне, – оборвала я его, больше всего боясь, что у Олега не выдержат нервы, пока Извеков здесь пускается в пространные рассуждения по поводу своего зомби.

– А о тебе у меня всего лишь одна тема для разговора. Ты должна вернуться туда, откуда Саша тебя увёл. Наши с тобой дела ещё далеко не закончены, – снова широко улыбнулся Извеков.

– Я никуда не пойду. Если ты не уберёшь своих чудовищ, мы будем бороться, сколько сможем.

– Минут десять, – посерьёзней Валерий. – Это если вдвоём. И минуты три-четыре, если Середа останется один. И всего-то минута понадобится моим людям, чтобы войти в номер Орешина в гостинице...

Наверное слишком сильной была моя реакция на его слова, потому что, глядя мне в лицо, он осёкся и через несколько секунд продолжил:

– Но, разумеется, ты можешь выбрать – если ты идёшь со мной, твой брат останется невредим.

– А Олег?..

– Я могу что-либо обещать только насчёт Орешина. Уцелевшего при расстреле я не буду расстреливать дважды... если ты будешь послушна, – серьёзно сказал он.

– А Олег?.. – ещё раз повторила я. Валерий хотел слишком многого. Я не могла просто уйти с ним, зная, что он оставит своих зомби в состоянии свободной охоты, и что жертвой станет Олег. Мой Олег.

– Выбирай, – непреклонно гнул своё Извеков.

Я обернулась. Олег стоял на прежнем месте. Пистолет был направлен в нашу сторону, и несмотря на то, что Олег уже довольно долго держал Валерия на прицеле, рука его, держащая оружие, даже не дрогнула. Его левый кулак сжимался и разжимался. Вдруг он перестал сжиматься, и левая ладонь Олега приняла горизонтальное положение. Олег предлагал мне лечь на землю, сам собираясь открыть огонь.

Я сделала отрицательное движение головой. Олег настойчиво держал ладонь горизонтально. Если я брошусь на землю и открою огонь через пару секунд после Олега, мы уложим нескольких живых собак, но вот как быть с теми, кто не поддаётся пулям? Я не думала, что пистолет Олега заряжен серебром. Конечно, браслет на нем есть, но многих ли можно отогнать кулаком? И, самое главное, что будет с Юрой?

Я ещё раз оглянулась на Олега. Неужели мне снова приходилось его предавать? Олег заметил то же выражение на моем лице, на котором меня поймал Извеков, и нетерпеливо дёрнулся.

– Я поговорю с Олегом и...

– Нет, ты идёшь со мной прямо сейчас и без всяких разговоров, – отрезал Валерий. – И помни, что я говорил насчёт Орешина.

– Хорошо...

Я ещё раз обернулась на Олега. Grimаса недоумения на его лице сменилась ужасом, который все-таки прорвался сквозь тщательно удерживаемую им невозмутимую маску.

По знаку Извекова, вся собачья свора подтянулась к нам и окружила нас с Валерием плотным кольцом.

– Идём, – повелительно произнёс Извеков и шагнул вперёд. Я пошла за ним.

Сейчас Валерий уведёт меня, а Олег останется один на один с кошмарными тварями. И его убьют. Убьют из-за того, что неделю назад я нарушила запрет Юры и самовольно влезла в это дело. И все это будет уже не так безобидно, как удар бутылкой лимонада по голове. Я, кстати, даже не извинилась перед Олегом за своё хулиганство. А теперь извиняться будет не перед кем.

Мы прошли метров пятнадцать, и тут окружавшие нас собаки одна за другой стали поворачиваться и возвращаться. Я остановилась и обернулась. Собаки возвращались к Олегу, снова сбиваясь в кучу вокруг него.

– Мы уходим, – властно напомнил мне Валерий.

В темноте мне не было чётко видно, что там происходит, было также не разглядеть лица Олега. Этот улыбающийся садист Извеков даже не дал мне объяснить Олегу, почему я должна уйти.

– Чем быстрее мы уйдём отсюда, тем лучше для тебя и твоего брата, – напомнил Извеков.

И тут где-то в подсознании проснулось неопределённое поначалу чувство. И только через несколько секунд я поняла, что это. Это было негодование и стыд. Жгучий стыд за саму себя. Почему же я поверила этому сумасшедшему пройдохе? Даже если я стану покорной, разве он оставит в покое Юрку? Почему его пустое обещание успокоило меня? Неужели я все-таки глупа и беспечна?!

– Мне нравится Катя Орешина больше, чем другие телесные воплощения её сознания. Я куда охотнее общался бы с живой Екатериной, чем с её зомби, или с теми жалкими созданиями-аналогами, которые ещё живы в иных реальностях... – произнёс за моей спиной Валерий, и я поняла, что он угрожает мне.

Не глядя больше в сторону Извекова, я быстро побежала назад, туда, где остался мой друг. Достав на бегу оружие, я с ходу врезалась в кучу тяжёлых, холодных тварей и выпустила несколько пуль в ведёрные головы оборотней. Конечно, конечно же, убить их таким образом было невозможно! Но удар пули отшвыривал их так же, как отбрасывает человека.

Олег со своей стороны, наконец, осознал, что произошло. Он и не открывал стрельбу, видимо, только потому что не знал, где я, что со мной сделают, если он начнёт стрелять.

Чёткими отрывочными выстрелами Олег выбивал живых псин, совершенно обезумевших от ужаса происходящего и мечущихся под ногами у оборотней. Молчаливые оборотни не предпринимали ничего, только уворачивались от выстрелов и перебегали с места

на место, словно ждали команды. И команда была отдана. Беззвучно. Каким образом Извеков отдал им приказ атаковать, осталось тайной. Псы сгруппировались, вот уже один огромный лохматый зверюга, встав на задние лапы, сделал прыжок и набросился на Олега, норовя зацепиться ему за плечи. Олег ударил пса кулаком в живот, и тварь, дико завизжав, свалилась вниз, судорожно дёргая ногами.

Прорвавшись через кольцо собак, я встала плечом к плечу с Олегом. Он тяжело дышал, но это было, скорее, от возбуждения. Я заметила, что браслет, который ранее я заметила на его запястье, теперь надет на кулак в виде кастета.

– Запасного нет? – спросила я, кивая на кастет.

– Увы, – коротко ответил Олег, вставляя в пистолет новую обойму. – Зачем ты вернулась?

– Поразвлекись.

– Тогда начинай, – усмехнулся Олег. Он хотел ещё что-то сказать, но сразу три зверюги наскочили на нас с разных сторон. Выстрелом я отбросила одного, но он поднялся и снова бросился на меня в считанные доли секунды. Я выстрелила ещё, но этот выстрел, возможно не достиг цели, хотя пёс был на расстоянии вытянутой руки. Но так или иначе, он прыгнул мне на плечи, и сбита с ног навалившейся тушей, я упала на мостовую, сильно ударившись затылком о плиты.

Горящие глаза, кажется, они были светло-карими, блеснули прямо перед моим лицом. Глухой рык показался мне ужасающе громким, но скорее всего пёс просто прорычал что-то мне в ухо.

Я услышала, как рядом завыл ещё один оборотень. Видимо, Олег чётко действовал своим кастетом. Тут же я увидела, как руки Олега смыкаются на шее моего врага и заламывают ему голову. Пёс заворчал, замотал головой, но тут Олег резко ударил тварь своим «серебряным» кулаком. В следующее же мгновение я скинула с себя визжащее животное. Поднявшись на колени, я увидела, как три пса атакуют лежащего на земле Олега. Я выстрелила в того, кто был ближе, но тот, помедлив секунду, снова вцепился в Олега.

Сколько их было, этих страшных, ворчащих псов? Наверное, после того, как Олег выбил собачек, осталось десятка полтора зомби. Если бы они бросились на нас все сразу, мы ничего не смогли бы сделать. Но Валерий чётко все запрограммировал, псы атаковали нас по очереди, словно в тренировочном бою, и хотя несколько из них уже валялись, беспомощные и визжащие, они были бессмертны, и через несколько минут смогут присоединиться к своим неживым собратьям.

Выключив ещё нескольких своих мучителей, Олег поднялся на ноги. Его ноги были изодраны псами, и джинсы потемнели ниже колен, напивавшись кровью. Вытерев рукавом куртки пот со лба, он огляделся. Псы перемещались вокруг нас, примериваясь для очередной атаки. Олег пошатнулся и, шагнув в мою сторону, присел рядом со мной на корточки.

– Как ты? – спросил он, задыхаясь.

Одиночный выстрел прозвучал откуда-то сбоку. Что-то толкнуло меня, и мне пришлось подставить руку, чтобы не свалиться с колен на мостовую. Толчок показался мне довольно странным, сначала я даже не поняла, что это всего-навсего пуля.

Олег тоже не сразу понял, что в меня попали. Он резко вскочил и, направив пистолет туда, откуда раздался выстрел, сделал ответный.

Неожиданная боль зажглась где-то под правым нижним ребром. Машинально прижав руку к животу, я попыталась встать, но ещё несколько выстрелов бросили меня на плиты тротуара.

Боль размножилась, расплзлась. Я приподнялась и взглянула на своё тело, на прижатую к животу руку. Было очень больно. Куда больнее, чем издевательские эксперименты

Извекова с телепатией. Между пальцев бойко текла кровь, словно стремясь как можно скорее покинуть моё тело.

Олег был рядом в ту же секунду. Я ужаснулась тому, каким за одно мгновение стало его лицо: бледным, растерянным, беспомощным. Я услышала, как его пистолет упал на мостовую. Руки Олега приподняли меня с земли.

– Олег... – я не услышала своего голоса, но от попытки заговорить боль поднялась выше, и вместо вдоха я захлебнулась кровью. Кровь хлынула изо рта на рубашку.

Путаясь в мыслях, я попробовала все же сказать ему, чтобы он сейчас же оставил меня в покое и обратил внимание на приближающееся ворчание оборотней. Я слышала его, это ворчание. И слышала, как ровно шумит в ушах поток крови, которая толчками вытекает из моих ран. Боль жгла, но на неё можно было уже не обращать внимания. Я не могла произнести ни слова, ни вздохнуть, наглотавшись собственной крови, и уже не понимала, что происходит, и ничего не слышала. Только расплывающееся лицо Олега и в ушах мерный стук сердца, выталкивающего из меня последние остатки крови. Олег что-то говорил, но, видимо, поняв, что я его не слышу, перестал говорить, притянул меня к себе и, пачкаясь в крови, прижался лицом к моему лицу... Я покорно закрыла глаза и постепенно перестала чувствовать сжимающие меня руки Олега. Вслед за этим толчки сердца стали тише и реже, и вскоре прекратились совсем. Стало тепло, тихо, и я, наконец, оказалась в состоянии полного покоя и дремучего беспробудного сна...

Все было кончено.

Но сразу же звуки вернулись. И перед моими глазами возникла мутная пелена, сквозь которую постепенно начала проявляться картина, которую я, кажется, только что наблюдала из несколько иного положения.

Тёмная аллея Сылве, освещённая только полной янтарной луной и крупными яркими звёздами, сверху, откуда я наблюдала за событиями, выглядела не такой уж зловещей. Только всмотревшись вниз, на копошащихся внизу существ, можно было понять, что там происходит. Несколько крупных псов-зомби в беспокойстве сновали по кругу вокруг двоих людей на мостовой. А под липой, скрытый тенью кроны даже от луны и звёзд – но не от меня – стоял худощавый бородатый парень в комбинезоне. В его опущенной руке – пистолет, он был задумчив и печально следил за происходящим на аллее. Я видела, как губы его шевелились, а глаза блестели, но не от слез, а от возбуждения. Все внимание его было приковано к своим жертвам, одна из которых уже была мертва, когда я увидела все с высоты.

Оборотни бегали вокруг. Они были голодны. Это был голод превращения. Непременно нужно было растерзать жертву или обратить её в существо себе подобное. Я хорошо понимала жажду этих псов. Сейчас они могли только бродить вокруг, дожидаясь команды хозяина. Я чувствовала их мучительное нетерпение, подогретое у многих недавно испытанной болью, которую причинил им человек, сидящий сейчас посреди собачьего круга. Причинил, потому что защищался. Но псы не знают жалости. Они знают только свой голод, знают, как его притупить. Этот человек в круге был обречён, потому что псы не простят ему сопротивления и боли. Наказанием будет смерть, в чести присоединиться к стае человеку будет отказано.

Мужчина, сидевший на плитах аллеи, не обращал внимания на псов. Казалось, он забыл, что от них может исходить опасность. Он держал в объятиях труп девушки, и больше ничего его не интересовало. Наверное, он не заметил бы второго пришествия, случись оно тут же немедленно. Вокруг разлилось море крови. Парень и сам был ранен в схватке, но он не помнил об этом. Было видно, что боли физической для него пока нет, он не обращает на неё внимания. Расстегнув на девушке одежду, парень пытался, видимо, что-нибудь сделать, ещё не осознав, что все бесполезно. Он проводил пальцами по нескольким пулевым

ранам, уже не кровоточащим, потому что вся кровь покинула начавшее остывать тело. Пули были пущены твёрдой рукой, и совершенно бесполезно надеяться на чудо.

За несколько минут жизнь вытекла наружу вся, без остатка. Девушка, несомненно, поняла, что умирает, но она умерла, не мучаясь, потому что быстрая потеря крови сняла остроту боли, стала своеобразной анестезией. Лицо девушки выражало страдание, ведь, услышав напоследок, как выпал из руки парня пистолет, она ужаснулась тому, что сейчас произойдёт с её другом. Она даже не успела вспомнить напоследок о брате. Правда, этот парень, застывший в горе посреди мостовой, был ей дорог ничуть не меньше, чем брат.

Парень перестал осматривать раны своей подруги, запахнул на ней одежду и осторожно опустил тело на мостовую. Рука его снова потянулась к оружию. Взгляд стал сосредоточенным и собранным. Вынув из-за пояса новую обойму, он хладнокровно перезарядил пистолет. Бросив взгляд на мёртвую, он вдруг снял с правой ладони серебряный кастет и надел его на руку девушке, перевернув его в виде браслета. Он встал и сделал несколько нетвёрдых шагов в ту сторону, где, скрытый ночной тенью, стоял его враг, убийца.

Убийца оторвался от ствола липы, прошёл немного вперёд, неторопливо убрал свой пистолет в поясную кобуру. Ещё бы ему бояться измотанного, искусанного человека, убитого горем. Он сейчас даст знак своим псам, и они разорвут его на бесформенные куски мяса, из которых будут торчать обломанные кости...

Парень шагнул ещё, но боль в израненных ногах не дала ему сделать больше ни шага. Он упал, как мог быстро встал на колени, сел и, подобрав под себя окровавленные ноги, приготовился отразить нападение; Убийца послал сигнал, и псы всей ненасытной кучей кинулись на беззащитного парня. Ведь его пистолет не мог причинить им существенного вреда, а свой браслет он отдал девушке, потому что больше ничем другим уже не мог с ней поделиться.

Удовлетворение и торжество появилось на лице бородатого убийцы. Он думал, что теперь-то его цель достигнута. Теперь он расправится с парнем, столько раз мешавшим ему, а с телом девушки он сделает то, что привык делать с теми, кого убивал: он научит её превращаться в собаку, и она будет носиться по ночным улицам, отслеживая добычу... А может быть, он и не станет использовать ее тело, бросит его на съедение одичалым псам-людоедам, которые вернутся на аллею после ухода своих неживых сородичей. Зачем ему тело, даже если при жизни оно было привлекательным? Ведь он освободил её душу, а кроме души, которую он зовёт сознанием, его мало что интересует. Он хочет, чтобы сильное сознание, жившее в теле этой юной девушки, стало его безусловным соучастником во всех планах. Он самодовольно просчитался. Лучше бы ему по-прежнему использовать для своих затей брата-оборотня, которому он забил голову своими теориями и полностью, или почти полностью, подчинил.

Уже несколько секунд псы, ворча и воя друг на друга, толпились над парнем. Он успел сделать несколько выстрелов, но один из псов, прокусив парню руку, держащую пистолет, заставил его бросить оружие и откинул его лапой куда-то далеко. Убийца мог праздновать победу.

Нет, хватит! Я сосредоточилась на копошащейся своре внизу и приказала им разбежаться, поджав хвосты. Эффект был поразительный: визг, писк, вой. Они разлетелись, словно каждый из них проглотил кусок серебра.

Парень зашевелился, но все, что было ему теперь под силу, это приподняться на локте и смотреть на своих мучителей. Было видно, что несмотря на своё плачевное состояние, парень ещё способен воспринимать события: было также заметно, что он удивлён неожиданным отступлением оборотней.

Убийца был удивлён не меньше. Его приказы не возымели действия. Я поставила заслон. Убийца топал ногами и кричал, словно приказ словом сильнее должен был подей-

ствовать на свору. Не добившись ничего, он лихорадочно расстегнул кобуру, дрожащие от негодования руки дрожали и не слушались его. На ходу передёргивая затвор, он побежал на место событий, чтобы просто пристрелить несчастного парня, как до этого он поступил с его подругой.

Парень, приподнявшись на локте, с ненавистью смотрел на приближающегося врага. Если ему и было страшно, то он не чувствовал этого, охваченный ненавистью.

Убийца поднял руку с пистолетом.

Ты хотел простой и быстрой победы, да, Извеков?! Ничего у тебя не получится! Ты не сможешь нажать на курок, потому что я этого не хочу. Не хочу. Я хотела бы, чтобы ты когда-нибудь понял, что ты сейчас сделал с этими людьми. Нет, ты не поймёшь. Твой извращённый разум не в силах понять этого. Тогда хоть помучайся немного.

Извеков выронил свой пистолет и схватился за голову. Ему было слишком больно, чтобы он был в силах думать о чем-нибудь, кроме себя. Никогда в жизни не испытывал он ничего подобного. Никогда не доводилось ему напарываться на кого-нибудь, способного оказать ему ощутимое сопротивление. Безднаказанность слишком расхолодила его. Я видела, как искривился в страшной гримасе его рот, он выкрикивал проклятья. Он не привык просить пощады, он даже не знал, какими словами следует это делать. Мне ещё предстояло научить его этому. Хорошенько научить.

Что, не очень-то нравится? Извини, но по-другому ты пока не поймёшь!

Извеков выпрямился и посмотрел вверх, словно пытался найти меня взглядом. Разве ты сам, Валерий, не знаешь, что невозможно увидеть бессмертное вечное неделимое сознание? Ты не увидишь меня. Но почувствуешь. И ещё как почувствуешь...

Прокричав что-то своим псам и подобрав оружие, Валерий быстро пошёл, почти побежал прочь. Псы вернулись к телу девушки, и двое самых крупных, крепко вцепившись челюстями в мёртвую плоть, подняли тело и потащили вслед за Извековым по темной аллее, потеряв к окровавленному парню всякий интерес.

Неожиданно чёткость картины пропала, и я уже не смогла разглядеть, что случилось потом на аллее. Непонятный сон исчез таким же странным образом, как и появился.

Глава 7

Пробуждение было внезапным, но совершенно безмятежным. Отсутствие каких бы то ни было намёков на сновидение сначала удивило меня. Не осталось даже никаких подспудных ощущений. Мелькнула даже мысль о незнакомом снотворном.

Я открыла глаза. Бархатные драпировки. Слабый таинственный свет, или скорее даже подсветка. Полуприкрытое тяжёлыми шторами окно во всю стену. Рай. Бархатные апартаменты, в которых я уже провела несколько ночей. Мне показалось, что я собиралась покинуть это место. Собиралась или нет? Как будто бы я даже почти что это сделала. Или это было во сне?

Никогда ещё моя память не была в таком беспорядке. Хорошо, что я ещё не забыла, как меня зовут. Наверное, такое состояние ума бывает после тяжёлой болезни, но я не чувствовала никакой слабости или боли.

Вокруг не было ни души. Я лежала на широкой софе под простыней. Вся моя одежда куда-то исчезла, вместо неё на пуфике рядом с софой лежал зелёный комбинезон и мягкие мокасины. Кто-то полностью раздел меня, уложив спать, и заменил одежду. Кто-то, кого я об этом не просила.

Я села на постели. Простыня упала с меня, обнажив грудь и живот. Бросив на себя взгляд, я с недоумением увидела несколько грубо зашитых ран. Просто через край стянутые клочки кожи и уродливые рубцы. Я откинула простыню в сторону. Такая же штопка присутствовала то там, то здесь, по всему телу. Никакой боли не было. Раны были зашиты чем-то вроде рыболовной лески, но все они лишь немного «тянули» при движениях, как тянет неловко сшитая, тесная одежда.

Я встала, потянув за собой простыню, завернулась в неё и пошла в ванную комнату. С полпути я вернулась и захватила с собой любезно приготовленную одежду. Мне не терпелось облачиться в любимые джинсы и ковбойку, но, если моя одежда снова исчезла, было бессмысленно ходить голой.

Умывание не принесло мне привычного удовольствия, несмотря на то, что грубо зашитые раны нисколько меня не беспокоили и никак не реагировали ни на воду, ни на вытирание.

Разглядев себя в высокое зеркало с головы до ног, я пришла в ужас. Захотелось обломать руки тому, кто так бездарно проделал надо мной эту операцию. Со стороны швы выглядели просто безобразно. Больше всего пострадали грудь и живот. Казалось, что кто-то старательно дырявил меня, а потом так же старательно, но неумело штопал. На руках, ногах, лице и шее повреждений было меньше, и они не были такими уж уродливыми. Но смотреть на тело было совершенно невыносимо. Поэтому я скорее оделась в то, что было под рукой, и вышла обратно в комнату.

Там уже кто-то сидел в синем кожаном кресле и, по-видимому, ждал меня. Это была молодая красивая женщина с пышной волнистой копной светло-русых волос, обёрнутая в разноцветную шёлковую тогу. Она сдержанно улыбнулась мне, пытаясь изобразить любезность, но это у неё плохо получилось. Казалось, что она пришла ко мне не по своей воле, и моя персона не доставляет ей удовольствия.

– В чем дело? – сразу же спросила я довольно грубо. Поскольку я не сделала этой женщине ничего дурного, а также не приглашала её к себе, её плохо скрытая неприязнь разозлила меня.

– Валерий просил присмотреть за тобой, – холодно пояснила она.

Я поняла, что со мной, действительно, не все в порядке, если я сразу не узнала эту женщину. У неё были причины для неприязни, ведь моей гостьей сегодня была Марина Зубарская.

– А зачем за мной присматривать? Я не больна, и мне не нужна няня.

Марина скептически ухмыльнулась, но ничего не ответила, показывая, что беседовать со мной ниже её достоинства. А я не стала настаивать на объяснениях. Такие люди только и ждут, что их станут упрашивать высказаться. И тем не менее, люди такого рода, а особенно женщины, не смогут долго хранить презрительное молчание. Их врождённое неумение держать себя в руках, как, впрочем, и нежелание это делать, обязательно победят. И не дожидаясь от меня никаких просьб, она выскажет все, что обо мне думает, что практически и является той самой информацией, которую мне хотелось бы получить. Можно, конечно, подразнить Марину и насладиться взрывом эмоций. Но мне было откровенно лень это делать. Я просто опустила в кресло напротив, сползла на кончик, далеко вытянув ноги, и стала рассматривать свою виз-а-ви.

На этот раз на ней не было той боевой раскраски, которая почти всегда присутствовала на фотографиях, да и в натуре, когда я видела её в прошлый раз на улице. Только немислимое количество не то украшений, не то амулетов, было наверхено на её шее. Половина безделушек была явно серебряной. Я посмотрела на свои руки, но кольца Романа Зубарского на мне по-прежнему не было. Вряд ли Извеков когда-нибудь вернёт мне его.

Марина постепенно стала ёжиться под моим взглядом... Быть объектом изучения ей не нравилось, но своё возмущение она сдерживала, хотя это давалось ей с трудом. Мне неудержимо хотелось или показать ей язык, или оскалиться. По моим расчётам, это непременно должно было вывести её из себя.

Я огляделась вокруг. Комната была по-прежнему полупустой. Ничего лишнего, а все необходимое, насколько мне помнилось, было спрятано в многочисленных бархатных складках. На тумбе рядом с софой лежал какой-то светлый металлический предмет, совершенно мне неизвестный. Я встала и подошла к тумбочке. Это был разъёмный серебряный браслет сантиметров в пять шириной, слишком свободный в обхвате для женской руки. К тому же пять круглых отверстий в нем были сделаны с таким расчётом, чтобы в них можно было просунуть пальцы и превратить браслет в кастет. На внутренней стороне свежая гравировка: «О.П.С.»

– Что это такое? – спросила я.

– Это твоё, – процедила Марина, хитро прищурившись.

Я протянула руку и взяла браслет, чтобы получше рассмотреть его...

– А-а-аа!.. – мгновенно пронзившая меня боль оказалась столь неожиданной и нестерпимой, что мой собственный крик показался мне чужим, посторонним звуком. Я сразу же выронила так неосмотрительно взятый в руки браслет. Кажется, на несколько секунд я совершенно отключилась, потому что, когда все вернулось на свои места, я обнаружила, что лежу на ворсистом паласе, а рука, державшая браслет, дёргается мелкой дрожью, как под напряжением. Марина сидела рядом со мной и снисходительно улыбалась.

– Что это, черт возьми было, – поинтересовалась я, поднимаясь и садясь на полу.

– Это? – Марина подняла и покрутила у меня перед носом злосчастный браслет.

– Почему? Я не понимаю...

– Почему? Потому что он серебряный, – рассмеялась Марина. – Зато теперь ты несколько раз подумаешь, прежде чем начнёшь душить меня, – она провела рукой по густому переплетению серебряных ожерелий на своей шее.

– Я надену перчатки! – отрезала я, и её смех оборвался. Нахмурившись и бросив браслет на софу, которую кто-то уже прибрал, пока я умывалась, Марина встала и отошла от меня подальше.

Я поднялась и, сев на софу, ещё раз взглядела в обжёгший меня браслет. Буквы, выгравированные на его поверхности, были мне знакомы: Олег Петрович Середа.

Как эта штука сюда попала, и почему браслет обжёт мне руку?

Я взглянула на Марину. Она сидела теперь насупившись, и её немного длинноватый нос был вздёрнут вверх в величайшем ко мне презрении.

– А ведь я, действительно, задушу тебя с удовольствием, если ты сию же секунду не уберёшься отсюда, – произнесла я, неотрывно следя за её реакцией. Так и есть, в первую очередь она бросила взгляд в сторону и вверх. Ага, вот где находилась камера-шпион! Что ж, опустим пока эту информацию, займёмся другим: бегло брошенный наверх взгляд Марины означал просьбу о помощи. Меня боялся. Это воодушевляет, но хорошо бы выяснить причину страха. Да, конечно, мои шрамы несколько подпортили мою безупречную внешность девушки-подростка, но я не превратилась в монстра. Значит, мою гостью испугали некие обстоятельства, сопряжённые с этими шрамами, ведь это единственное, что во мне изменилось со вчерашнего дня. Или не единственное?

– Ну и что же во мне такого страшного? – уточнила я, наблюдая за Мариной, которая после своего безмолвного призыва о помощи теперь не сводила с меня напряжённого взгляда.

– Н-ничего... Валерий вообще-то ждал от тебя агрессивной фазы. Но мы считали, что это наступит позже...

– Почему же, сейчас самое время, – возразила я, встала, подошла к складкам портьер, в которых, по моим расчётам, должна была укрываться камера, и передёрнула ткань, перекрыв камере сектор обзора.

Марина вскочила с кресла, обежала его и замерла в напряжённой позе. Мне стало весело. Несмотря на то, что руку ещё немного подёргивало, я чувствовала себя прекрасно, и мне захотелось поиграть немного в кошки-мышки.

Я медленно, шаг за шагом, стала надвигаться на Марину. Наконец, она завизжала и бросилась к выходу из комнаты. На пороге она с размаху бросилась на шею вошедшему Извекову. Меня позабавило их общее замешательство. Извеков отцепил от себя еле живую от ужаса Марину и подтолкнул её к выходу. Она не заставила себя упрашивать, исчезла за занавесями, и уже оттуда раздались её рыдания.

Извеков так и остановился у входа. Он молчал, и вид у него был несколько озадаченный.

– Что всполошился? Думал, я не догадаюсь, что ты подглядываешь в замочную скважину? Или думал, что я эту скважину не найду? – я продолжала забавляться его растерянностью.

– Я не ожидал, что это произойдёт так быстро, – ответил он, все ещё не решаясь подойти ко мне.

– Кто же виноват, что Марина Зубарская всего лишь трусливая курица? И зачем ты только её прислал сюда, бедняжку?

Извеков был все ещё очень серьёзным, чтобы откликаться на шутки. Озабоченно глядя на меня, он прошёл к креслу Марины и уселся.

– Ты хочешь у меня что-то спросить? – поинтересовалась я.

– Да. Что ты помнишь о вчерашней ночи?

– Ни черта не помню, и ты отлично это знаешь, – я ответила так не потому, что была на сто процентов уверена в своей правоте. Просто, кто же ещё мог забавляться с моими мозгами?

– Ты не помнишь, потому что я ещё придерживаю кое-какие из последних пластов памяти, – пояснил Извеков, немного расслабляясь. – И мне очень не хочется восстанавливать тебе память.

– Почему?

– Потому что вместе с памятью о последней ночи восстановится цельная личностная картина, и твоё счастливое состояние пройдёт. Ведь тебе сейчас хорошо?

Да, мне было очень неплохо. Совершенно никаких поводов для отрицательных эмоций. Поэтому я согласно кивнула.

– Когда-то я сделал ошибку и восстановил память Александру. Он три года промучился, вместо того, чтобы спокойно провести это время, – горько сказал Валерий, и такое искреннее сожаление засветилось в его глазах, что я очень удивилась.

– Кстати, а где Александр? Я сегодня его ещё не видела, – я вспомнила, что мой новый приятель, всё время вертевшийся где-то рядом, сегодня ещё не являлся засвидетельствовать мне своё почтение.

Извеков повёл плечами и ничего не ответил, по его лицу я поняла, что довольно неприятный ответ на этот вопрос сидит как раз в тех пластах сознания, которые Валерий «придерживает».

– И тем не менее, мне хотелось бы знать, как попал сюда браслет Олега Середы, если самого Олега здесь не было. Или был?

Извеков не отвечал, его глаза снова стали обеспокоенными. Он явно боролся с желанием промолчать. Но что-то не позволяло ему вовсе отказаться обсуждать со мной тему изъятых из моей головы воспоминаний.

– Валерий! – окликнула я его издевательски-игривым тоном.

Он вздрогнул и уставился на меня.

– Ты же боишься меня, Извеков. Отчего?

Он замялся.

– Ну, молчи, молчи... А ну как я сама по себе все вспомню, без твоего участия? Сдаётся мне, что это будет пострашнее.

Не успела я это произнести, как Извеков вскочил и забегал по комнате.

– Я не оправдала твоих ожиданий? – я получала огромное удовольствие от его паники.

– Ты превзошла все мои ожидания, – возразил он.

– Не знаю, откуда, но у меня есть уверенность, что стоит мне сосредоточиться, как я все вспомню, – заметила я. – И ещё мне кажется, что все, что я вспомню, мне не понравится. И уж тогда...

Я не особо надеялась, что Извеков клюнет на банальный блефовый шантаж. Но он клюнул. И нехорошие тревожные подозрения постепенно проявились на беспечном фоне моего утреннего настроения.

– Хорошо... Ты права, лучше мне сделать это самому... Сядь в это кресло и закрой глаза, – он указал рукой на своё бывшее место.

Я так и сделала. Извеков продолжал ходить по комнате. Но постепенно я перестала слышать его возбуждённое дыхание, вместо этого проявились цокающие звуки, издаваемые когтями пса-оборотня на плитках мостовой. Я едва успевала за черным пинчером с человеческими глазами...

...Толчки сердца стали тише и реже, и вскоре прекратились совсем. Стало тепло, тихо, и я, наконец, оказалась в состоянии дремучего беспробудного сна.

Я открыла глаза. Извеков стоял надо мной, внимательно глядя мне в глаза.

– Это всё? – спросила я, очнувшись. Как бы между прочим промелькнула мысль, что мой голос звучит странно: надтреснуто и глухо, как у пропойцы. Но не задержавшись, мысль нырнула куда-то.

– Всё, – отрезал Валерий.

– Ложь, – почти беззвучно прошептала я, чувствуя, как панический ужас лишает меня возможности соображать. Ещё никогда у меня не было такого страха. Его липкий ледяной сгусток я ощущала физически. Он рос внутри.

– Всё! – рявкнул Извеков. Но опустил глаза. Врёт. Было ещё что-то. Было. Ну да ладно, главное в другом:

– Что с Олегом?

– Он жив, – сразу же поспешно отозвался Извеков и отошёл от меня подальше.

– Это правда?! – я бросилась на него в ярости. Он успел перехватить мои руки, когда я была уже готова вцепиться ему в горло.

– Это правда. Середа и Орешин живы, и я могу представить доказательства, – прошипел он прямо мне в лицо. Я вдруг поняла, что он меня с трудом сдерживает.

– Если ты лжёшь, я убью тебя! – пообещала я, отходя от него.

Нет, не я его, а он в любую минуту может избавиться от меня, как сделал это с Александром, и оставить вместо меня кучу гниющей протоплазмы. Теперь он может делать со мной все. И никому до этого нет никакого дела, потому что и меня уже нет. Ведь на аллее Екатерина Орешина умерла. Умерла от пяти пулевых ранений.

– Ты умеешь стрелять, Валерий... Это ведь ты убил меня?

Он кивнул.

– Зачем?

– Я же говорил тебе, что Катя устраивает меня больше остальных, но я был вынужден ею пожертвовать. Не скрою, я очень об этом сожалею. Теперь целый этап работы нужно начинать сначала...

Я потрогала штопку на своей шее. Жёсткость и совершенное отсутствие всякой чувствительности. Значит, теперь только серебро могло причинить мне боль. Даже серебро друга... Я вспомнила, как Олег яростно боролся с мерзкими псами, и беспокойство снова липким комком зашевелилось внутри.

– Откуда здесь браслет Олега? Он был на нем, пока... пока я была жива. Его можно было снять только с его трупа! – оборвала я рассуждения Валерия, которые он вёл, не замечая, что я даже не слушаю. Он пожал плечами:

– Отчего же, возможны варианты. Он сам мог тебе его надеть. Я же говорю, что Середа жив! – настойчиво повторил он.

– А я? Что я теперь такое?

Валерий подошёл ко мне и осторожно положил руку мне на плечо. Кажется, таким образом обычно успокаивают. Но как можно успокоить существо, внутри которого зреет клубок боли?

– Ты теперь – душа Екатерины Орешинной, – Валерий взял мои руки в свои, и взгляд его обрёл спокойствие и уверенность, словно до этой секунды он сам сомневался в своей формулировке.

Екатерины Орешинной больше нет. А я теперь только ее душа. Черт бы побрал этого придурка Извекова!

Я резко вырвалась и бросилась к окну. Сдерживая крик, который рвался наружу сам по себе и не хотел подчиниться моей воле, я изо всех сил ударила кулаками по стеклу. Стекло было небьющимся, по нему, наверное, можно было колотить кувалдой. И я колотила, как будто там, за окном, было моё спасение, и от того, разобью я стекло или нет, зависит моя жизнь. Конечно, я ничего не разбила, да и жизни моей ничего не угрожало, потому что не было больше объекта для такой угрозы.

– Хватит, Катя, – мягко сказал Валерий, когда я остановилась. – Причём тут окно?

Окно было ни при чём. Я не устала, и моим рукам не было больно, наверное, ими теперь можно заколачивать гвозди.

Я стояла и смотрела на пасмурный пейзаж за окном, но не видела его красот, так поразивших меня всего лишь два дня назад. Я стояла, вслушивалась в собственное тело и ощущала себя паралитиком. Я стояла, ходила, говорила, но не чувствовала, что я делала все это. Как же я, проснувшись сегодня, не заинтересовалась ни происхождением шрамов, ни

тем, что эти шрамы, которых ещё вчера не было, нисколько не болят? Я не обнаружила и не обеспокоилась отсутствием дыхания, исчезновением чувствительности кожи...

Да, трепетное отношение Извекова к сознанию оправдывало себя. Кто бы мог подумать, что по-настоящему счастливым человек бывает в тот короткий промежуток времени, когда он уже мёртв, но ему ещё никто об этом не сказал... Эта мысль, в общем-то, далёкая от того, чтобы быть оригинальной и остроумной, развеселила меня. Но собственный смех неожиданно напугал меня ещё больше. Настоящий смех приносит облегчение. Мой же лишь механически сотрясал воздух и мёртвые мышцы.

– Тебе не надо сейчас ни о чём задумываться, – подсказал Валерий. – Не стоит окунаться в переживания. У тебя теперь нет возможности дать им естественный выход.

– Я догадалась, – мрачно ответила я и услышала, как мой голос стал ещё более глухим, чем раньше. – Но ведь так же невозможно. Невозможно!

Извеков кивнул:

– Конечно. Поэтому страх, ностальгия, тоска по близким могут замучить зомби и свести его с ума прежде, чем он научится контролировать их. А пока есть один легко осуществимый выход из положения...

– Какой?

Валерий оглядел меня с головы до ног и задумчиво вздохнул:

– Из тебя получится симпатичный коккер-спаниель, правда, размерами он будет не меньше взрослой овчарки...

– Нет! Никогда, запомни! – я поняла, чем все это может кончиться, так как хорошо помнила рассказ Александра о том, как начиналась его «мёртвая жизнь». Мысль о том, что мне придётся рыскать по городу вместе с кровожадной стаей, чтобы сохранить рассудок, уже сама по себе могла свести с ума.

– Куда ты денешься?! – засмеялся Валерий. – Я прослежу, чтобы ты не могла выбираться из Рая в город иначе, чем на четырёх лапах!

И тут я резко развернулась и ударила его наотмашь, стараясь попасть в лицо. Рука почувствовала лишь соприкосновение с его головой и то, как эта голова подалась назад. Я сбила его с ног. Валерий медленно поднялся, вытирая кровь с разбитой губы. Он хотел что-то сказать, но я повторила выпад. Тело было хоть и мёртвым, но тренированным, а бесчувственным мышцам ничто не мешало разгуляться. Извеков сделал обманное движение, но все равно получил в ухо.

– Хватит же! Дождись ночи, тогда сможешь поохотиться вдоволь! – возмущённо завопил он, и я вдруг поняла, что оба удара принесли мне разрядку. Настоящую эмоциональную разрядку. Вид поверженного Извекова, его кровь, его крик принесли мне облегчение. Напряжение, постоянно подогреваемое моими же собственными мыслями, спало, и я почувствовала желание остаться в одиночестве.

– Уйди, – коротко попросила я. Валерий хотел что-то сказать, но махнул рукой и вышел, прижимая к губам ладонь.

Я села в кресло, закрыла глаза и стала медленно перебирать ворох новых ощущений, в который я с самого моего пробуждения – или воскрешения – сваливала все факты, все события, все свои эмоции. Я помнила предупреждения Валерия о том, что не стоило заикливаться на своих переживаниях. Но не думать о себе теперешней и о той, что умерла на аллее, я не могла. Все ночные события были теперь так живы в моей голове, что я даже начала сомневаться, что я могла это забыть: и мгновенную смерть Александра, и урчащих собак, и Олега.

Если Александра и собак мне удалось относительно безболезненно «проехать», то ко всему, что касалось Олега, прикасаться оказалось почти физически больно. Перед моими

глазами встало его окаменевшее лицо, широко распахнутые и совершенно по-детски беспомощные глаза.

Мне вдруг показалось, что я слишком рано сдалась тогда. Если бы ещё немного продержаться! Впрочем, Извеков все равно добился бы своей цели.

Значит, Олег видел меня мёртвой... И если он жив, то и он, и Юрка сейчас уже хоронят меня, и что самое смешное, они совершенно правы. Я постаралась представить себе, что они сейчас должны чувствовать, и страшное напряжение опять в один миг скрутило меня. Если бы я не была... одним словом, если бы я была жива, я могла бы горько и громко заплакать. Я ревела бы в голос над нелепой смертью и над ещё более нелепой и жестокой жизнью после смерти. И слезы помогли бы мне, стало бы легче на некоторое время. Но куда, куда может деть своё горе зомби? Сколько же мне лет, вслед за Александром, ждать решения своей участи? Если бы это можно было сделать сейчас, взять и покинуть эту оболочку и влиться в чужую личность, да ещё так, что все прошлые мучения уже не будут выпирать со всех сторон...

Ну вот, уже и я загорелась этими опасными мыслями. Мне не хотелось угождать Извекову даже ради того, чтобы в конце концов умереть по-настоящему. Идею ввести себе серебряный раствор я тоже считала глупой. И пока Валерий мне не докажет, что с ребятами все в порядке, и они в полной безопасности, у меня есть цель, ради которой стоило провести некоторое время в этом премерзком виде. Если же с моими близкими произойдёт что-нибудь по вине Извекова, я найду способ его уничтожить!

Какая-то смутная догадка промелькнула в мозгу, и мне удалось ухватить её за хвост и удержать на несколько секунд. Мне представилось искажённое страхом и болью лицо Извекова и его ненавидящие глаза, лихорадочно пытающиеся разглядеть что-то высоко в ночном небе. Видение исчезло, и поскольку это было сиюминутной отрывочной картинкой, мне не удалось связать ее с минувшей ночью, хотя интуиция подсказывала, что эпизод был очень важен. И именно из-за того, что там произошло, Извеков боялся меня. А в том, что он меня боялся, я больше не сомневалась.

– На, возьми, я подумал, что эта вещь тебе нужна, – раздался надо мной голос Валерия. Я не услышала, как он вошёл, ковёр в этой комнате совершенно скрадывал шаги. Валерий протягивал мне что-то синее.

– Что это?

– Браслет Середы. Я приказал обтянуть его бархатом. Теперь ты можешь его носить. Мне почему-то кажется, что тебе этого хочется.

Я приняла браслет со смешанным чувством негодования и благодарности. Теперь хоть что-то, принадлежащее Олегу, может быть всегда со мной.

– Я обещал тебе доказательства, – произнёс Валерий, садясь на софу. – Если ты уверена, что моего слова тебе недостаточно...

– Да, недостаточно.

– Я установлю связь с номером Орешина.

– Ты дашь мне поговорить с братом?

– Нет, я только кое-что тебе покажу. Только сначала я должен взять с тебя слово, что потом ты не станешь срывать на мне свою тоску.

Мне ничего не оставалось, как обещать ему это. Валерий согласно кивнул:

– Хорошо. Теперь снова закрой глаза, окружающий интерьер не должен мешать зрительной связи.

Я послушалась. Черт его знает, как Извеков выделял свои штуки? Видимо, его мозг, действительно, жил сам по себе и умел такое, что было неподвластно никаким техническим устройствам. Тишина, царившая в комнате, сначала стала совершенно мёртвой, как будто

заложило уши, а затем стали прорываться посторонние звуки, и темнота понемногу рассеялась.

Я видела гостиничный номер, мало чем примечательный, но просторный и светлый. В холле номера никого не было, но из спальни доносились звуки, приглушенные расстоянием. Мои глаза, как видеокамера, фиксировали все, что попадалось на пути. Каким-то образом получалось так, что я как будто бы иду по комнате и поворачиваю голову в разные стороны.

Спальня была маленькой. Кроме кроватей и кресел только журнальный столик, которому в спальне вроде бы и не место. Первым, кого я увидела, был человек, которого я меньше всего ожидала увидеть там. Я недоумевала, как и почему он туда попал. Развалившись в кресле и закинув ноги в блестящих сапогах на столик, сидел капитан Зинченко. Я даже не сразу узнала его, потому что обычно видела его в форме: либо в повседневном офицерском мундире, либо в боевом спецкостюме. Сейчас же на нем была обычная одежда: черные джинсы на ремне с заклёпками, зелёная майка с круглым воротом, да ещё блестящие рокерские сапоги, совершенно не вязавшиеся с образом супермена-спецназовца. Зинченко так и не снял свою наплечную кобуру, только белая куртка была небрежно брошена на подлокотник кресла, на ней заметно выделялись уже засохшие кровавые пятна.

Странный щелкающий звук отвлёк моё внимание от изучения Игоря Зинченко. Только развернувшись, я смогла определить, что же это такое я слышу. Это Юра, стоя у открытого окна, настойчиво щелкал своей зажигалкой. Огонь не появлялся, зажигалка сыпала искрами, но Юрка щелкал колёсиком, как заведённый. Зажатая зубами сигарета плясала у него во рту.

– Слушай, Орешин, довольно, – лениво заметил Зинченко и переложил ноги на столе: левая вниз, правая сверху. – Даже открытое окно не спасает от твоего дыма.

Юра, резко вскинув руку, зашвырнул свою зажигалку в окно и повернулся к Зинченко. Такого каменного и чужого лица я у брата не видела с тех пор, как он начал выздоравливать после ранения.

– Дай твою, – хрипло потребовал он у Зинченко.

– Я же не курю, Юра, – мягко ответил Игорь и закрыл глаза.

– Олег! – повысил голос Юрий. – Хватит, выходи!

Дверь в ванную комнату отворилась, и оттуда показался Олег. Боже, ну и вид был у него! Растерзанные собаками джинсы обрезаны по колено, голени перебинтованы. Кроме этих импровизированных шорт на нем ничего не было. Правая кисть замотана в виде рукавицы, выше кистей руки исцарапаны и исцарапаны, на лице несколько кровоподтёков и большая ссадина на подбородке. Но он был жив, и это самое главное!

Я почувствовала такое огромное облегчение, что от нахлынувших вдруг эмоций стала терять восприятие. Картина смылась, поплыла, я стала видеть сквозь комнату гостиницы очертания моих апартаментов в Раю. Но, собравшись, я все-таки восстановила контакт. Я не могла просто так их бросить, мне нужно было побыть с ними хотя бы таким способом.

– Спички дай! – требовательно произнёс Юрий, когда Олег вышел, наконец, из ванной.

Ссутулившись и волоча ноги, Олег побрёл в холл. Там что-то упало, потом задвигались стулья, наконец, из открытой двери вылетел коробок и упал Юре под ноги. Подняв его, Юрка сломал не меньше полдюжины спичек, прежде чем ему удалось закурить. Сделав несколько глубоких затяжек, он крикнул, повернувшись к двери:

– Иди сюда, где ты застрял?!

– Не надо, – Зинченко открыл глаза.

– Что «не надо»? – переспросил Юра.

– Не надо его трогать. Что ты его дёргаешь? – недовольно пробурчал Зинченко и поморщился, вдохнув свежий дым.

– Я бы не трогал его, если бы ты смог вместо него восстановить картину, – возразил Юра.

– Он же уже тебе рассказал. Все рассказал, – Игорь развёл руками и нервно поменял ноги местами: правая внизу, левая сверху.

Я до сих пор не могла понять, как Зинченко оказался в Сылве, но в ту же секунду все прояснилось. Зинченко вдруг резко сбросил свою ленивую апатию, легко вскочил с кресла и сел на столик. Глаза его заблестели:

– Я приехал сюда по твоей просьбе. Я сорвался из Волхова по первому звонку, едва успев закончить дела, но не потому, что я верю во всю эту сверхъестественную чушь, а потому что верю тебе, Орешин. Ты сказал, что дела плохи, и я не стал сомневаться в этом...

– И что? Ты разочарован? – отрывисто спросил Юрий, не выпуская из рта сигарету.

– Идиот! Я это к тому, что неплохо бы и тебе доверять моим словам хоть немного, думаю, они кое-чего стоят...

– Ну и?

– Оставь ты парня в покое хоть на несколько часов, пусть отойдёт немного.

Я была согласна с Зинченко. Уж кому-кому, а ему по его службе было хорошо известно, как безнадёжны и болезненны потери. Но и Юрка это прекрасно знал, однако я никогда ещё не видела его таким безжалостным.

– Нет, пусть сначала все выяснится... Я не понял, она жива или нет?!! – заорал Юра в открытую дверь. Зинченко сокрушённо покачал опущенной головой.

Голова Олега высунулась из-за двери. Не входя в комнату, он остановился на пороге и произнёс, глядя на Зинченко и говоря будто бы только ему одному:

– Она не шевелилась, не разговаривала...

– Ей было больно, – Юрка тоже возразил не Олегу, а лично Зинченко.

– Она не открывала глаз и не реагировала ни на что... – продолжал Олег.

– Просто была без сознания, – немедленно парировал Юра. Зинченко, лицо которого выражало искреннее сочувствие, переводил взгляд с одного на другого, слушал и молчал, поняв, что друзьям сейчас легче разговаривать через посредника.

– Кровь напоследок уже не текла из ран, – выдохнул, наконец, Олег самое страшное и склонил голову.

– То есть ты хочешь сказать, что Катька умерла? – холодно отчеканил Юра.

– Не знаю! Не знаю!! – Олег отчаянно замотал головой и ударил кулаком дверь так, что чуть не сбил её с петель. – Не знаю!!! Я!.. Ничего!!! Не знаю!!!!

Его сумасшедшие крики оборвались внезапно, он метнулся обратно в холл и из всех сил захлопнул за собой дверь. Юрий закрыл лицо руками, постоял несколько секунд в наступившей тишине и, добравшись до столика, сел рядом с Зинченко.

– Мне не хотелось бы показаться жестоким, – начал Зинченко, – но впустую обнадёживать тебя было бы ещё более жестоко...

Юра оглянулся на него:

– Ну?

– Судя по тому, сколько крови было на мостовой, когда я нашёл Середу, тысяча против одного, что человек, потерявший эту кровь, умер.

– Может быть, эта кровь не только Катина...

Зинченко вздохнул и положил руку на плечо Юрия:

– Послушай меня... – снова мягко начал он. – Конечно, я не могу ничего утверждать, тем более если учесть, что в этом месте невозможно провести элементарную судебно-медицинскую экспертизу... Если говорить о подробностях случившегося, то там не было второй жертвы... Я верю всему, что рассказал Олег. Конечно, его здорово потрепали, но поверь мне: с головой у него все в порядке.

– Да, я знаю, – процедил Юра и замолчал, задумавшись.

– Давай сделаем так, Орешин, – Зинченко поднялся на ноги и взял куртку с кресла. – Пока не стемнело, я доберусь до Кепы и попробую несколькими звонками расшевелить кое-кого... Если кому-то и выгодно похерить этот городок и оставить его в заложниках у маньяка, то я знаю нескольких парней наверху, которым не все равно.

– Если ты выйдешь не на тех, тебя сделают, – мрачно предупредил Юра. – По себе знаю, это место под особым покровительством.

– Руки у них коротки меня сделать. Пусть я взял отпуск, я помню, кто я такой, и какие мне даны полномочия. И они это помнят. Не знаю, чем ещё занимается окопавшийся здесь придурок, но это похлеще всего, что я видел до сих пор, – Зинченко раздражённо передёрнул плечами. – Взорвать бы эту махину к чертям! Вместе с её содержимым... Значит, договорились?

– Твои штурмовики тут не помогут. Его не взять внутри Рая.

– Значит, возьмём его в аду, – отозвался Зинченко. – Выманить можно кого угодно и откуда угодно. Только нужно узнать, чем. Вот вы тут пока и помозгуйте. Особенно меня интересует, ограничивается ли сфера влияния этого парня границами Сылве. Могут ли его прихвостни орудовать за пределами города? Если нет, то почему?

– Не забудь про серебро, – напомнил Юра, когда Зинченко уже взялся за ручку двери.

– Это, ей-богу, смешно... – вздохнул Зинченко, и тут же поправился. – Извини меня, я не это хотел сказать.

Зинченко вышел. Юрий прижал сигарету, от которой остался один фильтр, к поверхности столика и затем смахнул ее на пол. Несколько секунд он сидел неподвижно, потом согнулся, накрыв голову сцепленными руками и простонал что-то сквозь зубы.

Открылась дверь и вошёл Олег, в других, целых джинсах и чёрной майке. Он был уже спокоен, только разметавшиеся длинные волосы и кровь, проступившая сквозь повязку на руке, напоминали о его недавнем взрыве.

– Что дальше, Юрка? – он сел рядом с другом.

– Дальше вот что, – отозвался Юра, резко разогнувшись. – Ты помнишь наш разговор с Александром?

– Да, и что?

– Он говорил, что Катя очень нужна Извекову. Значит, он не мог убить её.

– И тем не менее, он сделал это.

– Стоп! – Юра нетерпеливо поднял руку. – Он не мог убить её... совсем.

Олег гневно нахмурился:

– Ты о чем, босс? Ты считаешь, что существование в таком же виде, в каком жил Сашка Извеков, это нормально? По-твоему, это не значит, что мы её потеряли?!

– Мне все равно, кем она теперь будет, – ответил Юра.

– А мне нет! Превратить живую девчонку в мертвечину! Да я ему своими руками голову оторву!! – возмутился Олег. – Живой труп – это уже не Катеринка...

– Спокойно, старик. Сейчас мы с тобой...

Как ни старалась я удержать картину, злоба, отчаяние и острая жалость к себе и ребятам так подогрели меня, что изображение порвалось на глазах. Это было как безнадёжный кошмарный сон, когда просыпаешься в ледяном поту от собственного крика.

Кажется, я тоже кричала. Но проснуться мне было не суждено. С воплем я поднялась с кресла, пытаюсь разглядеть в искажённой и искривлённой пока комнате моего ненавистного смертельного врага. Валерий лежал на софе бледный и неподвижный. Если бы он умер! Но увы! Он зашевелился и медленно встал на ноги.

Взглянув на меня, он поднял руку.

– Я предупреждал, что это будет трудно. Мне тоже досталось: так долго пропускать через себя навывлет полноценный контакт...

– Что ты понимаешь про такие вещи, как «легко» и «трудно»? Ты же о меня ноги вытер!

Извеков пожал плечами. Разумеется, он не понимал, разве такому объяснишь что-нибудь о чужих страданиях, если для него не существует неприятностей, кроме своей собственной физической боли...

– Постарайся забыть то, что сейчас видела, – посоветовал Валерий. – Твои друзья, конечно, переживают, но пройдет совсем немного времени, и они смирятся. Ты тоже перестанешь горевать, потому что мы с тобой вместе начнём делать нечто такое, что заставит тебя забыть свою жизнь...

Он опять пустился в свой горячечный бред, излагал, как по-писаному. Я не стала вслушиваться в его уже набившие оскомину обещания. Я до сих пор толком не поняла, что он от меня хочет, ради чего он мучает меня.

Я забралась в кресло, подобрала ноги, сцепила пальцы на колене и, закрыв глаза, переключилась на свои горькие мысли. Мне было жаль, что контакт прервался по моей вине. Я не смогла спокойно выслушать протест Олега. Я представляла, что ему не всё равно, жива я или нет, но всё же... Если бы только можно было вернуть все назад. А если это невозможно, то всё теряет смысл, и меня, действительно, не должно больше быть, ребята никогда не должны узнать, что я все ещё существую. Валерий прав, скоро они смирятся, и всё у них пойдёт своим чередом.

А я никогда не смирюсь. Потому что есть одна очевидная вещь, о которой я ни разу за три года толком не задумалась. Потому что я оставила по ту сторону Рая не просто сводного брата и коллегу. Я потеряла единственных людей, которые были для меня всем. И прежде всего Олежку. Он был мне больше, чем просто друг, неважно, знал он об этом, или нет. И потеря Олега страшнее всего, потому что я была уверена – брат примет меня любую. А Олег нет. Извеков отнял у меня Олега навсегда. Этого я ему никогда не прощу...

Станный хруст, прозвучавший совсем рядом со мной, вытащил меня из небытия. Я сначала ничего не заметила, но Извеков, прервав свою речь, бросился ко мне с воплем негодования:

– Что же ты делаешь?! – и, схватив меня за руки, развёл их в стороны.

Пальцы левой руки мотанулись и обвисли на кисти, обломанные у основания суставов. Я в испуге отдернула руку. Пальцы беспомощно подпрыгнули, как вставленные в пустую перчатку карандашики.

– Разве же так можно?! О чём ты думала? Опять о них?

Я в ужасе кивнула, глядя на свои пальцы.

– С тобой сложнее, чем я думал. Ты покалечишь себя, и мне придётся тебя переселять, прежде, чем я закончу проработку аналогов, а я, честно говоря, практически её не начал... – посетовал Валерий. – Что мне теперь с тобой делать?.. Знаешь что, сегодня ночью я возьму тебя с собой в город...

– В собачьем виде?!

– Не сопротивляйся. Если не хочешь бегать со стаей, можем навестить кое-какие места вдвоём. Поверь мне, тебе будет легче. И не смей больше так уходить в себя, иначе твоё невольное членовредительство сделает твоё тело непригодным для передвижения.

– И тебе придётся отправить меня в другую реальность?

– Да, но я не хочу с этим спешить. Постепенно мы соберём три личности, в том числе и твою, в одно цельное сознание.

– А без тела нельзя собрать?

Валерий назидательно поднял руку:

– Нельзя! Вот ты, например. Даже треть сознания без телесной оболочки испытывает шок за шоком. Сознание не может жить без тела, оно задавит само себя, не выдержит собственного саморазрушительного воздействия...

– А как же такие, как ты? Ведь ты смертен?

– Да. Если я умру, то попытаюсь сам сделать себя зомби. И если избегать серебра, можно жить вечно, соблюдая меру в эмоциях. Правда, это возможно только здесь.

– Почему?

– Потому что все, что касается зомби-оборотней, я могу проделывать только вблизи и внутри Рая. Все это возможно только вблизи скопления множества дверей.

Я ничего не поняла, но постаралась это запомнить на будущее.

– Ну а если тебя переедет автомобиль где-нибудь далеко отсюда? Или я задушу тебя электропроводом, расчленю, оболью кислотой и подожгу?

Валерий замешкался. Похоже, такую возможность он никогда не рассматривал.

– Вряд ли тебе это удастся.

Я не стала спорить. Секундой позже он ответил:

– Предполагаю, что и тогда сознание будет знать, как сберечь само себя. А вот как, не знаю. В мирах нет мест, где жили бы бестелесные души. Я же объяснил тебе уже, что это невозможно.

– Или же ты не нашёл такого дивного места. То говоришь, что цельное сознание не может жить без тела, то уверяешь, что оно бессмертно. Подработай-ка собственные теории.

Валерий недоверчиво посмотрел на меня, потом сморщился, заставил себя улыбнуться и перевёл разговор на другое:

– Давай попробуем осуществить маленькое превращение. Это не больно, но тебе лучше закрыть глаза, потому что смотреть на процесс не слишком приятно. Куда более привлекательно выглядит начало и конец.

Я закрыла глаза. Руки Валерия расстегнули на мне застёжку комбинезона.

– Сними это, чтобы потом не барахтаться в тряпках.

Я послушалась его. Было слышно, как рядом шуршит тканью Валерий. Вдруг, без всякого предупреждения, я на несколько секунд ощутила своё тело, потому что каждая клеточка его, казалось, стала вибрировать. Вибрация прекратилась, и я снова перестала чувствовать себя.

– Р-р-р! – послышалось рядом со мной.

«Что?» – Я попыталась задать вопрос, но чьи-то, возможно, мои голосовые связки издали короткое рычание. «Всё», – прозвучал в моей голове телепатический ответ Валерия.

Я открыла глаза. Да-а, снизу комната выглядела несколько по-другому. Подо мной внизу на ворсистом ковре стояли две лохматые рыжие лапы. Чьи бы это? Оказалось – мои. Я попробовала, и они подчинились моим внутренним командам. Они слушались меня точно так же, как и мёртвое тело.

Рядом со мной стоял серый ротвейлер с голубыми глазами. Из полуоткрытой пасти миролюбиво свисал подрагивающий язык, а черные губы пса, казалось, изображали улыбку.

– Рр-р! – буркнул ротвейлер и, мотнув головой, побежал в ванную комнату. Я побежала за ним, забавляясь новыми впечатлениями от непривычной оболочки. Ротвейлер подбежал к зеркалу, явно предлагая мне посмотреть на себя.

А, в конце концов, что за разница, быть мёртвым человеком или мёртвой собакой? И так, и сяк, все пути назад отрезаны.

Я подошла к зеркалу. Пёсик был, и вправду, ничего. Блестящая шелковистая рыжая шерсть, лохматые ноги и живот, гладкая стриженная – вот только неизвестно, кем и когда! –

спина и длинные лохматые уши. Да, все было бы ничего. Но у коккер-спаниеля были человеческие темно-серые с жёлтыми искорками глаза.

Глава 8

Уже было довольно поздно, но Извекова всё не было. Я терпеливо ждала его, стоя на стеклянной галерее около входа на главный эскалатор. По переплетениям лент двигались самые разнообразные люди. В одиночку, парами, изредка по трое, более многочисленных компаний не встречалось. Люди не сходились друг с другом в этих стенах. Они приходили сюда уже сбившись в малочисленные компании заговорщиков и не заводили здесь новых знакомств. Возможно, потому что этого им просто не хотелось. Как не хотелось этого мне. Хотя, конечно, в большинстве своём это были обычные, нормальные живые люди, даже если на них была нелепая одежда, а в сезон и мягкие удобные мокасины. Но я уже не была человеком. До такой степени, что даже грубо зашитые раны и укусы, выставленные на обозрение, не волновали меня. Мне было абсолютно все равно, кто и как на меня посмотрит. Практически ничем я не была уже похожа на Екатерину. И ничего от той жизни у меня не оставалось, кроме обтянутого бархатом серебряного браслета. Подгоняя его к своей руке, я зажала его на запястье внахлест, чтобы не потерять, и снимала только когда Валерий впихивал меня в собачью шкуру и водил за собой по окрестностям Сылве.

– Привет! – раздался за моей спиной натянуто-вежливый голос Марины.

Почти неделю после той сцены, когда я сделала вид, что хочу на неё напасть, она не подходила ко мне ближе, чем на десять метров. И только потом постепенно стала со мной разговаривать. Разговоры её меня совершенно не интересовали, я даже не могла припомнить, о чём она болтала. Было только ясно, что её не волнует судьба её несчастного мужа. Она жила в Раю чем-то совсем другим. Она имела какие-то другие цели, но вникать в них мне не хотелось. Она была живой женщиной. А это значит, что у меня с ней не могло быть ничего общего.

Поэтому её приближение меня не слишком обрадовало. Я оглянулась на неё и кивнула в ответ, надеясь, что она пойдёт своей дорогой. Но она подошла и, встав рядом, оперлась о пластиковые перила.

– Ждёшь?

Мне хотелось ляпнуть ей в ответ какую-нибудь колкость, но, право, было лень, поэтому я промолчала.

– Он редко опаздывает, – не смутилась Марина. – Куда он хотел тебя вести?

Я снова промолчала. Во-первых, Валерий не обсуждал со мной своих конкретных планов, ведя только пространные беседы, переливая из пустого в порожнее и восхваляя Рай. Во-вторых, мне было все равно, в какую дверь Извеков захочет войти на этот раз.

– Я только что была в городе, – заметила она безразличным тоном. И хотя я опять ничего ей не ответила, внутренне я взмолилась, чтобы она оставила эту тему. Мне не хотелось снова думать о том, что и как происходит в городе. После того визуального сеанса я едва пришла в себя, да и то только позволив Валерию превращать меня в эту чёртову собаку.

– Там очень много новых людей, – продолжала Марина. – Они настроены враждебно. Лера очень обеспокоен.

– Чем же он обеспокоен? Его Рай неприступен, – отозвалась я.

– Разумеется. Так утверждает Лера. Если бы это было так на самом деле, он не нервничал бы так, – возразила Марина.

– Я не заметила, чтобы он как-то особенно нервничал.

– Это потому, что ты его совершенно не знаешь! Ты не знаешь его так, как я! – с вызовом ответила мне Марина, и в её голосе появились такие знакомые и так раздражающие меня истеричные нотки.

– А я и не претендую, – отмахнулась я.

– Ну ещё бы! Особенно теперь! – фыркнула Марина.

Напоминание о том, кто я теперь есть, вызвало глухую ярость. Только мысль о том, что Марина старается ранить меня потому, что моё присутствие даже в таком виде, невыносимо ей мешает, не позволила мне разозлиться окончательно. Если меня так ненавидят, значит я ещё на что-то гожусь. Я даже знала, на что: на то, чтобы разобраться в том, что происходит в этих стенах. Марина могла мне в этом помочь. Поэтому я приняла добродушный вид и заставила себя улыбнуться вслед своим словам.

– Чему ты радуешься? – удивилась Марина, и ее длинный носик, на котором вблизи различались едва заметные веснушки, вздёрнулся в недоумении.

– Тому, что у меня есть враг.

Она пожала плечами:

– Ты сумасшедшая, Катя. Я не понимаю, что Лера нашёл в тебе?

– Я бы тоже хотела это знать. Но он мне ничего не говорит. Я только помню, что говорил мне Александр. Мне наплевать на Рай и его обитателей, меня интересует только собственная судьба.

– Лера собирался собрать в одном теле все... – она замялась. Вероятно, в её хорошенькой головке не умещались теории Извекова и его странная мистическая терминология.

– Да, я знаю. Он хотел, чтобы у Екатерины не осталось аналогов. Ну и что? Что дальше? Что я должна буду делать потом?

Марина повернулась, прислонилась спиной к стеклянной стене. Теперь я была с ней лицом к лицу. Неудобное положение. Мне не хотелось схватываться с ней в «ближнем бою». А беседа глаза в глаза – это, несомненно, ближний бой.

– Я тоже немного знаю, но об этом Валера часто мне говорил. Он хочет, чтобы ты вместе с ним открывала новые двери.

Я не успела открыть рот, как Марина продолжила:

– Открывать новые двери – это то, что все время делает сам Валера. Но он не может больше делать это один. Возможно, придётся построить ещё не один Рай. И поэтому он искал помощника. И нашёл тебя, – презрительно закончила она.

– Ты не подошла для этой роли?

– Лера сказал, что для того, чтобы в его деле от меня был какой-нибудь толк, ему придётся поубивать несколько десятков человек по разным местам, – обиженно сказала она.

– Какая жалость. Но я надеюсь, что он не станет этого делать.

– Я почти упростила его попробовать, но он все-таки отказался.

Что ж, Валерий Извеков был очень умным сумасшедшим. Но тем не менее, мне как-то не верилось, что всю эту жестокую эпопею с моей жизнью Валерий затеял ради новых дверей.

– Зачем Извекову столько дверей? Разве их недостаточно в Раю?

– Этого я не знаю, – пожала плечами Марина. – Валерий бродит по реальностям иногда один, иногда со мной. Раньше с ним часто ходил Саша. А теперь он, похоже, будет брать туда только тебя...

– А ты не знаешь, что стало с Александром?

Марина покачала головой:

– Я только знаю, что Валера отправил его в «каменный мешок».

– Куда?

– Есть такая реальность. Я ни разу в ней не была. Но Валера раньше часто о ней говорил – сейчас меньше. Сашу он отправил туда. Лера говорил, что там ему будет хорошо.

– Лера ошибался, – я поняла, что от человека, имеющего десятки аналогов, не добиться весомой информации. Несколько сотых долей сознания – это же почти что куриные мозги.

А я-то раньше думала: почему у людей так различаются умственные способности. Вопрос, оказывается, решался очень просто.

Валерия все не было. Я оглянулась на дверь его апартаментов, что находилась за моей спиной, но в коридоре по-прежнему никого не было видно.

– Я пойду потороплю его, – заявила я и, не прощаясь, покинула обозлённую Марину. Она чего-то хотела от меня потребовать, но я не поняла её намёков, а прояснять их у меня не было никакого желания.

В гостиной Валерия никого не было. Там все было точно так же, как и во время моего первого посещения. Белый цвет, чистота, прозрачность, минимум вещей и мебели. Но только сейчас, войдя в помещение, я вдруг поняла, как обстановка в комнате Валерия похожа на кабинет Юры в агентстве. Навязчивое стремление убрать из своего окружения все лишнее было мне очень хорошо знакомо. Юрий тоже создавал вокруг себя голое, сверкающее пространство, в котором не за что было зацепиться взглядом. И я знала, зачем он это делает. Он хотел до минимума сократить информацию о своём внутреннем состоянии. Что ещё, кроме слов и поступков человека, может рассказать о нем почти так же хорошо? Его вещи: их вид, назначение, количество и состояние. И Юрка настойчиво убирал этих бессловесных свидетелей из своего окружения, может быть даже не осознавая, что это тоже говорит само за себя. Отсутствие окружающих его мелочей говорило о том, что он несчастлив, что воспоминания, вызываемые вещами, для него болезненны и нежелательны. Юра, видимо, не зря воевал со своими воспоминаниями: жизнь, которую он себе создал, была для него более-менее приемлема.

Извеков, скорее всего, обставлял свои апартаменты из тех же соображений. Ничего не должно было мешать ему заниматься своими райскими делами. Значит, такие вещи были. Было то, что могло помешать. И Извеков избавился от этого.

Я постояла посреди комнаты и позвала Валерия. Никто не отозвался. Боковая дверь в стене, насколько можно было предположить, вела в спальню. Немного поколебавшись, я открыла ее и вошла.

Тесная, крошечная комната без окон, почти все пространство в ней занимала постель, огромная, высокая, квадратная. Около изголовья горел мрачный ночник, в свете которого можно было различить только общие очертания предметов. Поскольку зомби Валерия не утрачивали обоняния, я почувствовала, что воздух в комнате слишком тёплый и несвежий, пахло чем-то резким, словно лекарством.

Извеков лежал поперёк постели вниз лицом, обеими руками комкая простыни. Его плечи неравномерно вздымались и опадали, казалось, что он то ли трясётся в лихорадке, то ли беззвучно плачет. Но это было ни то, ни другое.

Я подошла к ночнику и прибавила свет. Валерий практически сразу же среагировал и перевернулся на спину, не разжимая рук и потащив за собой простыню. Я остановилась, считая, что он проснулся. Но Валерий продолжал спать. Его лицо исказилось и блесло.

– Не надо, – вдруг произнёс он и резко дёрнулся. – Я больше так не хочу.

Его невидимый собеседник был, видимо, непреклонен, потому что Извеков снова перекатился на бок и отчаянно ударил по постели кулаком.

Я боролась с желанием его разбудить. Ведь в конце концов он сам собирался уйти в реальности этим утром и велел мне быть готовой к этому часу. Но что-то не дало ему проснуться вовремя. Я уже хотела протянуть руку и потрясти его за плечо, но тут рябая пелена прошла перед моими глазами, и словно какое-то нечёткое изображение промелькнуло прямо передо мной. Я потрясла головой, но рябь не проходила. Выпрямившись, я обнаружила, что тёмная стена над постелью Валерия вся подёрнута этой рябью. Сходящиеся и разбегающиеся волны, напоминающие слюдяную мутную мозаику, постепенно складывались в связную картину.

Это не было похоже на визуальный контакт с номером брата в отеле, устроенный мне Валерием. Сейчас я просто наблюдала со стороны за обоими сторонами, связанными между собой. Вряд ли оба, и Извеков, и его собеседник, рассчитывали, что кто-то войдёт и подслушает их разговор. И оба не замечали моего невольного вмешательства.

Стена спальни стала стереоэкраном. И по ту ее сторону был довольно странный пейзаж: каменистая земля, валуны, поросшие серовато-сиреневым мхом, скалы до самого неба. Интересная машина на заднем плане: серебристый корпус, приземистый и узкий, по форме напоминающий тело осы, распластавшееся по земле. Непонятно, как такое сооружение заехало в каньон на таких колёсах – оси располагались не выше фута над землёй.

Почти у самой стены на мшистом камне сидела женщина. Я бы могла назвать любой возраст – и оказаться права. Такие лица бывают у женщин любого возраста, если они несчастны или озабочены чем-то. Эта явно была чем-то серьёзно озабочена. И даже разгневана. Её черные смоляные глаза просто сыпали искрами. Длинная чёлка, разобранная на пряди, унизанные разноцветными блестящими бусинками, не могла скрыть их яростный блеск.

– Ты не должен упрямиться. Это глупо. Это роняет тебя в моих глазах, Валерий. Ты должен был давно понять, что твоё предназначение определено и не подлежит больше никакому обсуждению, – сдерживая раздражение, произнесла женщина. Она передёрнула плечами, словно от холода, подняла руку и застегнула доверху чёрную блестящую куртку, похожую на форменную.

– Я не хочу, – надрывно повторил Валерий, не просыпаясь.

– Эти три слова я слышу от тебя уже целый час. Учти, что смертны не только те люди, которых ты сам убивал. Смертен и ты сам. Если окажется, что ты не в состоянии делать свою работу, мы найдём другого.

Впервые я видела, как кто-то угрожает Валерию. И угрожает, судя по всему, очень серьёзно. К тому же, у этой женщины, несомненно, были возможности расправиться с Извековым.

– Мне надоело. Я не хочу. И не буду, – крикнул Извеков.

– Будешь. У тебя нет больше выбора. И помни, что мы прекрасно знаем, куда ты спрятал своего брата. Ты ведь не хочешь, чтобы с ним случилась неприятность?

– Не смейте его трогать! – истеричный тон Валерия неожиданно сменился на угрожающий.

– Все в твоих руках. Не пытайся нам противостоять. Все двери должны быть открыты настежь. Нужно убрать препятствия для наших людей. К тому же тебе придётся разогнать из Рая весь тот сброд, что ты напустил туда. Это совершенно ни к чему. И заканчивай скорее свою возню с этой девчонкой. Пора возвращаться к главному, тем более, что для этого теперь появилась прекрасная возможность. И поспеши. Виллен недоволен, что дела идут слишком медленно, он не любит шутить.

Мне стало ясно одно: все, что делал Валерий, он делал не для себя и не по своей воле. Женщина поднялась со своего места и пошла к автомобилю. Её фигуре могли позавидовать кинозвезды. Умопомрачительно красивая, гибкая и грациозная, как дива из восточной сказки, злобная и непреклонная.

– Даррина! – Извеков поднялся на постели. Его глаза открылись, но он был все ещё с ней в контакте. – Стой, Даррина, мы ещё не закончили!

Но она-то, видимо, уже закончила. На крик Валерия она даже не обернулась. Но она не могла так уйти. Я в какой-то момент поняла, что в моих силах заставить её остановиться. А я хотела, чтобы она остановилась и выслушала его.

Даррина споткнулась и встала, не дойдя до своего невиданного автомобиля нескольких шагов. Когда она обернулась, в её глазах кроме уже знакомого гнева появилось выражение детской обиды.

– Что? Что это такое? Кто там у тебя?!

Извеков сам, казалось, был ошарашен. Несколько секунд он сидел молча и неподвижно, а потом закрыл лицо руками. Даррина, тоже немного постояв в замешательстве, повернулась снова к машине.

– Катя, что ты здесь делаешь? – услышала я голос Валерия. Он, совершенно проснувшийся, таращил на меня глаза.

Я же продолжала следить за Дарриной. Она садилась в автомобиль. Валерий уже очнулся от забытья, но мой контакт с Дарриной продолжался, это было очевидно. Но все же я решилась на небольшую проверку своей догадки:

– Даррина!

Её лицо приобрело совсем детское выражение полной беспомощности. Она не понимала, что происходит.

– Кто? Кто это, я не вижу! – пробормотала она, внимательно вглядываясь в мою сторону. Когда я почувствовала, что она меня вот-вот разглядит, я одним коротким приказом «занавесила» себя.

– А я вижу тебя, – отозвалась я, наслаждаясь её беспомощным испугом. – Мы ещё встретимся с тобой, и тогда я задам тебе вопросы. А сейчас у меня нет времени.

Я закрыла контакт и повернулась к Валерию. Он смотрел на меня с недоумением и неприязнью.

– Что ты здесь делаешь? – повторил он. – И с кем ты сейчас разговаривала?

– С Дарриной.

– Это ещё кто? – нахмурился он.

– Не знаешь? У тебя был с ней контакт. Только что. Не помнишь?

Извеков продолжал хмуриться. Нет, Валерий не был артистом. Все эмоции были у него на лице. Он искренне не помнил Даррины.

– Так кто же из нас двоих действительно зомби, а, Валерий? – спросила я, не надеясь на связный ответ.

Извеков выбрался из растрёпанной, развороченной постели, стал натягивать свой комбинезон. Он был растерян и подавлен. Он прекрасно понял, на что я намекаю. Он понял, что я вклинилась в его контакт, и теперь его волновало только то, что он, Валерий, ничего не может вспомнить. Он, человек, обладающий неразделённым цельным сознанием творца, оказался загипнотизированным чьей-то нездешней волей. А какая-то девчонка, которой он отводил роль восхищённой ассистентки гения, уличила его в этом.

– Твоё самолюбие, Валерий, тут совсем ни при чём. Я думаю, что тебе нужно хорошенько подумать над своим положением...

– Какого черта ты читаешь мои мысли?! – возмутился он.

– Ничего я не читаю. Я хочу, чтобы ты вспомнил Даррину.

– Я сам хочу ее вспомнить... Зачем ты вообще здесь?

– Ты хотел отвести меня куда-то... Я пришла тебя поторопить.

– Все понятно.

Валерий вышел в гостиную, даже не удосужась позвать меня за собой. Я пошла следом, понимая, что рано или поздно он всё вспомнит, и я смогу получить от него кое-какие объяснения.

– Что она хотела от меня? – спросил Извеков, подойдя к окну.

– Вспомни сам.

– Катя, если они закрыли от меня самого моё же собственное подсознание, промедление может плохо кончиться.

– Если бы я не пришла к тебе, ты никогда не заподозрил бы ничего.

– Но, черт возьми! Катя, ты должна мне помочь! Ты теперь знаешь обо мне больше меня.

Прав он был в одном: промедление могло плохо кончиться. Если Валерия заставили действовать определённым образом, скрыв присутствие внешней воли, эта внешняя воля уже сама по себе не может быть доброй.

– Знаешь, Извеков, Даррина угрожала тебе.

– Мне? Чем? Почему?

– Ты должен продолжать то, что тебе поручено.

– А что мне поручено? – напряжённо уточнил он. Я не видела его лица, но голос его говорил сам за себя.

– «Все двери должны быть открыты настежь», – я постаралась воспроизвести голос Даррины.

– Боже мой!.. – колени Извекова подогнулись. Чтобы не упасть, он вытянул руку и упёрся в оконное стекло. – Боже мой!..

– «И помни, что мы прекрасно знаем, куда ты спрятал своего брата», – добавила я.

– Я? Спрятал? Но ведь я... – Валерий повернулся ко мне. Он словно узнал о том, что смертельно болен.

– Катя, ты готова сейчас пойти со мной? – решительно произнёс он.

– Для этого я и пришла.

– Тогда идём, – он открыл стенной шкафчик и достал оттуда свою кобуру с оружием.

– В «Каменный мешок»?

Руки Валерия, застёгивающие ремень, задрожали так, что он не мог попасть концом ремня в пряжку.

– А говоришь, что не читаешь мысли... – прошептал он.

– Успокойся, о «Каменном мешке» мне рассказала Марина. Только что.

– Если Даррина доберётся до Сашки, я буду знать, кого за это благодарить, – сквозь зубы процедил Извеков. – Идём. Быстро.

Мы вышли в коридор. Я думала, что Валерий поведёт меня на эскалатор. Но он пошёл вглубь коридора, где и открыл угловую дверь.

– Проходи.

Миновав тамбур, Валерий подошёл к выходу, открыл кобуру и достал пистолет. Подняв наизготовку руку с оружием, он повернулся ко мне:

– Будь внимательна. Каждый мой приказ – закон.

Распахнув дверь ногой, он осторожно выбрался наружу. Из открытой двери в тамбур повалил густой туман.

– Можно! – Извеков махнул мне рукой. Я вышла из тамбура, и туман окутал меня сочными клубами, которые, казалось, имели вес.

Валерий пошёл вперёд, постоянно оглядываясь и не опуская руку с пистолетом. Но вокруг было тихо: только камни. Каменные стены какого-то ущелья. Туман, вместо того, чтобы подниматься вверх, прижимался к земле. Ущелье, сначала узкое до такой степени, что двое едва могли разойтись в нём, постепенно расширялось и в конце концов закончилось. Мы вышли на поросшее чахлой травой плато. С одной стороны – обрыв. С другой – горы. Клубы тумана витали вокруг, иногда разделяясь на отдельные пласты, каждый из которых совершал над поверхностью земли совершенно самостоятельные движения.

Это был действительно «каменный мешок». Каменный мешок с туманом.

– Ты выбрал для Александра не очень симпатичный мир, – заметила я.

- Ты не права, – отозвался Валерий. Он продолжал бдительно следить за местностью.
- Может быть, ты объяснишь, чего мы боимся?

– Здесь множество самого разнообразного хищного зверья. Это единственное, чего в этом мире нужно опасаться... Стой!

Извеков замер на месте. В следующую секунду я услышала странное шуршание, похожее на звук, который издаёт при ходьбе человек, одетый в спортивный костюм из ткани типа «болонья». Звук приближался, но множественные отражения от стен каменного мешка не давали понять, кто и откуда стремится к нам.

Извеков, несомненно, лучше ориентировался в обстановке. Схватив меня за руку, он оттащил меня под самую скалу и затолкал в расщелину.

– Это эскора, у них отличное зрение, но плохое обоняние. Она разглядела нас со скалы, но здесь не найдёт. Не высовывайся.

Мне осталось наблюдать из-за его плеча. Шуршание стало слишком громким, и из тумана короткими неловкими прыжками выскочила невероятно уродливая птица.

Размерами она превышала самого крупного страуса. Длинная шея была хищно вытянута вперёд, маленькая головка вертелась из стороны в сторону. Клюв, широкий и острый, был жадно раскрыт. Длинные, растопыренные, словно у испуганной курицы, крылья волочились по земле. Но самым мерзким было то, что эта курица, толстая и неуклюжая, была абсолютно голая, без единого пёрышка. Ее кожа свисала с боков складками, словно из птицы выпустили немного воздуха. Такие же складки покрывали толстые бедра-окорока. Эти-то складки и издавали при передвижении птицы противное шуршание.

Птица промчалась мимо нас, не заметив. Валерий облегчённо вздохнул и выпустил меня из расщелины.

– Теперь можем идти дальше. Эскоры глупы, они никогда не поворачивают назад в поисках добычи. Она будет бежать вперёд, пока не выдохнется. А отоспавшись, снова заберётся на скалы выслеживать жертву, – пояснил Валерий. – Если, конечно, за это время её не засечёт патруль, или не сожрёт аброисса.

– Ещё один динозавр? – уточнила я.

– Не совсем. Аброисса – не ящер. Это млекопитающее, по виду похожее на трицератопса.

У меня были явные пробелы в образовании, особенно в области биологии ископаемых животных. Я никак не могла себе припомнить, кто такой трицератопс. Но у меня не осталось сомнений, что эта штука вряд ли приятнее эскоры.

– И ты ещё утверждаешь, что эта реальность подходит для жизни?

Извеков улыбнулся:

– Я хотел бы здесь родиться.

– И гонять мамонтов над пропастью?

Валерий рассмеялся:

– Местные мамонты, их здесь зовут джаггами, милейшие, ласковые существа. Их тут дрессируют для верховой езды и игры в поло.

Я хотела было предположить вслух, что у Валерия окончательно поехала крыша, но тут снова послышался новый посторонний шум. На этот раз это был звук явно техногенного происхождения. Двигатель.

Извеков не выразил ни малейшего беспокойства, только запрокинул голову и стал разглядывать что-то в небе. Слабые лёгкие клочки тумана не могли заслонить от нас вылетевший из-за гребня скалы аппарат. Впервые я, наконец, увидела не сквозь рябую завесу контакта, а непосредственно живьём нечто фантастическое. Диковинный микросамолёт с двумя винтами, вращавшимися с тихим ровным гулом, прошёл на высоте не более двадцати метров. Когда он миновал нас, я заметила сзади конструкцию, напоминающую сопла ракеты.

Плоский, похожий на круглую мыльницу с винтами и крылышками, самолётик был оснащён несколькими орудиями, они торчали из специальных ниш в корпусе.

Валерий не высказал тревоги по поводу самолёта.

– А вот и патруль. Наша шуршащая подружка, видимо, далеко не уйдёт, – заметил Извеков. – Кстати, из дублёной шкуры эскоры получают великолепные защитные костюмы, пробить которые можно только лазером... или зубами аброиссы.

– Чей это самолёт?

– Патрульный катер сил местной самообороны. Здесь, в долине, есть городок. Не больше тысячи жителей. Десять солдат. Пять катеров. Тишина, спокойная и размеренная жизнь, – мечтательно произнёс Валерий.

– Но ведь этот катер... – удивлённо начала я, но Извеков не дал мне договорить.

– Что, не похож на копье каменного века? – рассмеялся он. – Да, ты права. В этом месте развитая цивилизация, значительно обогнавшая многие из тех, что я уже повидал за дверями.

– И здесь сохранились кровожадные динозавры? Это при развитой суперцивилизации?

– И очень хорошо, что они сохранились. Видишь ли, в этом мире ценят человеческую и любую другую жизнь, и ценят удовольствия этой жизни. И единственное, что омрачает их гармоничный мир – зверюги. Их тут много. И многие хитры, свирепы, хотя винить их бесполезно – они ведь просто животные. Занятые защитой своих жизней от опасностей родного мира, люди не успевают вести войны друг с другом. У них нет времени на пустяки...

– И сюда ты отправил Александра?

– Да. Я нашёл эту реальность два года назад. Правда, сначала я открыл и держал дверь совсем в другом краю реальности. Кажется, это была даже другая планета. Но потом, когда я занялся поисками новой личности для брата, я нашёл одного парня. Этот аналог был совершенно безмозглый, прямолинейный до тупости служака, хотя и отчаянно отважный субъект. В одиночку ходил на аброиссу. Просто так, для забавы. И я понял, что если сознание умного, разносторонне образованного, тонкого психолога, умеющего к тому же мыслить логически, то есть такого человека, каким и был Саша, слить с сознанием этого куска мышц, который живёт в городке в долине... – Валерий замолчал и прислушался. Где-то за горной грядой раздались свистящие резкие звуки. Усмехнувшись чему-то, Валерий продолжил: – Ну я и подумал, что должно получиться хорошо. Это милый мир, достойный стать новым домом Сашки. К тому же, часть сознания, принадлежащая Саше, должна была, наверняка, подавить собой старую личность. Не думаю, что превращение местного героя без тени мысли в очах в неординарного человека кому-то может не понравиться. И я отыскал новую дверь, рядом с городком того парня.

– А вдруг, все-таки, кому-то это не понравится?

– Саша слишком умён, чтобы позволить кому-то в чём-то его заподозрить. Он сможет притвориться в нужный момент, – отмахнулся Валерий. Я не узнавала его. Его тон уже никак не был похож на тот восторженный бред, с которым Извеков восхвалял Рай и бессмертие сознания. Он был серьёзен и убеждён в своей правоте, но его убеждение теперь за просто могло передаваться не только фанатику, но и здравомыслящему человеку.

– Кажется, недавно ты говорил что-то насчёт того, что смерть, это ещё не смерть, что каждый человек сам по себе ничего не значит. Ты считал, что осчастливил брата тем, что убил его. Ты ведь был безразличен к кожаному мешку с костями...

– Знаешь, Катя, если когда-нибудь наступит страшный суд, я, наверное, буду одним из немногих, кому не смогут найти адекватной кары за грехи, – злобно оборвал он меня. – Раньше я сам себе удивлялся, почему днём я говорю и делаю одно, а ночью боюсь выключить свет в спальне... Только во сне я понимал, что совершаю ошибки – если это можно назвать ошибками. Мне даже кажется, что Сашка лучше меня понимал, что со мной происходит.

– Но теперь-то ты вспомнил Даррину? Ты понял что-нибудь?

– Ничего я ещё не понял, но об этом потом. Пусть пока все остальное остаётся, как есть, – отмахнулся Валерий. – Надо же, как повезло! Теперь нам не придётся спускаться в долину...

Его последние слова относились к сцене, которая открылась нашим глазам, едва мы завернули за выступ скалы. Плато в этом месте было ровным и довольно широким. На краю плато из расположенной высоко над землёй расщелины лился поток прозрачной воды. Ударяясь о поверхность озерца, струя пенилась и разбрызгивала мелкие капельки. Подставив под воду обнажённые руки, стоял высокий, мощный, мускулистый мужчина с пышной рыжей шевелюрой. Он, не спеша, омывал свои руки и плечи, слегка подрагивая от соприкосновения с наверняка холодной горной водой.

В стороне, почти у края обрыва, стоял знакомый патрульный катер. А перед ним возвышалась неподвижная туша эскоры. Она едва ли не сравнялась размерами с катером, становилось даже забавно: дичь слишком большая, или охотник слишком маленький?

Плеск воды, видимо, совершенно заглушал все звуки, поэтому, когда рыжеволосый охотник развернулся, Извеков уже был от него довольно близко. Первым порывом пилота было защититься. Он схватился за страшного вида пушку, висящую на его поясе, а его пронзительно синие глаза вспыхнули в напряжении.

Валерий остановился. Но пилот передумал уже через пару секунд. Произнеся несколько слов на незнакомом гортанном языке, он подошёл к нам.

– Здравствуй, – спокойно сказал Валерий. – Как удачно, что я сразу тебя нашёл.

Парень смотрел на нас во все глаза, но ни страха, ни подозрительности в его взгляде не было. Было безграничное удивление.

– Боже мой, Валера... – произнёс парень, ошарашенно покачал головой и снова изрёк несколько красивых, но незнакомых слов на чужом языке.

– Что? – переспросил Извеков.

– Я послал тебя ко всем чертям, – объяснил парень. – Чем обязан? Что не даёт тебе покоя? Я думал, что ты, наконец, оставишь меня.

– Я рад, что ты меня узнал, Саша.

Парень демонстративно закатил глаза:

– Ну-у, как я могу не узнать своего повелителя! А также его прекрасную спутницу... Здравствуй, Катя! – он протянул мне руку. Я подала ему свою. Он мельком оглядел меня, и снова повернулся к Извекову.

– Саша, дело очень серьёзное, иначе я не пришёл бы сюда, – начал Валерий, но Саша, вернее не Саша, а тот парень, которому пришлось вобрать в себя душу, мысли, воспоминания Александра Извекова, твёрдо оборвал его:

– Во-первых, меня зовут Гайл. Во-вторых, меня не очень интересуют твои проблемы, Валерка, – отрезал он решительно. – Точнее сказать, совсем не интересуют, лучше бы тебе вернуться и увести отсюда Катю. Здесь черт знает, что может случиться с вами. А у меня своя работа. Сейчас сюда прилетит транспорт забирать эскору. Мне не хотелось бы объясняться с властями по поводу двоих неизвестных...

– Саша, ты должен меня выслушать... – снова начал Валерий. Но Александр-Гайл, не обращая на него никакого внимания, достал из набедренной сумки-кармана нечто, похожее на пейджер, и стал невозмутимо нажимать на клавиши. Закончив, он посмотрел на меня:

– Мне очень хочется спросить тебя, чем все тогда закончилось. Но я боюсь возможного ответа. Что с ребятами?

– Они живы, и с ними все в порядке, – ответила я. Гайл улыбнулся. Улыбка у него была широкая и беззаботная. Да, эта оболочка никак не вязалась с привычным мне обликом Александра Извекова, с тем угрюмым, сдержанным и обречённым существом, которое я знала... Но тут Гайл, задержав на мне взгляд, заметил рваные швы на моей шее. Неуловимо

и стремительно, так, что я даже не успела и моргнуть, он схватил меня за запястье и резко задрал вверх рукав комбинезона. Да, тут было, на что посмотреть. Одно пулевое ранение и несколько «вышивок крестом» поверх искромсанной собачьими зубами кожи.

– Валерка, ублюдок... Ты все-таки сделал это, сволочь!!! – Александр-Гайл отпустил мою руку и повернулся к Валерию. Я подумала, что он сейчас набросится на брата. Силы были не совсем равны. В сравнении с Валерием Гайл был просто силач. Но Гайл просто смотрел на врага, и Извеков, не выдержав его взгляда, отвернулся и отошёл к водопаду. Гайл вслед ему выругался на своём языке. Звучало это достаточно убедительно и без перевода.

– Интересно, чем он это оправдал? – злобно спросил Гайл. – Вырвал человека из жизни и использует его в своих целях, как собачонку...

– А Валерий считает, что ты его понимаешь.

– А я и понимаю. Вернее, догадываюсь. Истины я, видимо, так никогда и не узнаю. Что не дано, то не дано, – усмехнулся Гайл, хотя было видно, что ему абсолютно не смешно. – Ну и как тебе теперь, а?

Я промолчала.

– Извини, идиотский вопрос. Единственное, в чём ты можешь быть уверена, это то, что Валерка не бросит тебя опекать. Потому что ты ему нужна.

– Чтобы держать двери открытыми настежь?

Гайл внимательно посмотрел на меня, но было очевидно, что происхождение этой фразы ему не известно.

– Наверное, что-то в этом роде, – произнёс он, оглядываясь на брата. – Что он хотел от меня?

– Он хотел сказать, что тебе угрожает опасность.

– Да ну? Единственные опасности в этом мире – вот... – он кивнул на мёртвую эскору. – А более опасное, чем эта живность, существо – мой милый братец.

– Ты даже не подозреваешь, что ты – заложник, Александр, – возразила я.

– Чей? – Гайл удивлённо распахнул глаза. – Я три года был заложником Валерки.

– Я не могу сейчас ничего тебе объяснить, потому что сама ещё ни в чём не разобралась. Но попробуй отнестись серьёзно хотя бы к моим словам, если не хочешь разговаривать с Валерием.

Гайл подобрал с земли куртку и стал натягивать её на высохшие после умывания плечи. Казалось, он размышляет над моими словами.

– И в чём суть проблемы? – он тряхнул ярко-рыжими волосами и недоверчиво ухмыльнулся: – Неужели у Валеры появился серьёзный враг?

– Похоже, он был у него всегда, только он об этом не подозревал. И сейчас с трудом в это верит. Однако он сразу же поверил в их угрозу убить тебя, и поэтому примчался сюда.

– Как трогательно, – проворчал Гайл. – Но это ничего не меняет. Спасибо, конечно, за предупреждение, но я все равно ничего не могу изменить. У меня нет неординарных умственных способностей, у меня нет сверхъестественных чувств. Я не могу присутствовать в чужом сне по собственному желанию, не говоря уже о более серьёзных действиях, на которые способна ты, Катя.

– Я? Я ещё тоже ни на что не способна...

– У тебя все впереди. Не отчаивайся, твоё состояние, в любом случае, явление временное, – уверенно сказал Гайл. Потом он посмотрел на небо, прислушался и сказал: – уходите отсюда, вам не стоит здесь оставаться.

– Саша, а Рай можно уничтожить?

Он вздрогнул. И ничего не ответил.

– Ты не знаешь, или не хочешь говорить?

– Даже если бы я знал, вряд ли у меня получилось бы сделать это. Только сам Валерка может разрушить то, что построил. Если ему не помешают. Поэтому желаю удачи.

– Тебе здесь нравится?

Гайл широко улыбнулся:

– Нормально. Между прочим, у меня жена и малыш. Моя жена точно такая, о какой я мечтал: добрая и совершенно глупая. Уж она точно не станет влезать ни в какие сомнительные приключения...

Он внезапно осёкся. Ещё раз оглянувшись на Валерия, он задумчиво произнёс:

– Катя, ты помоги ему, пожалуйста. Я безбожно вру: мне далеко не все равно, что станет с этим злодеем.

– Он хочет предложить тебе вернуться в Рай. Он считает, что сможет защитить тебя, если ты будешь с нами, – произнесла я, не вполне себе представляя, откуда я это взяла. Но вслед за моим сомнением пришёл чёткий телепатический сигнал от Извекова: «Все верно, Катя. Спасибо.»

– Валера! – окликнул Александр-Гайл брата. Валерий приблизился.

– Я рад был увидеть вас обоих, правда. Но никуда с вами я не пойду, – чётко произнёс он. – Я же теперь не только Александр. Я родился Гайлом. Это мой мир, моя жизнь. Я не могу все это оставить. Я больше обеспокоен судьбой жены и сына, чем своей. И, прости меня, Валерка, и чем твоей тоже.

Извеков пожал плечами:

– Как знаешь. Жаль.

– Извини, если пришлось тебя разочаровать. Прощайте. Сейчас прилетит заготовительная бригада, мне будет некогда.

Гайл улыбнулся мне и пошёл к своему катеру. Порывшись в кабине, он оглянулся на нас, проверяя, ушли ли мы.

– Пойдём, Катя. Это бесполезно, – Валерий повернулся и пошёл обратно.

Мне это не понравилось. Валерий явно не сказал того, что собирался. Встреча братьев оказалась неудачной, оба были в плену своих предубеждений. Но мне показалось, что они оба не так уж равнодушно и враждебно настроены по отношению друг к другу, как можно было бы предположить, наблюдая их раздражённые, недовольные лица и слушая резкую перепалку. «Помоги ему», – попросил Александр. Он чувствовал, что с Валерием случилась беда. Видимо, он давно, с самого начала это знал.

– Это плохо, очень плохо. Он никогда не простит меня, – горько сказал Извеков, когда мы зашли за поворот, и Гайл больше не мог нас видеть.

– У него были все возможности пристрелить тебя за три года. Но он же не причинил тебе никакого вреда, – возразила я.

– Отказаться от мести ещё не значит простить, – процедил Валерий. – Ладно, впрочем, сделаем вид, что мне все равно. Мы возвращаемся. Я бессилен.

– Скажи мне, Извеков, почему ты не убил Олега? – решила я задать вопрос, на который у меня было мало шансов получить откровенный ответ.

– Если ты думаешь, что я проявил милосердие, которое до этого мучительно сдерживал, то ты ошибаешься. Я не убил его тогда только потому, что мне не дали это сделать, физически не дали.

– Кто? – удивилась я.

– Кто-то, кому это оказалось по силам, – мрачно пояснил Валерий.

– Даррина?

– Вряд ли, – нехотя пробормотал он. – Я не помню ее, хоть убей. Но не думаю, что она и её люди будут заниматься мелочами.

Вдали послышалось уже знакомое шуршание.

– Слышишь? – усмехнулся Валерий. – Надо прибавить шаг.

Мы почти бегом устремились к узкому ущелью и ворвались в тамбур, заполненный тягуче плотным туманом. Извеков закрыл плотнее дверь и перевёл дыхание.

– А что все-таки такое эти двери, – спросила я, когда мы вышли в коридор.

– Двери, и все, – процедил Валерий. – Захотел – вошёл, захотел – вышел.

– А если бы Рая не было, можно было бы пройти из реальности в реальность, или нужно непременно городить дверной косяк?

Валерий развеселился:

– Таким, как мы с тобой, косяк не нужен. Но с косяком приятнее. К тому же сквозь косяк можно провести за собой гостей.

– Даррина велела тебе ликвидировать всех гостей.

– Не исключено, что я так и сделаю. Но не потому, что население Рая не угодило Даррине. Просто они не должны будут путаться под ногами. Мне ведь придётся скоро всерьёз заняться обороной.

– От кого ты будешь обороняться?

– От всех, – снова помрачнел Извеков и свернул в свои апартаменты. – Ступай к себе. Мне надо кое-что обдумать.

– Послушай, Валерий! – у меня остался ещё один совсем простенький вопрос. – А может быть эти реальности всего-навсего другие планеты? А двери – системы нуль-транспортировки?

– Начиталась фантастики, – фыркнул Извеков. – Если бы это было так, вряд ли везде были бы люди. Где бы я ни бывал – везде люди. В разных условиях, на разных уровнях развития цивилизации, но везде люди. И замашки у всех одни и те же. А свои планеты есть в каждой реальности. Так что бери шире – каждая реальность – как минимум вселенная.

Он махнул мне рукой и пошёл к себе. Я прошла в ту часть коридора, из которой можно было попасть на ленты эскалаторов, движущихся вверх.

Подъем был медленный и долгий. Я думала об Извекове, пытаюсь заново прокрутить каждую сказанную им фразу, мне хотелось знать, о чём он думает сейчас, оставшись в одиночестве, там, в своей голой комнате и жуткой душной спальне... Я не могла чувствовать усталости, но тем не менее что-то было не так, не так, как обычно. Словно я опять была в контакте с кем-то, кто был действительно усталым и измученным. Чей-то отчаянный стон беззвучно повисал в воздухе, и я не могла понять, в чем дело. Я чувствовала чьё-то невыносимо безнадежное горе.

«Не смей подглядывать за мной!» – пришёл оскорблённый вопль Валерия, и я, поняв, что происходит, задернула между нами занавес.

Глава 9

Кустарник, разрозненные заросли которого тянулись вдоль дороги к побережью, хорошо скрывал все, что попадало в густые островки слегка пожухлой осенней зелени. Я уже давно перемещалась по самой середине зарослей, но так как ветер в этом месте был довольно сильным, колебания ветвей, которые я невольно вызывала, не могли привлечь ничье внимание. Мои лохматые рыжие уши цеплялись за каждую ветку, и, если бы я могла чувствовать боль, я уже давно взвыла бы. И почему Извеков решил, что мне лучше быть лохматым спаниелем? Насколько было бы удобнее перемещаться по пересечённой местности, будь я, к примеру, черным бультерьером...

Прибывавшие в течение последних двух недель машины спецназа и службы безопасности не стали скапливаться в городе, а медленно заключали Сылве в кольцо. Городок наводнился множеством молодых спортивных мужчин, одетых в штатское, но тем не менее чем-то очень друг на друга похожих. Они не производили лишнего шума, только изредка доставалось бродячим живым собакам, да некоторые из зомби получили несколько дополнительных дырок в шкуре. В стане врагов Валерия Извекова зрел какой-то хитрый план.

Валерий не устраивал мне больше своих визуальных сеансов и оборвал всякую явную связь Рая с Сылве. Каждую ночь он таскал меня по городу, высматривал, слушал, прячась по углам и кустам, не доверяя до конца своим ночным телепатическим посещениям чужих снов, и ничего почти не говорил мне о том, что он собирается предпринимать. Но когда мы возвращались обратно в Рай, он снова и снова водил меня из одной двери в другую, влезая в различные реальности. Чего я только ни насмотрелась за это время!

За многочисленными дверями Рая скрывались самые разнообразные и удивительные миры. Многие были похожи на нашу обычную жизнь, но всевозможные нюансы в природе, манерах людей, деталях материальной культуры были настолько поразительны, что каждая реальность, в которую я попадала, представлялась сказкой: то смешной, то подозрительно опасной, то открытой и доброжелательной, то откровенно и неприкрыто страшной. Многие из увиденных мной в реальностях деталей были удивительно мне знакомы: я не раз читала о подобных мирах в романах «фэнтези». Раньше я всегда поражалась богатой и нестандартной фантазии писателей, удивляясь совершенно невероятным ходам, сюжетам и ирреальной атмосфере книжных событий. Мне казалось, что я сама никогда бы не додумалась ни до чего подобного. Теперь же мне стало понятно, что они просто воплотили на бумаге все то, что когда-то лично видели во сне. Они всего лишь умели хорошо запоминать свои сны и, несомненно, обладали даром связывать кусочки собственного восприятия в некое целостное и почти материальное произведение.

После нашего визита в «каменный мешок» Валерий изменился. Изменился так резко, что я не могла решить, к добру это или к худу. Ни разу больше я не услышала от него никаких бредовых прожектов, ни разу не вёл он со мной своих пространных «рекламных разговоров». Кажется, он совсем не трогал мой мозг, я не чувствовала больше в себе никаких привнесённых ассоциаций. Он уже не держал меня «на коротком поводке» во время наших ночных прогулок: я могла сама решить, куда мне пойти. Поэтому сегодня, когда наша стая выскочила из Рая на тёмные промёрзшие под резким осенним ветром улицы Сылве, я почти сразу же отделилась и по затенённым углам короткими перебежками устремилась на окраинное побережье. Я знала, что там, как и повсюду вокруг Сылве, расположились спецмашины и люди, присланные сюда, видимо, благодаря настойчивости требований капитана Зинченко. Мне нужно было разобраться самой в происходящих в Сылве переменах, если уж Извеков не хотел делиться со мной результатами своих изысканий. Я не хотела ни о чём спрашивать Извекова напрямую, так как его необычное поведение в последнее время не внушало мне

доверия. Раньше его намерения были весьма прозрачны: защитить своё детище любой ценой и любыми средствами. Сейчас же было совершенно непонятно: владеют ли им все те же великие цели преобразования мира, или в его больном сознании произошло что-то необратимое. Мне необходимо было узнать о намерениях Валерия и о планах его врагов. Но все это нужно было сделать так, чтобы первый ничего не знал о моей неизжитой непримиримости, а вторые ни за что не догадались бы о моем нынешнем так называемом «существовании».

Кроме этого, а вернее, прежде всего остального меня влекло в гущу событий совершенно другое. Я долго не хотела признаваться в этом самой себе. Я честно старалась смириться со своим положением, не думая о прошлом, а если и думать, то, по возможности, отвлечённо. Но тянущая тоска непременно прорывалась в самое неподходящее время, вызывая не просто смятение, но почти физическую боль, хотя болеть у меня было совершенно нечему. Эта боль вызывала видения, похожие на визуальные «прямые репортажи» Валерия. Мучительные сцены возникали в самое неподходящее время, застилая глаза и выдёргивая меня из реальности. Одно время я хотела рассказать обо всем Валерию, думая, что он найдёт способ избавить меня от этих видений. Но потом я решила, что правильнее будет промолчать. Потому что поняла, что постоянно жду этих видений. Я в них по-прежнему была вместе с братом и Олегом.

Это были куски, выхваченные из прошлого: иногда неприятные сцены, воспроизводящие какие-то тяжёлые, болезненные события, иногда перед моими глазами прокручивался невинный фрагмент, но и то, и другое доводило меня до бешенства, до полного иступления. Наверное, следовало послушаться Валерия и снимать напряжение, участвуя в жестокой охоте стаи под предводительством серого ротвейлера. Но, с ужасом чувствуя, что мне необходима эта охота, и, что было страшнее всего, что мне этого по-настоящему хочется, я запретила себе это. Не столько потому, что меня останавливали какие-то моральные устои. Про мораль в моем положении простительно было не вспоминать вовсе. Мне хотелось все же довести себя поскорее до края, за которым наступит долгожданное освобождение от мёртвой оболочки. Я видела, как озабоченно смотрел на меня Валерий, особенно в последние дни. Значит, он понимал, что край близок.

Поэтому уже несколько вечеров подряд я обегала все посты сил безопасности, что размещались вокруг города. У меня не было другой возможности ни увидеть своих близких, ни понять, нашли ли они способ снести к чёрту эту кошмарную глыбу, которая только на моих глазах засосала в себя столько жизней из различных реальностей. Кроме того, я знала, что уже среди новоприбывших в город бойцов отрядов спецназа есть несколько жертв. Их еще не хватились, но я знала, что они уже мертвы, причём Валерий не стал задерживать их сознание в этой реальности, а предоставил их душам следовать туда, куда им хотелось. Просто проследив за ними, Валерий не стал ни во что вмешиваться, не стал пускать в ход ни одну из своих способностей, что тоже стало для меня тревожным знаком. Извеков словно бы самоустранился от своей роли всеобщего благодетеля.

Поэтому, пробираясь по кустам по направлению к стоящей в центре зарослей машине, я была почти уверена, что Валерий не станет мешать мне. Вряд ли моя вылазка в непосредственной близости от противника интересует его.

Когда стало возможно различить силуэты двигающихся вокруг машины людей, я остановилась, чтобы оценить обстановку прежде, чем подобраться поближе.

В центре поляны стоял серьёзно экипированный трёхосный джип, подобный тем, что спецподразделения использовали для ведения локальных боевых операций. На крыше машины горел укреплённый панорамный прожектор, но сектор освещения был перекрыт специальным колпаком. Доносилась музыка: кто-то в машине включил магнитофон. Десятка два человек сновали вокруг машины, занимаясь, кажется, ее оборудованием. Это удивило меня: дня им, что ли, мало? Объяснение могло быть только одно: подготовка шла полным

ходом, ночные манипуляции с техникой производились не из желания скрыть свои действия от противника, просто время было им дорого.

Свет прожектора довольно хорошо освещал поляну и разложенные на ней предметы. Это было какое-то оборудование, его-то и устанавливали на машину, которая, ошестившись какими-то трубками, датчиками и приспособлениями, уже напоминала передвижную научную лабораторию. За Извекова решили взяться всерьёз.

Какой-то человек прохаживался от одного места к другому, склонялся вместе с кем-нибудь над оборудованием, отдавал распоряжения, объяснял, время от времени ободряюще похлопывал кого-то по плечу. Этого человека я никогда не видела раньше. Мне не видно было его лицо, оно было плохо освещено и по нему все время пробегали тени. Но фигуру его, невысокую, атлетическую, необычно грациозную в своей мощи, я точно видела впервые.

Медленно и осторожно, задевая за все ненавистными лохматыми ушами, я поползла в самой гуще кустарника вокруг поляны. Немного продвинувшись в ту часть, которая до сих пор была от меня затемнена, я наконец увидела тех, ради кого я и предприняла свою вылазку. На краю поляны, на каких-то ящиках сидели Юрий и капитан Зинченко.

Самые разные ощущения охватили меня, от радости за то, что с братом все в порядке, до тоски и отчаяния. Захотелось выскочить из кустов со всей собачьей прытью и, не имея возможности ни на что большее, прижаться лохматой мордой к ногам Юрки. Возможно, я так бы и сделала, если бы вокруг не было столько постороннего народа. Мне ничего не оставалось, как затаиться и навести уши.

Зинченко, живописно жестикулируя, рассказывал что-то. Как я поняла, это касалось шума, который ему пришлось поднять для того, чтобы власти зашевелились. Юра поигрывал зажигалкой, почти непрерывно ею щелкая, и от этих его манипуляций лицо его все время освещалось холодным пламенем. Слушая Зинченко, который, насколько я знала, умел достаточно артистично подавать любую информацию, Юра то хмурился, то тихо смеялся.

То, что брат смеётся, успокоило меня. Значит, он выдержал. Прошёл уже месяц с той ночи, когда я ушла из их и своей жизни в моё теперешнее пограничное состояние. И давнишние слова Извекова о том, что ребята смирятся и у них будет все хорошо, воспринятые мною тогда чуть ли не как кощунство, были совершенно справедливы.

Зинченко на полуслове замолчал и обернулся назад. Юрка тоже оборвал смех и оглянулся на копошащихся в темноте людей.

– Где он? – нетерпеливо произнёс Юра.

– Не вижу, – отозвался Зинченко.

– Я просто выхожу из себя, как только он исчезает из вида больше, чем на пять минут, – вздохнул Юрка. – Черт знает, что у него на уме. Пойди, поищи его, Игорь.

– Да пошёл ты... Что он, ребёнок? – проворчал Зинченко.

Юрка поднялся, подхватив свой костыль, и пошёл к машине. Зинченко в досаде тихо выругался.

Где-то справа, совсем рядом затрещали кусты, и на поляну выбрался человек. Отряхиваясь, он приблизился к Зинченко и осветил его ручным фонарём.

– Ну, что? – возмущённо спросил Зинченко, заслоняясь рукой. – Где ты шляешься?

– А что такое? – мрачно осведомился Олег. Я поразила тому, что не узнала его сразу же.

– «Что такое»? – передразнил его Зинченко. – Какого чёрта ты делал там? Орешин думает, что ты с ребятами возишься.

– Да что толку от этих железок? – возмутился Олег. – Я не собираюсь глупостями заниматься. Неужели не осталось умных людей, которые могут понять, что штурм, даже подкреплённый последними достижениями науки, совершенно бесполезен. Это все равно, что муравьям штурмовать небоскрёб. Ты же утверждал, что наверху тебя поняли правильно!

– Так и есть. Или ты думаешь, сюда зря прислали столько народа?

– Да ну... – Олег проглотил готовое вырваться ругательство. – Кому от этого станет легче?

– Тебе может быть и не станет... И все-таки, какого чёрта ты ушёл один? Орешин запретил тебе шляться одному.

– Да плевать мне на его запреты, – отмахнулся Олег.

Зинченко нетерпеливо взмахнул руками:

– Это мне плевать на твоё плохое настроение! Дисциплина одна для всех. Не зарывайся, парень! Ты лучше меня знаешь, что может с тобой произойти на этих милых тихих улицах.

– Самое страшное, что могло со мной произойти, уже произошло.

Зинченко уже исчерпал весь свой арсенал средств мирного увещевания, поэтому он вскочил с ящика, схватил Олега за шиворот и резко притянул его к себе:

– Вот что, печальный рыцарь! Порядок здесь устанавливаешь не ты, и даже не я и не твой босс! Сказано – ни шагу в одиночку! И если будешь продолжать свои вольные прогулки при луне – посажу под арест! Аниров здесь отвечает не только за успех операции, но и за каждого из людей! Ты же не в состоянии ответить даже за себя!

Олег оторвал руки Зинченко от своей куртки и пробормотал:

– Ну, ладно, ладно... Оставь меня.

– Кретин! – зло бросил Зинченко и, повернувшись, ушёл в темноту. Олег сел на его место и положил рядом с собой зажжённый фонарь. Его свет ударил мне прямо в глаза. Мало того, что свет совершенно ослепил меня, я ещё и потеряла возможность двинуться, потому что каждое моё движение могло быть сразу же замечено. Я застыла, как окаменев, благо это не составило мне труда: я не реагировала на холод, от которого любая другая собака давно бы изъерзалась.

– Где ты был? – раздался голос Юры.

– Ходил к озеру, – буркнул Олег в ответ.

– Почему Зинченко такой взвинченный?

– Догадайся.

– Я не гадалка. Ты дождёшься, что нас с тобой посадят в машину и вывезут под охраной в Кепу.

– Пусть попробуют, – хмыкнул Олег. – Мы с тобой никому не подчиняемся.

– Все здесь, и спецназовцы, и группы безопасности, и мы тоже – все подчиняемся Анирову... Да почему же я должен тебе это напоминать?!.. – взорвался Юрий.

Вот это да! Напоминать об этом, действительно, не было никакой необходимости. Если Николай Аниров собственной персоной посетил Сылве, то он и только он мог командовать здесь всем. Это имя было мне известно давно. Оба, и Олег, и Юра рассказывали мне об этой легендарной личности, но, вероятно из-за восторженного безграничного уважения, с которым были преподаны мне в своё время эти рассказы, я думала об Анирове скорее, как о некоем символе, нежели как о живом человеке.

Николай Аниров мог справиться и справлялся с организацией и исполнением любой задачи, как бы невыполнима она ни была – так вытекало из рассказов. И если Аниров взялся за дело, можно было ожидать всяких неожиданностей и, во всяком случае, совершенно непростительно для простых смертных было бы сомневаться в грядущем успехе.

– Не кричи, – примирительно отозвался Олег в ответ на яростное возмущение друга.

– Ты бы лучше не с Игорем цапался, а подобрал бы себе что-нибудь из арсенала Анирова.

– Не даст.

– Даст. Я договорюсь. Николай доверяет нам.

– Тебе, – поправил его Олег.

– Мне, – согласился Юра. – Он давно меня знает.

– Он и меня знает. И поэтому ничего мне не даст.

Юрка рассмеялся. Видимо в прошлом они имели дело с Анировым. И тот, без сомнения, успел составить об Олеге определённое мнение.

– Да и не нужно мне ничего из его железок, – добавил Олег.

– Не скажи, все эти приборы кое-что могут. Определили же с их помощью сферу действия этой пирамиды.

– Ну и что нам от этого, – возмутился Олег. – Я и без его приборов знаю, что дальше, чем на три километра от Рая оборотни не отходят. Все поручения Извекова за пределами Сылве выполняются нормальными людьми. Если их, конечно, можно назвать нормальными... А почему это змеиное гнездо не распространяется, и с какими целями Извеков затеял все это – приборы нам все равно не скажут.

– Да и Извеков тебе не скажет.

– Верно, потому что я убью его раньше, чем он сможет хоть что-нибудь сказать, – отчеканил Олег.

– Не поэтому, а потому что, боюсь, он сам не знает, для чего он это все делает и как у него все это получается, – заметил Юра. И я почувствовала восторг от того, что и без моей информации Юрка, как всегда, на правильном пути.

– Ты что, старик, все он прекрасно знает! Эти его теории...

– Ещё Александр считал, что все это чушь.

– Что чушь? Зомби чушь? Сны чушь? Стремительное разложение трупа тоже чушь? Сам Александр – это что, по-твоему, тоже... – взвился Олег.

– Слушай, Середа, с тобой стало совершенно невозможно разговаривать!

– Извини, – сдержанно произнёс Олег и замолчал. Спустя несколько секунд Юра продолжил уже спокойно:

– Александр считал, что все теории его брата – полнейшая белиберда, что Извеков сошёл с ума и действует по наущению кого-то куда лучше разбирающегося в вопросах сознания. Валерий будто бы сам не знает точно, ради чего он делает все это...

– Знаешь, чего я не понимаю, Юрка? ЧТО именно делает Извеков. В чём заключается его деятельность? То, что он что-то там понял про разделённое сознание, это ещё не действие Первое его действие – постройка Рая. Все, что удалось узнать, это то, что десять лет назад Извеков под соусом какого-то новоиспечённого СП взял в долгосрочную аренду огромную площадь в Сылве под строительство санаторно-курортного комплекса. В Сылве потекли невероятные суммы от зарубежных партнёров. Но постепенно иностранцы как-то затихли, и к концу грандиозного строительства ни о каких курортных комплексах никто и не вспоминал. Зарубежные партнёры Извекова до сих пор отрицают свою причастность к его планам и утверждают, что громадные вложения, осуществлённые ими, были сделаны под влиянием внезапного необъяснимого порыва, чуть ли не в загипнотизированном состоянии. Ни от своих вложений, ни от Извекова они ничего не ждали и не ждут, и вообще никаких претензий к нему никто из них предъявлять не собирается... Саша Извеков, которого замордовали служебными проверками в течение всех лет строительства, действительно ни о чём не знал и к планам брата не имел отношения...

– До тех пор, пока не стал зомби... – вставил Юра.

– Ну да... Многое с его помощью мы выяснили, но до сих пор не поняли главного: что там внутри происходит? Кто там живёт? Как туда попадает? И, самое важное, зачем Извекову эта пирамида?

– Александр сказал, что внутри можно перемещаться по реальностям.

– Я не про то. Зачем?! Что, Извеков хочет сделать для человечества некое подобие диснейленда для развлечения в иных мирах? Какая ерунда! – фыркнул Олег.

- Правильно. Получается, что истинные цели всего этого определяются, ставятся и...
- ...осуществляются кем-то другим, но руками Валерия Извекова, – перебил Олег.
- Нахватался у Катьки дурных привычек!.. – возмущённо фыркнул Юра.
- Не смей! – изменившимся голосом оборвал его Олег.

Воцарилась напряжённая тишина. Невольно была затронута запретная тема: упомянуто моё имя.

– Это нечестно, босс. Мы договорились, – произнёс Олег.

– Господи, чего ты от меня хочешь? – устало отозвался Юра. – Не надо так реагировать. Я же не...

– Ладно, замаяли, – отмахнулся Олег. – Лучше вернёмся к теме... Если мы даже захватим Рай и убьём Извекова, мы не решим этим проблему. Александр, наверное, был в этом абсолютно прав. Если бы он сейчас был здесь, он бы мог, наверное, подкинуть ещё несколько идей. Он был сильный парень. Просуществовать три года живым трупом и копить информацию в надежде, что мы все-таки вернёмся к этому делу – это не каждому под силу.

– Под силу ли это будет ей... – Юрка осёкся, но Олег на этот раз промолчал.

– Ну что, решили что-нибудь? – раздался внезапно низкий твёрдый незнакомый голос. Олег взял фонарь и отвёл его в сторону, чтобы осветить говорившего. Вместе с Зинченко к ребятам подошёл тот самый человек, чей мужественный силуэт я заметила на поляне. Теперь я разглядела его лицо. Это был уже немолодой мужчина лет пятидесяти с приятными чертами, выглядевший несколько усталым, но решительным. Казалось, что этому человеку неведомо такое чувство, как растерянность. Я несколько не сомневалась, что это легендарный Николай Аниров – глядя на эту уверенную в себе властную физиономию все вокруг должны были тоже обретать некоторую уверенность. На это, возможно, и рассчитывал Аниров, как все талантливые командиры, прекрасно разбирающийся в психологии.

– А что мы должны были решить? – уточнил Юра.

– Я предлагаю тебе, Орешин, уехать в Кепу, – подсказал Зинченко.

– Когда это ты мне предлагал? – удивился Юра.

– Вот сейчас и предлагаю. Там тоже будет много работы. Твой личный опыт в этом деле будет там очень кстати.

– Николай Сергеевич, капитан Зинченко имеет право устранить меня? – повернулся Юра к Анирову.

– Нет, но это вполне могу сделать я, – ответил он. Положив руку на плечо Юрия, Аниров отвёл его на несколько шагов в мою сторону. Они остановились совсем рядом с моим убежищем.

– Послушай, сынок, – спокойно сказал Аниров, – Зинченко прав, тебе стоит уехать. И забрать с собой Середу. Он наделает глупостей, это я чувствую.

– Неужели один калека может так сильно помешать вашему воинству? – усмехнулся Юра. – И не надо пренебрегать Олегом. Та глупая история, из-за которой вы, Николай Сергеевич, имеете зуб на него, давно уже неактуальна. Середа – отличный профессионал... Поймите, этот сумасшедший подонок Извеков убил мою младшую сестрёнку. И я шага не делаю отсюда. Я смогу постоять за себя, если что...

– Я понимаю, – вздохнул Аниров и хлопнул Юрку по плечу. – Хорошо, что я тебя знаю, иначе... Будешь передвигаться в этой машине. Подчиняешься лично мне.

– Только вам?

– Да.

– Спасибо, Николай Сергеевич.

Тут Олег сделал рывок в сторону, одновременно выхватывая пистолет и направляя на меня фонарь.

– Эт-то ещё что?! – рявкнул он и два раза выстрелил в меня.

Я почувствовала два толчка.

– Спятил он, что ли? – Аниров устремился к Олегу.

– Там какая-то тварь в кустах!! – Олег рванулся в мою сторону и выстрелил ещё два раза.

Не так-то просто оказалось выскочить из густого кустарника на чистое место. Я зацепилась за что-то, свет ослепил меня, я зажмурила глаза. Ещё два толчка пули навели меня на мысль, что стоит изобразить попадание. Я отчаянно заскулила.

– Обычный пёс, – слышался спокойный голос Анирова. – Приблудный.

– Середа, прекрати сейчас же! – закричал Зинченко. Кто-то отвёл фонарь в сторону. Я открыла глаза и увидела, как Зинченко и Аниров пытаются удержать Олега. Аниров выкрутил у него пистолет и сунул его Олегу за ремень:

– Остынь, парень!

– Нельзя же стрелять в каждого несчастного пса! – возмутился Зинченко. Он был известным собачником и одинаково нежно относился к псам всех пород и любого «социального положения». Я давно об этом знала. Я была ему благодарна за порыв и за то, что он удержал Олега от дальнейшей расправы, но то, что случилось дальше, никак не входило в мои планы. Мне нужно было теперь, чтобы они забыли обо мне, чтобы я незаметно могла выбраться из зарослей и оказаться вне зоны их досягаемости. Но Зинченко, отобрав у Олега фонарик и, уменьшив силу света, подошёл к кустам и посветил на меня. Мне ничего не осталось, как зажмуриться и заскулить.

– Бедная псина. Этот маньяк ничего перед собой не видит, везде ему мерещатся всякие страсти. Ничего, псина, не бойся, мы тебе поможем...

Присев на корточки, он стал вынимать меня из кустов.

– Ох, да ты большая и тяжёлая, псина... Ты скотина, Середа, она почти не дышит!

– Я очень этому рад, – злобно бросил Олег, перезарядив пистолет.

– Тебе не кажется, Игорь, что он слишком крупный для спаниеля? – спросил Юра, и я почувствовала, каким подозрительным тоном был задан вопрос.

– Ну и что? Помесь, наверное...

– Не помесь, – раздался голос Анирова. – Экстерьер чистокровной собаки. Но вот размеры, действительно...

– Ребята, странно, – руки Зинченко ощупывали меня. Я тихонько поскуливала, совершенно не представляя, что предпринять. – Я не могу найти рану. Середа не мог промазать с такого расстояния...

Если бы я могла, я сейчас же изобразила бы потоки крови, но увы...

– Ребята, вы можете опять скрутить меня, но эта тварь – оборотень! – Голос Олега прозвучал зловеще. – И он шпионил за нами!

– Игорь, я боюсь, что он прав, – отозвался Юрка.

– Так, – заговорил, наконец, Аниров, – Держите его крепче.

Руки, сильные и тяжёлые, грубо вцепились мне в уши. Теперь, кроме Зинченко, меня держал кто-то ещё. Вокруг усиливался гомон переговаривающихся людей, которые не замедлили сбежаться на выстрелы и возню.

«Валерий!» – в панике позвала я, не надеясь, что он отзовётся. Ответ пришёл через секунду.

«Я рядом. Я близко. Проблемы?»

«Да.»

Он замолчал. Наверное, пробовал установить визуальный контакт.

Через полминуты я услышала: «Укуси. Вырвешься.»

Я попробовала принять позу, позволяющую дотянуться зубами до кого-нибудь, но тщетно. Они были сильнее.

«Нет. Не могу.»

– Свет! – скомандовал Аниров, и в морду мне брызнул свет мощного фонаря.

– Пёс как пёс, – недоверчиво проворчал Зинченко. – Только крови почему-то нет.

Вторая пара рук, держащая меня, потянула за уши, заламывая голову назад. Я поняла, что мёртвые кости вряд ли выдержат, если человек увеличит усилие.

– Орешин, ты ему голову отлочишь! – в замешательстве пробормотал Зинченко.

– Олег, дай мне твою монету, – прозвучал прямо над моей мордой голос брата. Одновременно одна его рука освободила моё правое ухо, вторая же ещё крепче сжала левое.

– Держи, – сказал Олег.

Рука Юрки прошла по моей шерсти. И только теперь я поняла, зачем Валерий сделал меня спаниелем. Чтобы я, случайно соприкоснувшись с серебром, не всякий раз чувствовала боль. Густая вьющаяся шерсть была для этой цели как нельзя кстати. Но ведь это не решение проблемы, если я попалась. Сейчас Юрка найдёт подходящее место...

«Валера, помоги мне!»

«Вся стая вокруг меня. Мы готовы.»

«Нет, Валера! Не смей!»

Я представила себе, как стая жмётся неподалёку, готовая напасть.

«Придумай что-нибудь, Извеков!»

«Кроме атаки? Что же я могу придумать?»

Что-то ткнулось мне прямо в нос. В тот же момент каждая мёртвая клеточка словно превратилась в живую, и раскалённое железо вылилось на моё тело. Как же стало больно!!... Несколько секунд невыносимой боли закончились полным провалом сознания...

Звуки возвращались, прорываясь сквозь ватную пелену. Боль ушла, оставив сильную неприятную дрожь. Гораздо ближе, чем внешние звуки, настойчиво раздавался призыв Извекова:

«Катя! Катя, отзовись!...»

«Избавь меня от этого, Валерий...»

«Я запускаю превращение...»

Что? Так... Значит, в течение полуминуты замученный болью оборотень на глазах двух десятков людей превратится в живой труп. Эффектно. И совершенно невозможно. Среди них Юрка и Олег. Они не должны понять, кто у них в руках...

«Валера, нет!...»

«Я все понял, Катя. Даю отбой.»

– Он, кажется, очнулся, – раздался надо мной голос Анирова. – Неужели мёртвое существо может так кричать? Это же какой-то не собачий вопль...

До меня не сразу дошло, чей вопль они обсуждают. Но вспомнив, как подействовало на Александра серебряное кольцо, я все поняла. Свет фонаря был уже не таким сильным, кто-то уменьшил освещённость, и я смогла приоткрыть глаза.

Множество голов склонялись ко мне с разных сторон и с почтительного расстояния. Зинченко и Юра продолжали держать меня. Олег и Аниров стояли рядом с ними.

– Приложи-ка её ещё раз, возможно это что-нибудь даст нам, – Олег снова протянул Юре серебряную монетку на цепочке.

Я взглянула Олегу в лицо. Какая непростительная, глупая неосторожность! Наши глаза встретились.

Возможно, мне просто показалось, что это тянулось так долго, но тогда я смотрела на его лицо и видела, как постепенно тает густая чёрная ненависть в его глазах. На смену ей пришло недоумение, замешательство...

Аниров вскинул свой фонарь, яркий свет ослепил меня.

– К чёрту! – заорал Олег, фонарь прыгнул, свет исчез. Я увидела, как Олег, вырвав фонарь у Анирова, бросает его на землю. Повернувшись ко мне, Олег снова пристально всмотрелся, было видно, что он боится узнать что-нибудь знакомое в глазах оборотня... И он увидел именно то, чего боялся.

– Боже, у него человеческие глаза, – заикаясь, произнёс Зинченко.

Мы с Олегом продолжали смотреть друг на друга. Руки Олега медленно поднялись к лицу. Он закрыл ладонями щеки, повёл руки выше, к вискам, запустил пальцы в волосы. Губы его беззвучно шевельнулись.

«Валера! Я тебя умоляю...»

«Катя, ты уверена?..»

«Да, Валерий, пока они ещё ничего не поняли, пожалуйста!»

«Но может быть?..»

«Это невыносимо! Они не должны были ничего видеть. Оборви все это, пока не поздно, я тебя умоляю!»

Извеков больше не ответил мне.

Олег сделал шаг вперёд. Юрка, который, видимо, не мог понять, что происходит, выпустил мою голову, встал и шагнул навстречу Олегу, озабоченный внезапной гримасой, искажившей лицо друга.

– Оле-ег! – повелительно позвал Юра, преграждая ему дорогу.

И тут что-то с напором ворвалось в меня. Почти физически ворвалось, словно вспарывая по швам кожаный мешок. Все потухло, почернело, и только невероятное чувство неожиданного нахлынувшей свободы заглушило возникший было внезапный страх.

– Эй, ребята, а пёс-то умер! – раздался голос Зинченко.

Сначала я не поняла, что случилось, где я теперь, почему голоса переместились куда-то в сторону от меня...

Но вот же, вот она, поляна. Люди, толпящиеся вокруг лежащей на земле крупной каштаново-рыжей собаки. Вот и я, бестелесная, невидимая, легко и незаметно приближаюсь к ним. Все на месте, только ничто и никто не сковывает меня...

Валерий сделал все, что нужно было сделать. Все-таки он молодец! Вырвал меня из собачьей шкуры, теперь я свободна.

«Мне жаль, что до этого дошло,» – отозвался вдруг Извеков.

«Спасибо тебе. Все это было бы совершенно ненужным потрясением для них...»

«Наплевать мне на них!» – возразил Валерий и замолчал. Но я чувствовала его незримое присутствие. Он не порвал контакт, он вместе со мной следил за событиями.

Собака была неподвижна. Её трепали, переворачивали, ерошили густую шерсть. Аниров помогал Зинченко, и было видно, что оба они в недоумении.

– Все-таки попробуем ещё раз серебро, – приказал Аниров. – Олег, дай твой медальон.

– Идите вы все к чёрту, – глухо отозвался Олег. Он опустился рядом с Зинченко, приподнял собачью голову.

– Господи, – вырвалось у Анирова. Глаза собаки съёживались, как резиновые шарики, выпускающие воздух через микроскопические дырочки. Через несколько секунд Зинченко с возгласом, в котором смешались удивление и ужас, поднял за волоски отслоившийся склизкий клочок шкуры. Труп собаки на глазах превратился в бесформенную кучу гниющей грязи, из которой торчали рыжие клочки шерсти.

– Немедленно закопать, – распорядился Аниров. – Самойлов и Хромчук! Остальные по местам. Никакого обмена мнениями с другими постами!

Люди потянулись по своим делам. Зинченко, отойдя в сторону и присев на корточки, старательно вытирал руки о влажную траву. Олег ни на шаг не сдвинулся, глядя, как двое парней принимаются за рытьё могилы.

Мысль о том, что это моя могила, моя собственная, привела меня в состояние, близкое к буйному веселью. Наверное, это была своеобразная истерика. Ну кто бы мог подумать, что яма, в которую сбросят мгновенно издохшего и сгнившего оборотня, на самом деле – моя могила?!

Хотя, я ошибалась, считая, что никто не мог такое подумать. По лицу Олега было видно, что он думает именно об этом. Но радость и облегчение, наступившие после моей окончательной смерти, навяли мне такую эйфорию, что я даже не могла сразу оценить, в каком состоянии мои друзья. Пока я только знала, что предотвратила дальнейшее развитие событий, которые не имели права происходить.

Зинченко закончил вытираться и подошёл к ребятам.

– Чертовщина какая-то, – проворчал он и кивнул на Олега. – А с Середой что ещё опять случилось?

– Сам не пойму. Он что-то увидел у этой собаки.

– Он просто посмотрел ей в глаза, – пожал плечами Зинченко.

– В глаза? А что глаза? – переспросил Юра.

– Ты разве не видел?

– У этой не видел. Я просто знаю, что они человеческие. Но мне сзади не было их видно так, как вам...

– Обычные глаза. Самые банальные. Темно-серые. С жёлтыми пятнышками вокруг зрачка... Орешин, что с тобой?!

– Ничего, – Юра, лица которого я не видела, медленно побрёл к Олегу.

Зинченко, заколебавшись, идти следом или нет, остался на месте. Вряд ли он что-нибудь понял, но он был достаточно чутким, чтобы оставить друзей в покое.

– Пойдём отсюда, Олежка, – Юра тронул Олега за локоть. Я ожидала взрывной реакции, но Олег спокойно возразил:

– Разве ты не понимаешь, что произошло?..

– У многих сотен миллионов мужчин и женщин серые глаза.

– Это пустая отговорка, старик, – Олег повернулся к Юре и взглянул ему в лицо. – Мне ли не знать ЭТИ глаза... И не говори, что я свихнулся. Я сейчас, как никогда, в своём уме.

– И все же, ты МОГ ошибиться. Я ХОЧУ, чтобы ты ошибался.

– Обратни Извекова ходят стаей. А этот был здесь один и прятался, подслушивая нас...

– Олежка, дружище, пожалуйста... Зачем ты?..

– А затем, – Олег стиснул плечи друга и, встряхнув его, чётко и спокойно произнёс: – Ей было плохо, и она пришла к нам с тобой. А мы отловили её и пытали своими руками. И убили. Понимаешь, что мы с тобой сделали?

Юра закрыл глаза. Было видно, как дрожат его челюсти, стиснутые в судорожном напряжении.

Единственное, чего мне хотелось в эту минуту: объяснить все ребятам, чтобы не мучились они бессмысленным сознанием вины. Тем более, что никто, кроме меня, не виноват в том, что они снова переживают такую муку. Но увы, я никак не могла это сделать.

Самойлов и Хромчук, молча копавшие в двух шагах от ребят, остановили работу и переглянулись, глядя на странную сцену. Затем один из них что-то шепнул другому и, воткнув в землю лопату, поспешно пошёл к машине.

«Извеков!»

«Да? Тебе опять нужен подонок Извеков.» – горько отметил Валерий.

«Как мне теперь быть? Я не хочу больше этого видеть.»

«Ты капризничаешь. Хочу, не хочу, могу, не могу. Я не бог. Я не могу воскресить Екатерину Орешину. Никто не просил тебя приходить сюда. Ты сама заставила их страдать, теперь некого винить в этом.»

«Валерий! Не может быть, чтобы все так осталось!»

«Прости меня. Я очень зол. Но я не хочу больше удерживать тебя. Ты ещё можешь быть счастливой. Ты даже не представляешь, куда ты сейчас попадёшь... Это красивый спокойный мир, почти точная копия нашего мира. Все узнаваемо, все, что тебе дорого, снова будет с тобой. Даже больше, чем ты можешь себе пожелать...»

Неожиданно прорвавшийся у Валерия поток красноречия вызвал во мне отчаянный протест. О каком красивом мире и покое можно говорить, когда все так тяжело и отвратительно...

«О чём ты, Извеков? Предел моих мечтаний – суметь когда-нибудь заплакать.»

«Бедная девочка... Это так просто. Прости, что не сделал этого раньше...»

Переполюнявившая меня лавина горя неожиданно ослабла. Я впервые после долгого мучительного перерыва поняла, что дышу. Глубокий медленный вдох вдруг прервался, и рыдания взорвали, наконец, накопившееся напряжение, и тёплые слезы потекли по щекам.

– Спасибо, спасибо тебе, Валера!.. – я словно издали услышала свой плач, и сразу же кто-то нежно привлек меня к себе, и я почувствовала мягкие губы, осторожно собирающие с моего лица обильные солёные слезы.

– Проснись, проснись скорее, – услышала я испуганный голос Одера.

Окончательный сильный толчок, сбивший с меня пелену ночного кошмара, наконец рассеял последние остатки забытья.

– Что с тобой, детка? – отстранив меня на вытянутых руках, Одер внимательно вглядывался в моё лицо. – Боже мой, как громко ты кричала, я думал, что-то стряслось.

– Это все гадкий сон! Одер, милый, это был такой страшный, кошмарный сон!

Я прильнула к нему, к его прохладному плечу. Чуть заметный любимый запах одеколона, совершенно неотделимый от Одера, успокоил меня.

– И что только мучает тебя, никак не пойму, – взволнованно произнёс Одер, поглаживая меня по распущенным, разметавшимся по плечам волосам. – И кстати, что это за Валера, и почему это он заслужил такое страстное «спасибо»?

Несколько преувеличенно игривый тон, которым Одер задал свой вопрос, расстроил меня.

– Ты будешь ревновать меня к сну?

– Я просто испугался, – поправился Одер. – Я не знаю, как нужно вести себя, если моя жена уже который раз с плачем просыпается, едва успев заснуть.

– Поверь мне, я даже не помню, что мне снилось, и не знаю, кто такой Валера.

Одер отпустил меня и откинулся на подушку. Полная луна, смотрящая в окно спальни, неровно освещала нашу постель. Глаза Одера блестели, и было заметно, что его беспокойство не прошло. Мне было несколько неловко за происшедшее, но я, и правда, была в полном неведении, отчего мои ночные кошмары участились. Может быть, Одер прав, и пора обращаться к врачу?

Я повернулась и спустила ноги с кровати.

– Куда ты? – удивился Одер.

– Я выйду в сад. Иначе мне не уснуть.

– Я с тобой, – привстал Одер.

– Нет, прошу тебя, не беспокойся. Засыпай, тебе рано вставать.

Я встала, взяла со спинки кресла шёлковый халат, накинула его на плечи, запустив руки под волосы, вытащила из-под ворота свою непослушную кудрявую светлую гриву, нащупала

зажим на туалетном столике и перехватила им волосы. Все это время я чувствовала на себе пристальный взгляд мужа.

Завязав пояс халата, я шагнула к двери.

– Мариэла!

Я оглянулась.

– Ты уверена, что у тебя все в порядке? – настойчиво повторил Одер.

– Ну конечно, я пройдуся и приду, не надо волноваться.

Я вышла, осторожно прикрыв за собой лёгкую дверь спальни. На втором этаже было тихо. Я знала, что мама уже спит, а отец с братом, скорее всего, ещё сидят за шахматами. Не спеша, я спустилась вниз. Так оно и было, из гостиной доносился лёгкий звук, издаваемый кондиционером, притушенный свет торшера освещал журнальный столик с огромной шахматной доской. Отец склонился над фигурами и в раздумье ерошил седые волосы. Кресло брата пустовало. Он лучше играет в шахматы, поэтому у него много времени в ожидании ответного хода отца.

Стараясь не шуметь, я вышла в сад. Брат стоял на крыльце и, запрокинув голову, разглядывал звезды. Мне не хотелось сейчас разговаривать с ним, но он, конечно же, услышал меня и обернулся:

– Мари? Что случилось?

– Ничего, просто не спится.

– Опять кошмары?

– А ты откуда знаешь? – я неприятно удивилась.

Он пожал плечами:

– Одер рассказал. Он считает, что тебе надо поговорить с доктором. Ты всегда была странной, но я никогда не думал, что это настолько серьезно.

– Неужели так важно, что я вижу во сне? Я даже не смогу объяснить врачу, что такое мне снится. И в конце концов, не надо постоянно опекать меня, это очень неприятно.

Фелим протестующе поднял руку:

– Не сердись. И не ругай Одера за то, что он мне все рассказал. Хотя, если честно, я считаю, что все твои проблемы исключительно из-за этого парня. Ты постоянно волнуешься за него, это не проходит бесследно...

– Перестань, Фелим. Мне это надоело!

Я обошла его и поспешно сошла вниз по ступеням. Брат остался наверху, замурлыкал какую-то мелодию.

В какой-то степени он был прав. Я не могла не волноваться за Одера – но лишь тогда, когда его не было рядом. А сейчас, когда мы вместе, не было на свете другой женщины, которая была бы так же спокойна и счастлива, как я.

Я шла по садовой дорожке, и звук собственных шагов, мягкий и шуршащий, вернул мне ровное настроение. Слезы давно просохли, взволнованная нежность Одера сделала своё дело. Умиротворение, наконец, воцарилось в моей душе.

Я вышла к искусственному пруду, который Фелим сам придумал и сделал прошлым летом. Здесь было чудно. Полная луна покачивалась на дне водоёма, одна из посаженных братом кувшинок выплыла на своём длинном стебле почти на самую середину пруда. Здесь можно было сидеть вечно. Потому что здесь было хорошо. И поэтому даже мелькнувшая мысль о предстоящих Одери соревнованиях не нарушила моего безоблачного настроения. Дурной сон испарился без следа. Жаль только Одера, что ему пришлось так поволноваться...

Едва покачивающаяся гладь воды притягивала глаз. Хотелось смотреть на неё, не отрываясь. Я знала, что пруд совсем не глубок, и днём прекрасно видно дно, но сейчас водоём казался бездонным и таинственным.

Неожиданно на дне пруда что-то мелькнуло. Сердце моё тревожно ёкнуло. Какое-нибудь земноводное? Нет, не похоже. Я всмотрелась...

Не на дне, а на самой поверхности появился силуэт. Нечёткое видение. Я зажмурилась, чтобы отогнать непрошенные галлюцинации, но перед моими закрытыми глазами чётко и ясно возник незнакомый мужчина. Средних лет, со скуластым осунувшимся лицом, с перехваченными сзади длинными светло-русыми волосами. Опершись локтями о какую-то поверхность, он сидел неподвижно, и плечи его судорожно вздрагивали: он плакал...

Я открыла глаза и обнаружила, что сижу, неловко запрокинувшись на скамье. Обморок прошёл, видение исчезло. Ни на воде, ни под водой не было никого и ничего.

Я не знала, что это было. Я только вдруг отчётливо поняла, что я знаю этого человека, и знаю, отчего он плачет. Только я внезапно забыла все это...

Очнувшись, я почувствовала сильный озноб. Стало холодно, я вскочила, потирая ладонями плечи, и поспешила к дому. Мне вдруг сильно захотелось оказаться в своей комнате, где меня вряд ли станут преследовать непрошенные видения, где можно накинуть на плечи что-нибудь тёплое или согреться в нежных объятиях Одера. Я безумно любила свой дом, поэтому даже Одер отказался от мысли купить после свадьбы собственный. Он перебрался к нам, не желая попусту меня огорчать. В нашем доме места хватит на всех.

Это был большой, просторный дом, построенный давным-давно по проекту моего отца. Это было поистине чудесное творение. Каждая стена дома была непохожа на другую. Каждый фасад – стиль, настроение, плавные переходы плоскостей и полусферических поверхностей, нежные цвета. А внутри неизменные тёплые звуки и нежные запахи дома, моего дома, где много людей, любящих и любимых.

Сердце отчего-то тревожно забилось, разгоняясь все сильнее и сильнее, я слышала, как оно колотится о рёбра. И внезапно пришло чувство безоговорочной уверенности: я точно знала, почему плакал незнакомый мужчина. Он оплакивал мою смерть...

Я взбежала на крыльцо, не чувствуя под собой ног. И тут... Да, все-таки, хотя и не зажегся в окнах желанный свет, входная дверь широко распахнулась мне навстречу. Не останавливаясь, я с разбега попала в сильные нежные руки Одера.

Глава 10

– Почему ты ещё не встала? – Одер вышел из ванной и недоуменно уставился на меня.
– Я не хочу вставать, – отозвалась я и натянула на себя одеяло.
– Разве ты не поедешь со мной на автодром? – удивился он. Его глаза обиженно заблестели.

– Я хотела, но...

Одер присел ко мне на постель. Его палец скользнул по моей левой щеке, а на лице обиду сменило беспокойство.

– Что? Мариэла, лучше сразу скажи мне, тебе опять плохо?

Его измученный взгляд вынимал душу.

– Нет, все в порядке.

– Никаких галлюцинаций? – уточнил Одер.

– Никаких. Мне просто кажется, что я немного простудилась. Знобит. А мне так хотелось с тобой поехать, – соврала я. От необходимости лгать мне и вправду стало нехорошо. Я всегда избегала лжи в отношениях с Одером, даже в мелочах. Но сейчас мне хотелось, чтобы он поскорее ушёл.

– За время твоей болезни я проиграл три этапа. Потому что мысли мои были очень далеко от трассы, – печально усмехнулся Одер. – Но, если ты скажешь, чтобы я остался с тобой, я останусь, потому что думать одновременно о тебе и о трассе совершенно мне не под силу.

– Что ты выдумал? Отправляйся на тренировку! Немедленно, а то опоздаешь. Я поправлюсь, потому что хочу быть на автодроме во время следующего этапа, – я и этого вовсе не хотела. Просто иначе я не могла сказать. Потому что Мариэла не могла бы поступить по-другому, а я все-таки Мариэла. По крайней мере, все меня ею считают, не могу же я сразу всех разочаровать.

– Ты обещаешь никуда не выходить за пределы сада?

– Ну конечно.

Одер встал и ушёл в гардеробную одеваться. Я облегчённо перевела дух. Мне нужно было скорее остаться одной. Одер очень действовал мне на нервы. Его постоянное внимание, ахи, охи, вздохи, сочувственные вопросы не давали мне уйти в себя, не давали возможности заглянуть туда, за пределы моего мира, где остались боль и страдания двоих людей, которых никогда раньше не встречала Мариэла, но которых она теперь знала лучше, чем кого бы то ни было. И в страданиях этих людей была виновата я. Нет, не Мариэла Витмар. А я другая.

Я знала, как выглядит эта другая женщина. Я видела ее и раньше. В снах. Не очень часто, но достаточно, чтобы запомнить. В тех снах она все время была мной, а я ею. Тогда во сне я не отдавала себе отчёта в том, что мы с нею не одно и то же, потому что мы были совершенно друг в друге: мыслями, ощущениями, даже движениями.

А потом я видела её несколько раз за время моей болезни. Но уже отвлечённо, словно старую киноплёнку. Я уже не ощущала себя с ней одним целым. Видения приходили в ряду прочих, а отнюдь не во сне. Поэтому, скорее всего я просто видела чужие грёзы или воспоминания. Я видела её – или себя – чужими глазами. Она была так же молода, как и я. Но лицо её, совершенно простое, было самым обычным, и волосы нелепо короткими, жидкими, фигура – слишком спортивной, чтобы быть по-настоящему привлекательной. Она жила там, где-то там, далеко. Да, она была другой. Но я все-таки стала ею, и уже не во сне, где все нереально, сказочно и эфемерно, а наяву. Я помнила пока ещё очень немного из её жизни. Она же, пока была жива в том мире, ничего не знала обо мне. Хотя, кажется, она видела наш мир и мой дом в своих снах, и не раз. И не по своей воле, но она ворвалась в меня.

Она была резкой, своенравной девчонкой с замашками мальчишки-хулигана. И как это могло случиться, что я вдруг не только узнала о ней все наяву, а словно узнала какие-то новости о себе самой? Словно Мариэла Виттмар жила двумя жизнями одновременно, каждая из которых текла совершенно независимо от другой. Словно она все это время была в забытии, и вдруг очнулась и вспомнила о себе что-то такое, что раньше было скрыто. Это смахивало на начальную стадию шизофрении, я чувствовала, что во мне теперь параллельными рядами идут две судьбы, два пласта воспоминаний, два характера.

Но самое странное во всем этом было то, что прежде, чем вспомнить и увидеть ту девчонку, которая силой вошла в меня, я вспомнила тех двоих, которые все время были рядом с ней. Я поняла, что виновата перед ними, что я их люблю, и мою вину перед ними и боль от того, что я не с ними, заглушить было ничем невозможно. И с тех пор, как я это поняла, я перестала паниковать и бояться произошедшей со мной перемены. Я перестала думать о Кате – так звали ту девчонку – как о другой, непрошено вмешавшейся в мою жизнь. Я стала думать о ней, как о себе.

Мариэла сдавалась. Отступала. Безмятежное существование в окружении красивых вещей, добрых и приветливых людей, привычный, милый сердцу образ жизни – все это вызывало горькую досаду. И отчаяние, от которого хотелось выть, кидаться на стены, или по крайней мере, разбивать то, что можно разбить.

Я выходила в свой прекрасный, ухоженный сад, который всегда мог взбодрить, успокоить, но пребывание в саду теперь с новой силой вызывало чёткие, связные видения: то воспоминания, то отрывочные картины настоящего, происходящего там... не знаю, где оно, это самое «там».

Одер считал, что я серьёзно больна. Я, и правда, была похожа на больную первые несколько недель. Но тогда я была испугана и подавлена, сначала мне казалось, что кто-то играет со мной в злую, жестокую игру. И только когда новые видения соединились со старыми снами, все встало на свои места...

Шум мотора, возникший под окнами, оторвал меня от размышлений. Я встала и подошла к окну. Фелим и Одер собирались уезжать. Фелим уже сидел в машине. Я вдруг поняла, что непростительно дурно обошлась с Одером только что, и мне стало стыдно. Он любил меня, в этом не было никакого сомнения. И Мариэла любила его. А Катя Орешина с ужасом понимала, что тащит Мариэлу за собой прочь от прежних привязанностей, заполняя все моё существо своими.

– Мари, я готов, – раздался голос Одера. Я обернулась к двери. Одер был полностью экипирован. Значит, ему уже пора ехать.

– Удачи тебе, – отозвалась я. – Я буду думать о тебе и желать тебе удачи.

– И все? – недоуменно уточнил Одер.

– Ну а чем мне ещё заниматься?

Одер развернулся и пошёл прочь. И я вдруг поняла, что он имел в виду своим вопросом. Не разбирая дороги, я бросилась за ним.

– Одер!

Он остановился у самой лестницы, ведущей вниз. Я бросилась ему на шею и крепко прижалась к нему.

– Прости меня, Одер! Прости, я сама не понимаю, как и что со мной происходит.

Его руки сомкнулись на моих плечах. Одер не мог сердиться на меня дольше минуты. Он нежно поцеловал меня. Только такого прощания он ждал, а не холодного, хоть и дружеского «Удачи!».

Фелим внизу просигналил.

– Не хватало опоздать к старту, – засмеялся Одер и, отстранив меня, побежал вниз, прыгая через три ступеньки. Светлые пряди на его затылке смешно подскакивали в такт его

прыжкам. Пружинящей походкой он дошёл до входной двери и, обернувшись на пороге, с улыбкой помахал мне рукой. Я ответила ему тем же. Через несколько секунд они уехали, и снова воцарилась тишина.

Я поднялась к себе. Пустота дома, раньше не очень-то нравившаяся мне, теперь была желанной. Родители уехали в свой ежегодный круиз, и до вечернего возвращения брата и мужа я могла вволю насладиться одиночеством. Я понимала, что сейчас все посыплется на мою голову с новой силой. Но уже то, что никто не мешает мне самой справляться со своими проблемами, немного утешало меня.

Хотя в моем положении не было совершенно ничего утешительного. Больше всего меня расстраивали и смущали две вещи: как быть с Мариэлой, с её жизнью, и как сделать так, чтобы снова вернуться в тот мир, которому не было названия здесь. А в том, что туда можно вернуться, я почему-то не сомневалась. Я подозревала, что я просто не все вспомнила. Я помнила всю жизнь Кати Орешиной, но никак не могла вспомнить имя её врага. Я уже несколько раз видела страшную неприятную картину: на темной аллее собачья стая устраивает резню. И ещё одну сцену: столпившиеся на поляне среди колючих кустов люди пытаются прикончить рыжего пса-оборотня. И я прекрасно помнила теперь, что это все было именно со мной, с Катей.

Я даже помнила теперь то, что мой враг так тщательно от меня скрывал. Я поняла, кто спас тогда на аллее Олега. Я поняла, что это я, я сама дала приказ своему врагу прекратить бойню. Я помнила, как видела всю сцену сверху, вспомнила свои отвлечённые мысли по поводу увиденного, и теперь я поняла, что не только Катя, не одна она присутствовала там, но и Мариэла, для которой это был очередной ночной кошмар. И, кажется, кто-то ещё. Даже не кажется, а точно. Как так получилось, что три личности оказались вместе и в едином порыве преградили дорогу тому, кто пытался разрушить то, что было дорого Кате? Наверное, это была случайность. Но враг слишком испугался тогда, чтобы принять это за случайность. Опасаясь мести, он закрыл от Катерины её собственные воспоминания, чтобы она не поверила в себя и в свои силы, превосходящие силы того, против кого ей стоило их направить...

Я оделась и вышла из дома в сад. На небе постепенно собирались тяжёлые, низкие облака, ветер, довольно холодный, стягивал их со всех сторон. Я подумала об Одере, о том, что тренировку автогонщикам, видимо, придётся заканчивать в дождь. Я очень этого боялась. Но вот парадокс: эмоциональная встряска – это как раз то, что было мне все время нужно. Это было то, ради чего я вообще интересовалась автогонками. Смертельный риск, поминутно возникающий на трассе, делал для меня необычно привлекательным весь процесс. Я никогда ни с кем, даже с Одером, не делилась мотивами, побуждавшими меня пристально следить за соревнованиями ещё тогда, когда я была незнакома с Одером...

Страсти и пристрастия – это, в общем-то, область, мало поддающаяся логическому анализу. Внутренние струны либо молчат в ответ, либо лениво гудят, либо взрываются... Почему то, что одних задевает до глубины души, у других вызывает равнодушие, а у третьих презрение? Да просто потому, что так оно есть.

Всю жизнь, с раннего детства я постоянно ощущала себя нежным цветком, любовно и старательно оберегаемым от всех неприятностей. У меня было все, что можно было пожелать. Родители, терпеливо и ласково воспитывающие своих детей, мягкие, добрые люди, к тому же довольно рано добившиеся значительного положения в обществе. Отец был одним из самых известных и модных архитекторов, что давало возможность всему семейству ни в чём не нуждаться. Всю жизнь меня окружали красивые игрушки, добрые книги, умные и весёлые учителя. На все это родители не жалели денег. Правда, у меня никогда не было друзей. Почти безвылазно я сидела в пределах нашего дома и сада. Да, у меня были настоящие домашние зверинцы в саду, но никогда не было ни одной подруги. Наверное, так можно было бы сойти с ума, но у меня был старший брат. Наверное, ни у одной девчонки в мире

не было такого брата. Фелим был старше на четыре года. Сколько я себя помню, он был добродушен и снисходителен ко мне. Он был тихим, задумчивым и спокойным мальчиком, никогда не шалил и не дрался, да и не с кем ему было подраться. Он спокойно и философски сносил мелкие пакости, которые я время от времени ему подстраивала, и все время рассказывал сочинённые им самим невероятные героические истории про удивительные приключения отважных, независимых людей.

За всю мою жизнь никто ни разу не сказал мне грубого слова, никто ни разу не оскорбил и, не дай Бог, не ударил меня. Мне не с кем было даже перекинуться парой колкостей. Можно ли вообще вообразить себе такую тепличную жизнь? Наверное, нет. Хотя и нарочно такого не придумаешь. Впрочем, Мариэла была счастлива в тягучей, неспешной, раз и навсегда установленной атмосфере.

Но по-настоящему счастливой я стала год назад.

Фелим, повзрослев, избрал своей профессией создание гоночных автомобилей. Кто знает, может быть, именно это и было его мечтой, и он добился, чтобы она стала реальностью. Но так или иначе, это стало его страстью. Одер говорил мне, насколько ценили и уважали Фелима в клубной команде машин класса «торнадо», при которой тот был инженером.

Я сначала была совершенно равнодушна к бешено ревущим жучкам, стремительно отмеряющим на трассе круг за кругом. Потом я все же заинтересовалась, что же могло привлечь во всем этом Фелима? Мне трудно было это понять. Но все изменилось после того, как Фелим впервые взял меня на соревнования. Впервые я видела гонку не на экране видеоприёмника, а живьём. И впервые я не слышала нарочито бодрого, нудного комментатора, который обычно сопровождает репортажи для дилетантов, которые сами не в состоянии уследить за расстановкой сил на трассе, и для любителей дешёвых сплетен о знаменитостях. Мне же Фелим отдал один из свободных переговорников. Все наушники и микрофоны, принадлежащие команде, были связаны в одну сеть. И едва я надела наушники, как незнакомый стремительный мир ошеломил меня, очаровал и намертво приклеил к себе.

С тех пор я редко пропускала соревнования, полюбила бывать с Фелимом на тренировках на стадионах и в клубе. Он находил мне место на территории бокса команды, откуда было все видно: и трасса, и суeta техников, и предстартовые ритуалы пилотов. Когда же начинали оглушительно завывать моторы, и разноцветные жучки-«торнадо» пускались в многочасовую гонку, я надевала переговорник и погружалась в водопад страстей. Чего только не приходилось услышать за время гонок! Те, кто смотрит и слушает обычные репортажи, даже не представляют, какой суррогат из сплетен и досужих рассуждений им подсовывают каждый раз. Я же смотрела и слушала, боясь пропустить хоть слово.

Я слышала яростные споры инженеров и техников, которым за считанные секунды приходилось находить единственно приемлемое техническое решение. Я слышала их обсуждения хода гонки, сопровождаемые такими тонкостями, что вначале незнакомые термины звучали, как фантастическая музыка. Я слышала короткие команды диспетчера пилотам, частенько перемежающиеся крепким словцом или солёной шуткой. А самые молчаливые люди – пилоты... Я слышала их голоса редко, только тогда, когда они просили совета или помощи, или огрызались, когда были недовольны балаганным трёпом шутников.

Я удивлялась, как каждый из клубной команды, имеющий свою отдельную задачу, мог разобраться в этой мешанине голосов. И только позже, много позже я смогла понять, что в какофонии голосов, перебивающих и заглушающих друг друга, есть, тем не менее, своя величественная упорядоченность, иерархия, слаженность и точность, подчинённые одной общей цели: победе.

Мне казалось, что это была настоящая жизнь. А если уж быть до конца точной, то это была лишь одна из сторон жизни, но дающая такие сильные эмоции, без которых некоторым натурам очень трудно жить, а раз окунувшись в них, невозможно отказаться, как от нарко-

тика. Это была жизнь, резко отличающаяся своим темпераментом от той, что я знала с детства, лихая, не терпящая тягучести и неизвестности. Это было ново, красиво, зажигательно. После моего затворничества на меня обрушилась масса новых знакомств. Множество людей настолько поражали моё воображение, что я была довольна уже тем, что просто нахожусь среди них, вижу, как они действуют, слышу, что они говорят.

И все они, какие бы функции они ни выполняли в команде, упивались тем, что они делают. Потому что не было главных и второстепенных. Все были заняты общим делом. Как один большой дружный улей. Только в этом улье каждая пчёлка была поистине незаурядной личностью.

Мне доставляло удовольствие наблюдать за людьми во время работы на соревнованиях. Смотреть им в глаза. Замечать чёткие отработанные жесты. Особая статья – пилоты. Откуда только брались эти отчаянные люди, удел которых все время оставаться на виду, завершать своими отчаянными прорывами общую, выстраданную всей командой работу? Именно пилоты оказывались в самом центре переплетённых между собой страстей. Битва техники друг с другом. Борьба пилота с капризами этой техники и с погодой на трассе. Столкновение характеров и нервов соперников. И не нужны многословные комментарии, воспевающие героизм и волю к победе. Лучше бы вместо пустых слов посмотрели хоть раз в глаза человека, сидящего в кабине жучка перед стартом, когда уже инженеры и техники перестали мучать машину и пилота последними наставлениями, когда датчики ещё безошибочно следят за состоянием систем и телеметрия не подводит. Сколько упорства и надежды на себя, на машину, на друзей, сколько нетерпения поскорее сорваться со стартового места. И посмотрели бы они в эти глаза потом, когда гонка для пилота кончена. Кончена победой, подходящей позицией на финише, безнадёжным местом в хвосте итоговой таблицы, досадной мелкой поломкой на трассе, серьёзной аварией – выбор финала довольно широкий.

Именно там, на соревнованиях, в мою жизнь вошёл Одер. Я сразу заметила этого красивого стремительного парня, немногословного, чуть-чуть замкнутого. Он был ещё новичком в клубе и ездил всего второй сезон. Фелим восхищённо отзывался о нем, и действительно, Одер Виттмар стал постепенно выигрывать этап за этапом. Перед стартом он взял за правило приветственно махать мне рукой и показывать поднятый вверх большой палец. После финиша поздравления он принимал смущённо и радостно, искренне благодарил друзей. Напоследок он всегда снова махал мне рукой.

Однажды мне пришлось остаться дома, я наблюдала гонку по видеоприёмнику. Одера вынесло с трассы на полной скорости, жучок влетел в резиновые блоки заграждений. Такая неудача случилась с ним впервые, Одер водил свой жучок азартно, но аккуратно. Никогда он не позволял себе ненужного риска, боялся подставить других пилотов. И вдруг сошёл совершенно на пустом месте. В тот вечер после соревнований Фелим вернулся домой не один, а в компании Одера, подавленного и мрачного. «Это произошло со мной, потому что сегодня я остался без своего самого дорогого талисмана», – пояснил он в ответ на мои расспросы.

И все. Все было решено слишком быстро. Мы только потом начали узнавать друг о друге разные бытовые мелочи. После того, как поняли, что стали совершенно неразлучны. Я была для Одера талисманом. Он стал самым популярным и любимым пилотом у болельщиков. Его полосатый жёлто-коричневый жучок с любого стартового места практически всегда вылетал вперёд и вёл гонку за собой. И почти ничто не могло ему помешать.

Ничто не могло бы помешать ему добиться и моей руки. Правда, никто и не думал чинить ему препятствия. Если бы у меня когда-нибудь были подруги, все поумирали бы от зависти, узнав, за кого я вышла замуж. Чемпион, лихой гонщик, блестящий молодой красавец. Мечта.

Бедный Одер. Он рассчитывал, что его талисман будет незыблемым. Вечным. Преданным и неизменным. Откуда ему было предполагать, что Мариэла растворится, исчезнет, а ее

законное место займёт незнакомая неизвестно откуда взявшаяся девчонка? Полная противоположность мягкой, неконфликтной, плывущей по течению Мариэла. Собранный, серьёзный, целеустремлённый, Одер был выбит из колеи происходящими во мне переменами. Он остался без своего талисмана на некоторое время, и как результат – несколько неудачных стартов подряд. Конечно, суеверия тут совершенно ни при чём. Но Одер любил меня, и то, что со мной происходило, вызывало в нем протест и беспокойство.

Меня же сейчас больше беспокоил вопрос, как узнать, что будет дальше. Как я смогу вернуться туда, где остались те, кто искренне и горько оплакивали мою нелепую смерть? Там, далеко, неизвестно где, я жила стремительно и бурно, имея множество друзей и врагов, занимаясь непривычным для молодой девушки делом в компании надёжных и близких мне людей. Это была тоже моя жизнь. Хотя Мариэла за свои двадцать лет не сделала ничего путного, все то, что за это время удалось Екатерине, это тоже была моя жизнь. Я так чётко её помнила...

Я пришла к своему любимому месту у пруда. Обычное спокойствие и тишина этого места уже больше не производили на меня прежнего гипнотического действия. Я уже не упивалась красотой этого крошечного пейзажа. Просто в этом месте лучше вспоминалось, и приходили прежние, затерявшиеся в пути ассоциации и мысли Кати. Я знала, что если захочу, то смогу вызвать сама нужное мне видение. Но я этого не хотела, пока не узнаю, что я могу предпринять из более существенного...

– Мариэла!

Голос не напугал меня, потому что показался знакомым. Принадлежал он безупречно одетому черноволосому мужчине с небольшой бородкой, который стоял на дорожке сада. Мариэла испуганно вскрикнула бы и бросилась бы к дому. Но Катя даже не моргнула глазом.

– В чем дело? Кто вы?

– Здравствуй. Ты не узнаешь меня? – человек прошёл несколько метров, разделяющих нас, и остановился почти вплотную ко мне.

Конечно, я его знала. Мариэла видела его лишь во сне. Но Катя знала его слишком хорошо. Кажется, недостающие звенья в цепочке воспоминаний сами собой встали на своё место. Вся система, перепутавшаяся в процессе переходов и превращений, неожиданно приняла в моей голове свой первоначальный вид.

– Валерий! Как ты меня нашёл?! – я схватила его за руки. – Зачем ты здесь?

– Помнишь! Я боялся, что у меня что-нибудь не получится. Я мог ошибиться в расчётах. Но Мариэла – это то, что надо, – усмехнулся он, оглядывая меня с головы до ног.

– Да, но я предпочла бы оставаться Катериной.

– Ты все помнишь? – посерьёзnel Извеков.

– Я вспоминала даже то, что ты от меня скрыл, подлая твоя душа!

– Фу, как не вяжутся такие слова с этими прелестными губками! – покачал головой Валерий. – Ты о чём?

– Теперь я знаю, кто спас Олега от твоего гнева.

Валерий наклонил голову:

– Да, так оно и должно было произойти. Вдвоём Катя и Мариэла запросто смогли это вспомнить. Хорошо ещё, что в ту ночь ваша третья подруга тоже спала крепким сном, и её сознание набрело на нашу грешную реальность. Втроём вы объединили усилия, и я не совершил ещё одной страшной ошибки.

– О ком ты говоришь? Какая такая третья подруга?

– Твой последний аналог, – пояснил Извеков. – Но пусть она останется им навсегда. Я хочу, чтобы Мариэла жила долго и счастливо.

– Ох, Валерий, все совсем не так, как ты хочешь. Или ты просто боишься, что после перехода в последний аналог я смогу легко справиться с тобой?

– Да, сможешь, но я не этого боюсь. Может быть, потом я объясню тебе, чего я боюсь...

– Ты вспомнил, кто тебя держит на мушке? Ты вспомнил Даррину?

Валерий горько покачал головой.

– Ничего я не вспомнил. Но пришёл к выводу, которого и буду придерживаться дальше: если они от меня хотят того, чем я занимался раньше, сами оставаясь в тени, я прекращаю делать то, что делал до этого. Поэтому я очистил Рай от пришлых людей, разогнав их всех по своим реальностям. Я убрал из Сылве всех зомби, отправив их души туда, куда им заблагорассудилось отправиться после смерти. Я оставил пустой Рай. И пусть его штурмуют силы безопасности. Пусть не оставят от него камня на камне. Все двери закрыты, а новых я не открыл ни одной. Только кое-что из старого осталось для личных надобностей... – голос Валерия сорвался.

– Чтобы уйти в каменный мешок? – уточнила я.

Валерий молча кивнул. Я видела, как он кусает губы, силясь успокоиться. Да, то, что он решил сделать, можно считать поступком. А если учесть, что он бросил на растерзание своё любимое детище, повинувшись не фактам, а одной лишь своей интуиции, основанной на предположениях, это был поступок вдвойне.

– Пойдём в дом, Валера, я угощу тебя кофе.

Он покорно пошёл за мной. Он был явно рад тому, что мы встретились, и даже тому, что высказался. И у меня почему-то появилось чувство жалости к нему. Да, он был и остался человеком, причинившим страдания мне и моим друзьям. Но я стала сомневаться, что Валерий Извеков остался мне врагом.

Мы вошли в дом, я провела Валерия в гостиную и пригласила сесть. Через пару минут был готов кофе. Валерий с благодарностью принял чашку и молчал до тех пор, пока не опустошил её до конца.

– Я очень рада, что вижу тебя, – призналась я.

Валерий едва не поперхнулся последним глотком кофе и поспешно отставил чашку.

– Вот это новость так новость! – удивился он. – С чего бы это?

– Теперь я, наконец, привела в порядок свои мысли. Теперь я знаю, чего я на самом деле хочу. И это потому, что ты пришёл ко мне.

Валерий пожал плечами и оглядел интерьер гостиной.

– Валера, ты их видел?

– Кого? – беззаботно отозвался Валерий, рассматривая картины на стенах.

– Не прикидывайся.

– Да видел, видел... – он мельком взглянул на меня и снова принялся за картины. – Ты же знаешь, что с ними всё в порядке. Разве ты сама не «подсматривала» за ними?

– Да, но это были лишь сны и обмороки, в которые я сама себя вгоняла, когда только ещё вспоминала все.

– Тогда больше не делай этого. Быстрее забудешь.

– Что я должна забыть?

– Да все, что было с Катей там. Теперь ты Мариэла. Теперь у тебя спокойная, счастливая жизнь, а всё, что было раньше, тебе следует забыть как можно скорее. И не вздумай этому сопротивляться. Ты сделаешь только хуже себе и своей семье. Я знаю, что говорю, можешь мне поверить, – Валерий все-таки взглянул мне прямо в глаза и усмехнулся: – Хотя вы и очень разные, но эти глаза... Я как будто вижу Катерину.

– Ты и видишь Катерину, – сказала я. – Мариэла оставила мне только оболочку, её душа не в силах бороться со мной.

– Мне бы очень не хотелось, чтобы это было так, – нахмурился Валерий.

– Ах, оставь, пожалуйста! Что тебе хотелось, никого не волнует. Я говорю о том, что есть, – я встала, потому что не в силах была больше сидеть неподвижно. Валерий молча

следил, как я перемещалась туда-сюда по комнате. – Я обрела теперь новую жизнь, но она не устраивает меня. Совершенно не устраивает.

– Но почему?

– Потому что это не для меня.

– Но все эти годы такая жизнь была как раз для тебя!

– Черт тебя возьми, Извеков! Я Катя! Понимаешь, я – Катька Орешина!!

Он тоже встал и попробовал удержать меня от нервной беготни. Я схватила его за руку:

– Уведи меня отсюда, Валерий!

– Куда?! – удивился он.

– Обратно, в Сылве! Немедленно, прямо сейчас!

– Тихо, тихо, – он сделал попытку толкнуть меня в кресло, но я вырвалась. Тогда он успокаивающе поднял руки: – Не надо кричать! Все равно я не могу никуда тебя увести, тем более в Сылве. Там, наверное, все уже рушится, все погибло.

– Но ты же можешь придумать что-нибудь! Тебе под силу открыть новую дверь.

– Я не стану этого делать! Я больше не хочу разрушать ничью жизнь! – заорал Валерий прямо мне в лицо. – Ты что, хочешь, чтобы твои родные вернулись и не нашли тебя нигде? Ты подумала о них хоть немножечко?!

– А ты подумал! Ты уже подумал за меня и все решил. Снова все решил! Ты решил, что я должна быть тебе благодарна за этот тихий омут? Это что, по-твоему, предел моих мечтаний?

– Несколько недель назад мне показалось, что у тебя был некий предел мечтаний... – глухо сказал Валерий. – Мне также показалось, что кто-то меня о чем-то умолял...

– Прости меня, Валера... – у меня вдруг подкосились ноги, и я вцепилась в руку Валерия, стараясь не упасть. – Я, наверное, совершенно неблагодарная тварь. Но я хочу снова вернуться к своему брату.

– Твой брат живёт в этом доме. И он скоро придёт. Ты же не хочешь причинить ему неприятности. Вряд ли он их заслужил. А твои родители? У Кати Орешинной не было родителей. Разве живые родители не достаточная причина, чтобы остаться с ними?

От слов Валерия у меня закружилась голова. По очереди сменяя друг друга, в голове моей скакали мысли, одна противоречивее другой. Да, Валерий был прав, совершенно прав. Но как же можно отказаться от того, что осталось там?..

– Валера, мне нужно вернуться к Юрию! Он тоже не заслужил ничего из того, что я ему подстроила! К тому же здесь все здоровы и счастливы, они и без меня прекрасно обойдутся! Я нужна по-настоящему только Юрке!!!

– Красивое и жестокое заблуждение, – отрезал Валерий.

– Да пойми же ты, наконец, что я не могу жить в мире, в котором нет самого главного! – я осела бы на пол, если бы Валерий меня не подхватил. Я с силой вырвалась из его рук. – Почему же ты меня не понимаешь?! Мне не нужен даже самый счастливый мир, если в нем нет Олега!..

– Глупая девчонка, ну что ты говоришь?! Неужели я должен и мужа тебе рекламировать?

– Не надо об Одере. И ты мог бы не делать вид, что моё отношение к Олегу тебя удивляет...

– Я не делаю никакого вида. Я даже кое-что тебе принёс, – Валерий отстранил меня, поддёрнул рукав и снял с запястья обтянутый синим бархатом браслет.

Я выхватила его, прижала к себе и обессиленно прислонилась к плечу Валерия. Я снова была готова горячо благодарить его.

– Пожалуйста, Валера, верни меня домой, к ребятам.

– Я не могу позволить себе сделать такое. Ты должна быть здесь!

– А если я умру, и моя душа перейдёт в последний аналог, я смогу сама пройти в свою реальность? – идея пришла неожиданно и показалась единственным спасением.

– Сможешь, – кивнул Извеков. – Но учти, что никто не знает, чего захочется той, третьей женщине после того, как ты влезешь в неё со своими намерениями. Возможно, её личность справится с вами обеими, и подчинит вас себе. Так что не стоит пробовать. У тебя нет причин для самоубийства. Сейчас я уйду, ты успокоишься, и все пойдёт своим чередом.

Он осторожно усадил меня в кресло. Я, наверное, должна была остановить его и попробовать убедить его в том, что мне лучше знать, как я должна поступить. Но странное оцепенение не дало мне и рта раскрыть. Я вцепилась в браслет Олега, как в свою последнюю надежду.

Это было все, что осталось у меня от той жизни. У меня было новое тело: куда более красивое, чем у Кати. У меня теперь было тонкое, безупречное классически красивое лицо и невероятно пышные кудрявые волосы. Но у меня осталось то, что не могло измениться от простого подселения души. У меня осталась нежная привязанность к брату.

И то, в чём раньше я никогда не признавалась себе – любовь к Олегу.

Там он был просто старший друг. Опытный, надёжный, весёлый. Мне не хотелось теперь думать, что так же, как и со мной, он вёл бы себя и с любой другой девушкой, которую передали бы под его ответственность. Мне хотелось иметь исключительные права на его помощь, поддержку, на его улыбку, и даже на его упрёки. Но теперь это было глупо. Он остался там. И я теперь меньше всех имею на это право.

– Валера! – я подняла голову и оглядела комнату. Извеков исчез. Сколько минут я просидела в оцепенении? Мне показалось, что прошло всего несколько секунд.

«Валера!» – я призвала его, не надеясь получить ответ. И действительно, он промолчал, видимо, твёрдо решив не поддаваться на новые капризы Кати-Мариэлы.

Я надела браслет на руку, откинулась в кресле и закрыла глаза. Пусть Валерий говорит своё. Пусть Одер настойчиво пытается вывести меня из раздвоенного состояния зарождающейся шизофрении. Я знаю, чего хочу, и я этого добьюсь.

Я уснула сразу же, тяжело и беспробудно, как научилась делать это в последнее время, отдаваясь моим последним надеждам – снам.

Лёгкое головокружение. Искорки боли в висках. Переливчатые круги перед глазами... Темнота постепенно рассеялась. Медленно проступили знакомые уже очертания номера в гостинице Сылве. Полумрак, скрывающий мелкие подробности интерьера. Тяжёлые шторы опущены. В спальне тихо. Человек лежит на развороченной постели вниз лицом, не раздевшись и даже не сняв ботинок. Длинные медные волосы спутались и разметались по спине. На одежде пыль, грязь, копоть, масляные пятна. Где это только Олег лазил? Мне захотелось подсесть рядом, запустить пальцы в эти жёсткие непокорные волосы и приласкать Олега. Но отсюда, из сумасшедшей дали, я могла только влезть в его сон.

Это был тяжёлый, мутный и жестокий клубок бреда, который нельзя было разделить на какой-то связный сюжет. Олег лез по груди развалин, перебираясь через покорёженные прутья арматуры, обломки блоков и груды битого стекла. Сильные порывы ветра несли клоушья бумаги и пыль. То тут, то там раздавалось сдавленное вымученное собачье скуление. Слыша его, Олег бросался из стороны в сторону, пытался своротить какие-то плиты. «Где же ты, где ты?» – почти беззвучно шевелились его губы. – «Я найду тебя!»

– Не надо, Олег! Остановись!

Олег в отчаянии завертелся на месте, пытаясь разобраться, где находится источник голоса.

– Не ищи собаку, Олег. Успокойся.

Кажется, сквозь мутную завесу он разглядел меня.

– Ты кто? – пробормотал он.

- Это я, Катя. Ты не узнаешь меня?
- Узнаю, – решительно сказал он. – Где ты? Зачем ты ушла туда? Вернись, не надо нас так пугать...
- Олег, я не могу вернуться сейчас. Ты подожди. Я придумаю что-нибудь. И я вернусь.
- Катюша, ты жива? – Олег протянул ко мне руку. – Тогда иди сюда!
- Если бы я могла! Я ещё вернусь. Я люблю тебя. Я вернусь...
- Катеринка!!.. – сон исчез. Олег с криком подскочил на кровати, потрянул головой и потёр лицо руками. – Боже мой, ну и приснится же...
- Отворилась дверь и вошёл брат. Он тоже был грязный и запыханный, руки исцарапаны.
- Что за вопли? – устало спросил он и опустился на постель, в изнеможении вытянув ноги.
- Ну что, разгребли? – вместо ответа спросил Олег.
- Куда там, там работы на полгода. Мне, конечно, не зайти было слишком далеко, но и так понятно, что это было нечто грандиозное, – вздохнул Юрий.
- Ты о главном давай, – оборвал его Олег.
- Да нет там никого, ни души. Пусто. Ни живых, ни мёртвых.
- Мне сейчас приснилось... – Олег замялся.
- Ничего путного тебе не могло присниться, – отрезал Юрий. – Лучше оставь свой сон при себе. А ещё лучше – забудь.
- Она сказала, что жива и вернётся.
- Кто? – уточнил Юрка.
- У неё было другое лицо и длинные светлые волосы. Но это была она. Это была она, и она сказала, что вернётся.
- Старик, не мотай мне нервы! – попросил Юра. – Лицо, волосы... Сон – он и есть сон. Олег хотел ещё что-то объяснить, но лицо его скривилось, и он отвернулся. Юра вздохнул:
- Надо возвращаться домой. Здесь нам больше нечего делать. Мы не можем жить на развалинах. Это никому не нужно. Дома нас ждут дела... Ты слышишь, что я тебе говорю? Свои чудесные сны ты сможешь смотреть в любом месте...
- Олег медленно повернулся. На его лице играла презрительная улыбка.
- Юрка опешил:
- Олечка, ты что?
- Ничего. Мой суровый серьёзный босс не велит мне говорить глупости?.. Если даже с другом я не могу побыть самим собой, на кой чёрт мне вообще иметь с ним дело?!
- Извини, Олег. Я не прав... Но всё же, – Юрка звонко шлёпнул Олега по спине, – давай собираться домой.
- Медленно и нехотя Олег поднялся на ноги...
- ... Господи, что опять случилось?.. – я слышала сквозь сон чужой взволнованный голос.
- Открыв глаза, я увидела Одера и Фелима. Побросав на полу сумки, они склонились над моим креслом.
- В чём дело? – удивилась я.
- Как это, в чём? – возмутился Одер. – Ты спишь и плачешь!
- Я провела ладонью по своей щеке. Действительно, лицо все в слезах.
- Чья это чашка, и что это такое? – поинтересовался Фелим, указывая на браслет.
- Это моя чашка и моя вещь. И я не хочу больше слышать ваших расспросов! – я повысила голос.
- Муж и брат переглянулись, и Одер примирительно сказал:
- Молчим.

– Вот и молчите.

Я встала и пошла наверх, на ходу вытирая слёзы. Меня взбесили не столько их вполне резонные расспросы, сколько то, что из-за них мне пришлось покинуть Юру и Олега. Если бы можно было, я держала бы контакт столько, сколько оказалось возможно. Идя по коридору, я слышала сзади шаги Одера. Он, словно конвоир, не решался обогнать и шёл за мной до самой спальни.

– Как прошла тренировка? – окликнула я его.

– Нормально. А как ты? – Одер пробовал быть равнодушным.

– И я нормально.

Господи, действительно, лучше убежать куда-нибудь из этого плена. Ничем не провинился передо мной этот парень. Я знала, что он хороший человек. Но мне он был совершенно не нужен, вместе с его любовью и жалостью. Не нужен и этот дом, и все, кто в нем живёт. Я сама себе не нужна, если не найду выхода.

Валерий был прав: Рай разрушен. Юрка с Олегом ничего не нашли в его обломках. Хотя и непонятно, что они надеялись найти там? Они же знали, где зарыты останки рыжего спаниеля... Конечно, Олег скоро перестанет грустить по поводу своего чудесного многообещающего сна. И вообще, сколько способен человек грустить в разлуке? Как долго он будет избавляться от боли? Как скоро воспоминания о потере перейдут в разряд светлой ностальгии? Наверное, быстро. Но при условии, что потеря невозможна и в принципе безвозвратна. Ну а если остаётся пусть даже теоретическая возможность вернуть того, с кем был разлучён, тоска и боль ни за что не ослабевают, а крепнут и становятся злее, делая вслед за собой злее и самого человека. Я поняла, что именно это и стало происходить со мной.

Если бы у Кати Орешинной были десятки аналогов, если бы не существовало Рая и Валерия, если бы Мариэла никогда не ощутила в себе другую женщину, то и прежняя жизнь, и Олег Середа, и Юрий Орешин стали бы подспудными, грустными и светлыми эпизодами снов. И никогда не появилось бы у Мариэлы безумной цели – вернуться.

Но я-то знаю, что вернуться назад можно! Если не хочет этого сделать Извеков, я смогу сама. Нужно только сделать все правильно. А поскольку все это возможно, нетерпение совершенно законным образом начало глодать меня. И вряд ли кому-нибудь будет под силу удержать меня.

– Мариэла, откуда у тебя этот браслет?

– Это мой браслет. Мой. И не начинай все сначала!

Одер в раздражении с размаху швырнул сумку на постель.

– В чем дело? Что это за фокусы, Мари?

– Неужели ты ревнуешь?

Лицо Одера вспыхнуло:

– Если бы могла увидеть себя со стороны, ты не спрашивала бы меня об этом!

– А что было бы, если бы я могла себя увидеть?

– Ты поняла бы, что ты стала совершенно другим человеком.

– Да, Одер, я – другой человек. И мне совершенно все равно, как ты на это помотришь.

Глава 11

Автодром бурлил в предвкушении скорого начала гонки. Небо над трассой было ещё затянуто тучами, но дождь перестал с час назад, и покрытие осталось лишь чуть влажным. Я сидела на своём обычном месте, у открытой смотровой площадки и наблюдала, как техники возятся с жучком Одера. Что-то вышло из строя в последний момент, поэтому они очень спешили и были крайне озабочены. Одер уже скрылся в раздевалке. Времени на подготовку оставалось в обрез.

Минут через десять Фелим, подняв голову от жучка и отыскав меня, махнул рукой на раздевалку:

– Мари, поторопи его, пожалуйста, время уже выходит.

Я повесила обратно на подставку переговорную систему и, соскочив с сидения, прошла в раздевалку.

Одер был уже в комбинезоне и возился с застёжкой.

– Фелим торопит, что ты застрял?

Одер пожал плечами:

– Все из рук валится. И вчера, и сегодня. Сам не пойму, что такое. Руки дрожат.

– Не выдумывай, – я подошла к нему и помогла с застёжкой. Полосатый жёлто-коричневый комбинезон ладно сидел на нем. – Вот, всё в лучшем виде. Кажется, принято решение пройти первые три круга на дождевых колёсах.

Одер тряхнул головой, отбрасывая назад светлую чёлку, нетерпеливо сморщился:

– Перестраховщики. Потом терять время на переобувку. Ребята последнее время делают её слишком медленно.

– Всё тебе не так. Не ворчи. Ты стартуешь четвертым. Это совсем неплохо.

– Я не ворчу. Я просто жду, когда ты скажешь мне всё? – он взглянул мне в глаза и отвернулся, надевая перчатки.

– Что я должна сказать?

– С кем ты разговаривала сегодня ночью?

– Ты что, спятил? Это было во сне...

– «Во сне, во сне»! Я только и слышу это!

– Тебе стартовать через десять минут, – я попробовала уйти от неприятного и, самое главное, совершенно бессмысленного разговора, которому, к тому же, в раздевалке было совсем не место.

Одер покачал головой:

– Посмотри, во что ты меня превратила, Мари!

– Что ты ноешь, как капризная баба?! – возмутилась я. И тут же пожалела о своём выпад. У Одера даже руки опустились, он посмотрел на меня очень странно и сказал:

– Где ты набралась таких выражений, детка?

– Каких, черт возьми, выражений?! Ты замучил меня своими претензиями, но я же не ною! А могла бы! «Что ты говоришь? С кем ты говоришь? Что ты видишь? Что ты слышишь?» Ты мне надоел! Господи, как же ты мне надоел!

Я повернулась, чтобы выйти, но Одер схватил меня. Я резко рванулась и освободилась от его руки:

– Не трогай меня больше своими руками. Никогда! Нигде! Ты понял?!

– Но, Мариэла!.. – Одер развел руками. – Господи, что же это происходит?!

– Я тебе потом объясню.

– Нет, сейчас! – он решительно подступил ко мне.

Я сдерживалась изо всех сил. Но, видимо, что не дано, то не дано. Слишком напряжённые и издёрганные за последние недели нервы не выдержали.

– Хочешь сейчас?! Я скажу. Тебе очень не понравится, но я скажу... Я собираюсь уйти, Одер.

– Что значит «уйти»? Куда?

– От тебя, от всех. Вообще уйти отсюда. Далеко.

– Что ты несёшь? – растерялся Одер. – Я зря обижаюсь на тебя, ты совершенно больна, бедняжка! Ты безумна, девочка...

Он сделал попытку обнять меня, но я ударила его по рукам:

– Ты зря так думаешь!

– Но, Мариэла!..

– Я больше не Мариэла! Ты сам тогда сказал: я совсем другой человек. Я не Мариэла. И у меня другая жизнь. В ней нет тебя. Ты мне в ней не нужен!

Одер побледнел. Он то надевал, то снимал перчатки, нервно теребя их.

– Его зовут Олег? – уточнил он.

– А ты догадлив, оказывается. И не ломай себе голову над тем, откуда он взялся, это бесполезно.

– На это мне наплевать. Мне хотелось бы знать другое, откуда ты взялась такая... – произнёс он и, оттолкнув меня от двери, вышел из раздевалки.

Мне стало гадко и стыдно. Получилось не просто некрасиво, а глупо и мелко. Недостойно. Но что сделано, то сделано. Следующий разговор будет легче и спокойнее. Я искренне собралась провести его именно так.

Когда я выбралась на свой наблюдательный пункт, машины с гонщиками уже стояли на стартовой позиции, с включёнными двигателями. Я поспешно надела наушники.

– Одер, будь полегче с передачами... – произнёс Фелим. Ответа не было.

– Одер, слышишь? – вставил диспетчер. Но Одер молчал. – Виттмар, проснись. Пошёл отсчёт.

Запищал стартовый таймер. Машины рванули с места.

Первые три круга пролетели быстро. После них жучки по очереди стали залезать в боксы на смену шин. Трасса уже была высушена самими машинами, и теперь ничто не должно было сдерживать азартный напор гонки.

Пока жучки переобувались, жёлто-коричневая машина Одера вышла на первую позицию. Нарастивая скорость, он бросился в отрыв. Команда недоумевала и неистовствовала. Одер не отвечал на призывы, игнорируя всех, кто к нему обращался, летел и летел вперёд.

– Он что, собрался всю трассу пройти на дождевиках? – недоумевал Фелим.

– Это выйдет ему боком, – сокрушался диспетчер. – Одер, все готово, мы ждём тебя. Подтверди остановку.

– Заткнитесь, – пришёл угрюмый ответ. – Я сам решу, когда заезжать.

Что-то нехорошее шевельнулось у меня в груди. Я поняла, что Одер расстроен, но очень не хотела, чтобы он наварлся из-за этого на неприятности.

Одер намного опередил тех, кто, сменив шины, кинулся за ним в погоню.

– Одер, разрыв тридцать секунд, – предупредил Фелим. – Не дури, Одер. Хватит, заезжай.

Ответа не было. Время шло. Никогда я ещё не видела такого. Никто не решался так гнать на дождевиках.

– Ты надорвёшь движок, парень, – заметил кто-то из инженеров.

– Отрыв тридцать восемь секунд, – следом напомнил Фелим.

– Через два круга встречайте, – коротко отозвался Одер. Я немного перевела дух. Значит, он ещё отдавал себе отчёт в том, что делал.

Бокс ожил, механики заняли свои места. Жёлто-коричневый жучок влетел на разметку и замер. Три секунды. Пять. Восемь... Что-то долго. Тринадцать. Жучок полетел дальше. Ребята утирали пот, переругиваясь друг с другом. Нервозность не проходила.

– Что этот чёртов придурок затеял? – чья-то недоуменная реплика риторически повисла в воздухе.

– Чёртов придурок затеял сделать их всех, – последовал глухой ответ Одера.

Побывав в боксе, он сохранил лидерство. Группа преследователей приблизилась и теперь шла с отрывом в десять секунд, но это тоже было значительное преимущество. Одер, видимо, так не считал. Он набирал обороты. Круговые, попадавшие ему на пути, испуганно шарахались к бровке, пропуская бешено несущегося лидера и не желая быть смятыми.

– Кажется, это предел, – услышала я среди прочих возгласов замечание специалиста, что следил по телеметрии за поведением машины. – Он дожал её до упора. Я же говорил: нельзя рвать с места...

– Одер, ты слышишь? – озабоченно спросил Фелим. – Пощади машину, это может плохо кончиться.

– Я слышу, – отозвался Одер по-прежнему ровным голосом.

Он упорно летел вперёд. Но я уже видела, как машина несколько раз «встала», не отреагировав, видимо, на очередное ускорение, которое Одер решил ей придать. Эти едва уловимые глазом дёргания означали, что из машины преждевременно выжаты все соки. Одер все-таки сорвал движок, прорываясь вперёд посуху на дождевиках. Преследователи круг за кругом отыгрывали секунды.

– Одер, отрыв четыре секунды.

– Я вижу, – бесстрастно отозвался он.

Прекратились все разговоры в боксе. Все напряжённо смотрели за отчаянными попытками машины подчиниться неуёмному гонщику. Жучок, идущий вторым, уже перестроился из хвоста в параллельную позицию и наращивал скорость, секунда за секундой подтягиваясь вровень с машиной Одера.

До финиша оставалось семь кругов. Суший пустяк. Все говорило за то, что Одеру не удержаться. Соперник был уже на полкорпуса впереди...

– Боже, что он делает?! – зазвенел паническим ужасом голос телеметриста.

Жёлто-коричневый жучок почти прыгнул вперёд, оставив позади соперника. Разрыв увеличивался. Два метра между машинами. Три... Пять... Впереди плелся круговой. Одер рванул на обгон, вместо того, чтобы подождать, пока его пропустят...

Все произошло в две секунды. Никто не успел и глазом моргнуть, как весёлый полосатый жучок попал передним колесом на антикрыло кругового и взвился в воздух, завертевшись веретеном... Машина летела по воздуху, задевая за покрытие трассы и высекая снопы искр. Следовавшие за ней жучки кинулись врассыпную, предусмотрительно выскакивая на обочину и врезаясь в резиновые ограждения. Только машина, шедшая второй, не успела никуда свернуть и врезалась в жучок Одера как раз в тот момент, когда взлетевшая машина рухнула посреди трассы. Раздался взрыв, повалил дым, полетели в разные стороны клочки металла...

Я видела, как с разных сторон к месту аварии бросилось множество людей. Как гонщики вылезают из своих машин и бегут к горящим факелам посреди трассы, пытаясь хоть чем-то помочь попавшим в беду товарищам. Но я не могла даже сдвинуться с места. Если бы там был кто-нибудь другой, а не Одер, я помчалась бы туда вслед за всеми, но... Я отказывалась поверить, что такое могло произойти с Одером. Этого не могло быть...

В несколько секунд спасатели погасили пламя. Клубы пены летали над десятками голов. Я, наконец, смогла встать и сделать несколько шагов. Я пошла туда, все же пошла,

не веря, что это всё-таки произошло... Меня мутило от страха и холодной нехорошей тревоги.

Когда я добралась до места аварии, люди уже расходились, чтобы помочь каждый своей команде откатить машины в боксы. У останков двух жучков суеились спасатели и врачи. Двое поддерживали окровавленного парня, пилота второй машины. Он был ранен, но жив, и даже сам переставлял ноги.

Я не сразу узнала в смятой обгорелой куче металла и резины машину Одера. То, что от неё осталось, не оставляло абсолютно никакой надежды... Несколько спасателей с помощью какого-то оборудования пытались разрезать искорёженный корпус.

Откуда-то из группы столпившихся вокруг людей прямо на меня выбрался Фелим, совершенно потрясённый и бледный. Он, вроде бы, не сразу узнал меня, но, видя, что я пытаюсь подобраться к самой машине, решительно оттащил меня в сторону:

– Не надо, Мари, не лезь...

– Он жив?

Фелим покачал головой:

– Какое там... Он погиб почти сразу при взрыве... Все сплющено, ребята пытаются извлечь тело...

– Я хочу его увидеть!

Фелим крепко ухватил меня за плечи и окликнул одного из ребят, вертевшихся тут же:

– Грилл, я уезжаю, позвоните мне домой...

Не обращая внимания на мои протесты, Фелим потащил меня прочь от трассы. Только когда мы были уже далеко от места аварии, и я, оглядываясь, заметила тучу сбежавшихся репортёров, я поняла, от чего избавил меня Фелим. Проведя меня через проход между трибунами прямо на стоянку, Фелим открыл свою машину и затолкал меня внутрь. Я утонула в высокой мягкой спинке сидения.

Фелим исчез куда-то, бросив меня одну в машине. Пошёл дождь, крупные капли колодили в стёкла и крышу, ручейками стекали вниз. Небо плакало вместо меня. Я сама себе удивлялась, но несмотря на то, что тоска и боль не давали вздохнуть, плакать не хотелось. Я думала о том, убрали ли с трассы машину, о том, будут ли сегодня возобновлять этап, о том, насколько серьёзны травмы того, второго участника столкновения. Но об Одере я боялась даже подумать. Мне не хотелось представлять себе покалеченный труп. Хорошо, что Фелим увёл меня, и я не видела ничего. Я хотела запомнить его живым. Я знала, что его душа сейчас где-то здесь, рядом со мной, наверное, ему все так же больно после нашей гадкой ссоры.

– Ты здесь, Одер?... Я знаю, ты меня слышишь... Зачем ты поверил мне там, в раздельке? Не поверил бы, остался бы жив... Глупый...

Конечно, никто мне не ответил. Но я знала, что он меня слышал.

Пришел Фелим, сел на своё место, озабоченно взглянул на меня:

– Как ты, Мари?

– Что там?

Фелим вздохнул, сунул ключи в замок и завёл двигатель.

– Что может быть там?... Эх, Одер, как же ты мог выкинуть такое свинство...

– Не вини его, он этого не заслужил, – отозвалась я.

– Мари, девочка, прости, но у меня может быть своё мнение. Он не мог не знать, во что может вылиться его сумасбродство... – Фелим стронул машину и вырулил на шоссе. – И теперь вот его больше нет...

– Теперь он будет жить где-нибудь далеко отсюда. И будет любить тебя, Фелим, и ненавидеть меня...

Фелим мельком взглянул на меня, боясь надолго отвести глаза от мокрого шоссе.

– Мари, я прошу тебя... Что ты такое говоришь?..

Я протянула руку и включила видеоприёмник. Ну, конечно, последние новости уже пошли в эфир.

— ...Страшная трагедия разыгралась всего четверть часа назад на трассе очередного этапа автогонок в классе «торнадо». Лидер чемпионата Одер Виттмар и Сэл Росси, занимавший до сегодняшнего дня третью позицию, закончили яростное единоборство на трассе серьёзной аварией, которая стоила жизни любимцу поклонников и поклонниц автоспорта. Одер Виттмар погиб в кабине своего жучка за шесть кругов до финиша. По утверждениям специалистов, он вёл гонку слишком рискованно и безрассудно, словно рвался к этому трагическому финалу. Поговаривают, что цепь неудач на нескольких последних этапах чемпионата, которые преследовали Виттмара, была следствием его личных неприятностей. Всем известно, что три месяца назад Виттмар женился на самой красивой и самой богатой наследнице нашего города. Но вскоре стало ясно, что блестящая партия не принесла счастья известному автогонщику... Как печально сознавать, что жизнь гонщика может зависеть не только от собственного мастерства и опыта, не только от качества и уровня техники, но и от капризов богатых красавиц...

— Сволочи!! — Фелим вырубил приёмник, едва не разбив его. Его руки, сжимающие руль, побелели. — Я найду ту гадину, которая распустила язык перед репортёрами, и убью своими руками!..

— А ведь они правы, Фелим, — констатировала я. Да, они были правы. Это очередная неосторожная проделка Кати Орешинной. Она забыла, что для Мариэлы Одер кое-что значил. Вернее, не забыла, но позволила себе пренебречь такой мелочью. Пренебречь жизнью молодого красивого парня, не делавшего своим друзьям ничего дурного, только добро. Я ненавижу лютой ненавистью эту глупую куклу Мариэлу. Правы, правы эти чертовы репортёры. Во всем правы. Мариэла позволила Екатерине отобрать у неё все: её чувства, её мысли, её желания, её привязанности и заменить их своими. Поэтому Мариэла должна получить то, что заслужила.

— Мари, ты не в себе, — заметил Фелим. — Я начинаю за тебя бояться.

— Почему? — равнодушно спросила я.

— Извини, но реакции у тебя не совсем нормальные...

— Не суди по себе...

— А я сужу по себе! — вскипел вдруг Фелим. — Мне и то расплакаться хочется, потому что я совершенно убит...

— Остановись, пожалуйста.

Фелим затормозил.

— На той стороне аптека. Пойди и купи для меня лекарство.

— Какое? — раздражённо спросил Фелим.

— Объяснишь, в чем дело. Тебе посоветуют. Мне плохо, мне нужно что-нибудь сильноедействующее.

— Ну, подожди тогда, — Фелим вышел из машины, накинул капюшон на голову и побежал через дорогу к аптеке.

А я сразу же провалилась в забытьё. И сразу же поняла, что я под пристальным вниманием человека, влезшего в мой бредовый сон.

«Ты зря надеешься, что Фелим позволит тебе проглотить всю упаковку сразу. Он не так глуп», — ясно и чётко прозвучал в моей голове знакомый голос.

— Зачем ты подсматриваешь, Извеков? Если бы ты забрал меня с собой, ничего этого не было бы.

«Тебе не кажется, Катя, что ты набралась у меня слишком дурных манер? Умоляю тебя, не повторяй моих ошибок, уж я-то знаю, о чём говорю. Ну что за дела ты там творишь?..»

Я с усилием открыла глаза, но не могла в точности определить, проснулась ли я полностью. Фелима в машине ещё не было, а дождь вовсю хлестал по стеклу.

– Зато теперь меня ничто не держит здесь. И ты плохо меня знаешь, если думаешь, что меня теперь что-то остановит. Таблетки не единственное, что может мне помочь. Есть и ещё способы...

Мой взгляд остановился на ключах, все ещё покачивающихся в замке зажигания.

Мой сон превратился в бред. Я видела все наяву, но мне чудился взвинченный голос Извекова:

«Катя, поверь мне, не стоит этого делать!»

Я пересела на место водителя и повернула ключ. Машина Фелима была отменным экземпляром. И хорошо вела себя на мокром шоссе. Даже на большой скорости. Я выжала газ до конца. Так, как это сделал Одер. Может, он все ещё видел меня? Тогда он должен меня понять.

«Катерина, брось. Остановись. Вернись обратно.»

– Нет, Валерий. Здесь за поворотом есть один очень симпатичный обрыв...

Пройдя поворот, я решительно повернула руль, разворачивая машину в пропасть... Падение продолжалось секунд пять. Первый удар о скалу был скользким, но я все-таки разбила голову об оконное стекло дверцы. Боль была ощутимой, но через пару секунд сильнейший удар встряхнул меня, и невыносимая жгучая боль возникла и почти сразу растаяла вместе со страхом и отчаянием... А вместо этого видения неторопливо, тихо, отвлечённо и ненавязчиво проходили друг за другом.

И все лица, лица, знакомые и незнакомые... Картины сменяли одна другую. Возмущённый, оскорблённый моими выпадами Одер. А потом искорёженный жучок и изуродованное тело молодого светловолосого парня... Лазающий по развалинам Рая Олег. Сердитый и раздражённый Юрка... Могила рыжего спаниеля в колючих зарослях... Машины дорожной службы, сгрудившиеся на краю обрыва. Обломки красного спортивного автомобиля, раскиданные повсюду на дне пропасти... Фелим, сидящий на камне под ливнем и закрывший лицо руками.

Слезы просились наружу, но что-то не давало им вырваться. Как-то совершенно незаметно я поняла, что проснулась. Было холодно. Я покрутила головой. Что-то мешало движениям, шею тянуло. Я открыла глаза и с удивлением обнаружила, что левый глаз забинтован. Потрогав повязку, я убедилась, что вся голова похожа на кокон. Щека и шея с левой стороны не сильно, но ощутимо поднывали.

Я села и огляделась. Все в порядке. Моя камера. Только на полу грязь, какие-то клочки, куски, щепки. Словно после побоища.

Звякнул замок. Кельстер otvorил дверь и хмуро взглянул на меня. Его маленькие недобрые глаза обвели комнату. Мне захотелось плюнуть в его ненавистную физиономию или запустить чем-нибудь, но снова нарываться на побои мне не хотелось. Кельстер был существом бесцеремонным, и бил, не раздумывая.

– Очухалась? Дура ненормальная.

– Я пить хочу, – отозвалась я, чувствуя нестерпимую жажду. Словно у меня несколько дней во рту не было ни капли.

Кельстер вернулся в коридор, и вошёл ко мне уже со стаканом. Я потянулась к нему рукой.

– Ну-ну, руки назад! – рявкнул он и, дождавшись, пока я убрала руки, ткнул стакан мне в губы. Так было неудобно, и вода лилась мимо, оставляя мокрые пятна на рубашке. Сделав несколько глотков, я отстранилась.

– Почему на мне бинт?

– Не помнишь? Ну, естественно, – хмыкнул Кельстер и наподдал ногой какие-то обломки. – Разнесла всё неделю назад, Даррине в волосы вцепилась. А потом разбила посуду, сломала ложку, кричала, что виновата в смерти какого-то Одера, почему-то расцарапала сама себе физиономию этой самой ложкой... Конечно, теперь ты этого не помнишь.

– А вот в этом ты, Кельстер, ошибаешься. Я очень многое помню, – я встала и обошла вокруг стола. На нем стояла табуретка с надломленной ножкой и валялся мусор. – Я хочу, чтобы отсюда убрали эту грязь.

– Что-о-о? – Кельстер лишился дара речи. Его толстый живот возмущённо заколыхался, а челюсть отвисла. – Убрать? Грязь? Давно ли тебе появилось дело до грязи?

– И я хочу зеркало.

Кельстер шумно сглотнул и, задом толкнув дверь, поспешно выскочил в коридор. Пусть бесится. Сейчас поднимет шум. Закричит, что ненормальная дура ещё больше свихнулась. Зеркало требует.

Зеркало мне было сейчас необходимо. Мне нужно было увидеть, какой же окончательный облик приобрела Катька Орешина. То, что я осознала себя в ту же секунду, как пришла в себя, не удивило меня ни капельки. Как говорится, первый блин комом, зато второй – как по маслу. Но главная причина была, по-видимому, в самой личности. Рэста. У неё не было ничего: ни судьбы, ни памяти, ни целей, ни мыслей. Недаром же её держали в такой конуре: высокий потолок, мрачные зелёные стены, битая плитка на полу. И холод. За несколько минут после пробуждения я продрогла, и мне ничего не оставалось, как завернуться в тонкое байковое одеяло.

Интересно, что это все-таки за заведение, почему меня здесь держат? Я никогда не спрашивала об этом у Кельстера. Впрочем, этот жирный боров все равно не стал бы ничего мне говорить. К тому же я поняла, что слишком ненавижу его, чтобы опускаться до расспросов.

Ситуация была более, чем любопытная. Я прекрасно помнила все про себя: все, что было со мной, как с Катей, все, что было со мной, как с Мариэлой. Но я почти ничего не могла припомнить о Рэсте. Словно и не было такой. А Рэста хорошо помнила обеих девушек. Она не просто помнила их, она все время видела их во сне и ощущала себя по очереди то одной, то другой. Она пропускала через себя все, что происходило с ними двумя.

Может, такое положение вещей было даже выгодным? Ведь не возникало ничего лишнего, ничего, что сковывало бы теперь мои действия. Теперь придётся по порядку выяснять, где я, что я такое, почему я здесь. И самое главное, как далеко отсюда дверь в мой мир, и как можно её открыть. Столько раз я слышала от Валерия о дверях, но его полунамёки так и не объяснили мне, как это – открывать двери.

Никакой перемены в своём состоянии, никаких необычайных способностей у меня не возникало. Преимущества единого сознания как-то не спешили о себе заявлять. Хорошо бы сейчас быть не одной, а вместе с кем-нибудь, кто смог бы помочь хотя бы советом. Но увы. Сама захотела, сама и расхлёбывай.

Мне вдруг стало страшно. Я подумала об этом, и тут же пришла чёткая насмешливая реплика Извекова:

«Вот тебе и с добрым утром! Падать в пропасть она не боялась, а тут струсила!»

И это уже не был навязанный сон, это был чёткий контакт, такой же, на какой я была способна в Раю.

– Привет, Валера! Ты где? – я обрадовалась, что он по-прежнему связан со мной.

«Я у себя. В „каменном мешке“, ты же знаешь.»

– А где я?

«Я понятия не имею. Мне не видно ничего. Визуальный контакт не получается. Я только по-прежнему могу поговорить с тобой, и только.»

– Как мне найти путь домой, Валерий?

Он молчал. Наконец, ответил:

«Не думай, что я и здесь буду стараться тебя задержать. Там у тебя не то место, где стоило бы задержаться. Но помочь тебе я пока ничем не могу. Ты почувствуешь сама, когда нужная дверь будет близко...»

Дверь в камеру распахнулась, и высокая женщина в чёрном стремительно вошла ко мне. Эти блестящие глаза и чёлка с нанизанными на неё бусинками были мне уже хорошо знакомы. Вот и она. Это было неожиданно, но приятно, и возможно, что вполне закономерно. Наконец-то, мои путешествия и броски из одного состояния в другое достигли хоть какой-то осмысленной точки.

– Кельстер сказал, что тебе лучше, – осторожно заметила она.

Входную дверь она оставила открытой, а из коридора за нами пристально наблюдал Кельстер. Что это могло означать? Только то, что меня боялись. Это радовало. Если бояться, значит, имеют основания. Значит, мы их чем-нибудь да возьмём!

– Я бы не сказала, что мне лучше. Мне холодно, у меня болит голова, я хочу есть. Наконец, мне надоел этот свинарник, – я кивнула на пол.

– Что ж, возьми и убери сама, – серьёзно сказала Даррина. Похоже, она хотела посмотреть на моё дальнейшее поведение, чтобы разобраться, действительно ли с Рэстой произошла перемена, та самая, которой они ждали и боялись.

– Ещё чего?! Я что, по собственной воле тут сижу? Кто меня сюда посадил, тот пусть и убирает.

– Кельстер! – крикнула она. Тюремщик высунулся, и Даррина коротко приказала: – Наведи здесь порядок.

– В смысле?.. – Кельстер неопределённо помахал рукой.

– Как положено, – строго приказала Даррина. – Чтобы к нашему возвращению все было в полном порядке. Пойдём со мной.

Я встала и шагнула вслед за ней.

– Оставь одеяло, – брезгливо поморщилась Даррина.

– Ну уж нет. Во-первых, мне холодно. Во-вторых, моя одежда в таком состоянии, что лучше её чем-нибудь прикрыть. Ещё я просила зеркало.

– Тому, с кем ты будешь разговаривать, абсолютно безразлично, как ты выглядишь, – отрезала Даррина. – Если хочешь, можешь идти с этой тряпкой, только поторопись. Виллен ждать не любит.

Кроме того, что Виллен не любит ждать, я знала о нем ещё кое-что. Я знала, что он не любит шутить. Такое впечатление оставили у меня слова Даррины, сказанные ею тогда, когда она угрожала Извекову. Ничего другого о Виллене мне пока не было известно.

Мы вышли в коридор, и Даррина молча указала направление. Я, запахнувшись в одеяло, пошла вперёд. Может быть, мне показалось, но Рэста была вроде бы выше ростом, чем Катя и Мариэла. Грязные, неопределённого цвета волосы, торчавшие из-под бинтов с правой стороны, не очень-то радовали меня, но я надеялась, что меня не долго продержат в этом свинском состоянии.

Даррина шла сзади, и её каблуки звонко постукивали, и эхо разносило звук во все стороны коридора.

Блестящие однотонные стены, двери, ответвления коридоров. Какой-то большой муравейник, то ли тюрьма, то ли больница. Рэста никогда не знала, что это. Но Катя узнает.

Прогулка по коридорам была долгой и запутанной. Вряд ли Даррина специально плутала по закоулкам, скорее всего, здесь просто иначе до цели было не добраться.

Стены коридоров постоянно меняли свой цвет, Тот коридор, куда мы, наконец, добрались, являвшийся, видимо, целью нашего путешествия, был светлым и многолюдным.

Десятки мужчин и женщин самых разных возрастов перемещались по нему, сталкиваясь поминутно друг с другом, и не обращая друг на друга никакого внимания. Большинство из них были в блестящей чёрной униформе и при оружии. Катя никогда не видела подобного оружия. Было даже непонятно, на каком принципе оно основано, но на огнестрельное оно не походило. Рэста могла бы, конечно, припомнить, что это и с чем его едят. Но у бедняжки Рэсты, скорее всего, совершенно не было мозгов.

Тем не менее, на нас обратили внимание. Возможно, им нечасто приходилось видеть подобные экземпляры. Но, едва мы прошли несколько метров, стало ясно, что внимания удостаивают отнюдь не меня. Все непременно поднимали глаза и бросали на мою спутницу встревоженные, а порой заискивающие взгляды. Похоже, меня сопровождало далеко не последнее лицо в этом королевстве запутанных коридоров.

Мы свернули ещё раз и вышли в просторный холл, где по углам стояли мужчины с каменными лицами в извечной позе скупающего телохранителя: ноги на ширине плеч, руки за спиной, ни малейшего проблеска мысли в глазах. Но я знала, насколько бывает обманчиво такое обличье. Стоит только «запахнуть жареным», как сразу заиграют мышцы, готовые к любому действию, заблестят глаза, от которых не укроется ни одно движение. И вместо безмозглого, тупого на вид существа, вы будете иметь дело со сжатой пружиной, подчиняющейся опыту, навыку, острому уму и безошибочной интуиции. То есть с тем, что называется профессионалом.

Охрана молча и равнодушно оглядела нас, их лица не выразили удивления. Даррина, не останавливаясь и не произнося ни слова, подошла к высокой двери и решительно приложила руку к индикатору замка. Замок пискнул, и дверь отворилась.

– Проходи, – она резко взмахнула рукой.

Это был большой светлый зал, отделанный жёлто-медовыми плитами, без всяких прикрас, штор и прочей ерунды. Большой стол-кольцо, несколько кресел вокруг, какой-то видео-прибор с огромным полированным экраном.

– Стой, – командовала Даррина и повернулась к высокому мужчине, шагнувшему к нам откуда-то из бокового выхода. Когда мужчина приблизился, Даррина положила правую ладонь на левое плечо и низко склонила голову перед ним.

– Ну, – мужчина нетерпеливо отмахнулся от ритуального приветствия. – Что это за чучело ты мне привела?

У него был низкий густой голос, который совершенно не вязался с его внешностью. На вид ему было не больше сорока. Породистое умное лицо человека, знающего цену себе и другим. Нос с небольшой горбинкой, губы чёткого рисунка, глаза... Его глаза были мне знакомы. Темно-карие, блестящие, неподвижные. И короткие белёсо-бесцветные с рыжиной волосы.

– Это та самая женщина, о которой я тебе сообщила.

– Ты специально её так одела? – недовольно заметил мужчина.

– Но, Виллен, я поспешила привести её сразу, как только мы узнали о её преображении. Мне не хотелось терять время на то, чтобы наводить лоск...

– Что ж, тебе придётся потерять на это время после нашего разговора, – бесстрастно заметил Виллен. – Почему она так выглядит?

– Почти всю свою жизнь она была диким зверёнышем с редкими проблесками связного мироощущения. Но и тогда она жила чьей-то чужой жизнью. Неделию назад она устроила разгром в своей комнате и сама себя покалечила. Мы не смогли до конца понять, что с ней было, но очнувшись, она преобразилась. Это очевидно. Сейчас она так же разумна, как и мы с тобой. И я думаю, что ей очень интересен этот разговор, – закончила Даррина.

– Как твоё имя? – повернулся ко мне Вилле.

– У меня их несколько.

Виллен пожал плечами и посмотрел на Даррину. Она нервно шевельнулась. Я вдруг поняла, что за все время ни Кельстер, ни Даррина не называли меня по имени.

– Никто не знает её имени, оно исчезло из всех возможных источников информации...

– Но вы же как-то называли её, – раздражённо заметил Виллен.

– Никак, – растерялась Даррина. Но я знала, что и она, и Кельстер, находили для меня самые сочные эпитеты. Оказывается, только я помнила своё имя. Непонятно только, как оно могло сохраниться в моей памяти и остаться для всех тайной.

– Если ты согласишься поговорить наедине, я скажу тебе моё имя, – обратилась я к Виллену. Он кивнул и жестом указал Даррине на дверь.

Даррина вспыхнула, её губы обиженно изогнулись, но чётко повторив ритуальный поклон, она вышла из зала, стуча каблуками.

– Итак? – Виллен дождался, пока дверь за Дарриной закроется.

– Сначала я хочу сесть.

– Пока я не сяду, ты будешь говорить со мной стоя, – отрезал он и повторил:

– Говори то, что собиралась.

– Я собиралась узнать, где я и зачем меня мучали всю жизнь. Я хочу знать, что теперь собираются со мной делать. Я хочу знать, кто ты такой, Виллен.

Виллен смотрел на меня равнодушно, без гнева и без улыбки. Похоже, что мои вопросы не показались ему чрезмерным любопытством. Скорее всего, он не раз беседовал с теми, кто испытал «преображение». Слово-то какое вычурное.

– Я верховный иерарх реальностей, – спокойно ответил Виллен.

– Каких реальностей?

– Всех, – бесстрастно пояснил Виллен. В его словах и тоне голоса не было ни тени пафоса или спеси. Он говорил о совершенно естественной, обыденной вещи.

– Только вот они об этом, кажется, не знают, – улыбнулась я. От улыбки ещё сильнее заболела щека и снова захотелось пить.

– В том не наша вина, скорее наша беда, – серьёзно ответил Виллен. – Но все мы здесь живём для того, чтобы они, наконец, об этом узнали. А вернее, вспомнили.

– Ну а я тут при чём? – во рту пересохло так, что казалось, рот и горло выстланы наждаком. Голова заныла, будто полая труба, по которой ударили чем-то железным. Я физически ощущала эту вибрацию и гул.

– То, что произошло сегодня с тобой – событие редкое и долгожданное, – произнёс Виллен. Он смотрел на меня, но то ли бинты и мой неопрятный вид мешали ему разглядеть, в каком я состоянии, то ли моё состояние его совершенно не трогало. Я склонялась ко второму варианту. Между тем, Виллен продолжал:

– Среди нас очень редко рождаются люди с разделённым и рассеянным сознанием. Наша реальность – источник мощной силы для всех миров. Наши люди получают в ней единое сознание. Мы призваны вести за собой и контролировать все витки жизни в каждой реальности, которая существует в общей спирали человеческих цивилизаций. И так было всегда. Но когда-то, вследствие трагической ошибки, мы потеряли физический доступ в иные реальности...

Я поняла, что если повествование начнётся от Адама, то через несколько минут я не выдержу и упаду без сил прямо посреди кабинета. Или верховный иерарх решил, что коль скоро я прошла преобразование, то теперь моё ставшее цельным сознание может выдержать все, и на него можно сразу повесить ворох новой информации? Да, конечно, то, что он говорил, было прямым ответом на мой прозвучавший вопрос, но я уже сомневалась, что смогу переварить все это сразу.

– ...Потеряв возможность перемещаться в реальностях, наши далёкие предки стали искать выход. Стало ясно, что все мы, несмотря на целостность и силу сознания, способны

вступать в телепатические контакты с индивидуумами в любой реальности, но не способны нащупать ни одной двери из нашего Первого мира в иные миры. Одно время даже думали, что все потеряно навсегда. Но никакие трагические ошибки не могут повернуть вспять закон витков жизни. Мы обнаружили, что люди иных реальностей, не имеющие аналогов, могут искать и открывать двери. Сначала это казалось вздорным и нелогичным. Человек, сделавший это открытие, долгое время был презираем и считался невеждой. Но факт остался фактом. Те, кто жил в иных реальностях, могли при определённых условиях открывать двери. Мы же окончательно утратили эту возможность... – Виллен, наконец, подошёл к креслу и медленно сел в него. Я осталась стоять. – ...Позже возникло предположение, что человек нашего мира, имевший аналоги и прошедший здесь преображение, сможет нащупать дверь отсюда, изнутри Первого мира. Каким-то необъяснимым образом опыт жизни в иных мирах должен дать возможность реализовать полностью все созидательные силы личности. Мы же застыли, словно вырождаясь. Цельные, сильные натуры оказались беспомощны перед стенами миров. И вот, безумные, ущербные люди, столь же редко рождающиеся у нас, сколь и единые сознания в других, вторичных реальностях, оказались нашим последним шансом обрести прежние свойства нашей цивилизации. Мы искали таких людей веками. Как правило, мы сразу же помещаем их под наблюдение в надежде, что преображение наступит достаточно быстро. Но увы, за долгое, долгое время у нас ничего не получалось. Имея слишком много аналогов, наши подопечные успевали либо стать глубокими стариками, уже ни на что не способными, либо умирали и вовсе не дождавшись преображения, то есть того момента, когда в их теле воссоединится все сознание целиком. Ты одна из немногих за несколько тысячелетий и первая за несколько веков, кто достиг преображения в столь созидательном возрасте, что у нас появилась серьёзная надежда... Конечно, мы пробовали использовать и другие шансы. Мы искали единые личности, где бы они ни жили, связывались с ними, давали им возможность осознать свои неординарные способности, пытались направить их деятельность в нужное русло. Мы побуждали их не просто витать в облаках своих осязаемых снов, но и открывать двери. Любые двери. Мы надеялись, что таким образом, рано или поздно, они наткнутся на наши стены и пробьют их для нас. На протяжении нескольких веков у нас ничего не получалось. Потом в одной из реальностей нашли очень перспективного мальчишку...

Голос Виллена стал тише и глуше, сначала мне показалось, что это он почему-то изменил тембр голоса, но вскоре все стало ясно – я отключалась. Медленно, стараясь не упасть, я опустилась на пол, поджав ноги. Виллен проследил за мной, прервав на несколько секунд свою лекцию. Затем, удостоверившись, что я смотрю на него и вроде бы слушаю, он продолжил:

– У него был один аналог. Но, к нашей удаче, аналог рано умер в своей реальности, и процесс вовлечения паренька в нашу орбиту прошёл удачно. Парень оказался в высшей степени гипнабельным. Его мозг творил чудеса с окружающими его сознаниями, он освоил телепатию, управление разрозненными частями как свободного, так и частично связанного сознания, даже зомбирование. Он с лёгкостью отыскивал и открывал двери, причём для этого ему не нужно было перемещаться в пространстве: он находил их на достаточно ограниченной территории. И при всем при этом он был настолько внушаем, что нам удалось закрыть от него источник, из которого к нему поступала информация. Путём тщательных манёвров и гипноза на уровне подсознания нам удалось перевести в его распоряжение крупную сумму финансовых средств, и наш подопечный создал на месте своего родного города мощный узел, сплошное сопряжение дверей. Он наверняка достучался бы и до нас... Но все нюансы учесть невозможно, даже если делом занята такая опытная женщина, как Даррина. Парень выскользнул из-под нашего влияния. Так и не вникнув до конца в то, чего и кто от него добивался, он свернул всё. Разрушил всё, созданное не им одним, а всеми нами. И всё

из-за того, что не смог переступить через некоторые лично его касающиеся нюансы, без которых дело наше было невозможно завершить... До сих пор делаются попытки вернуть его обратно к делу, но он отчаянно сопротивляется...

– Лучше вам оставить Валерия Извекова в покое, – оборвала я его рассказ.

Виллен замолк. Глаза его немного, еле заметно сузились. Он помолчал немного, потом порывисто вскочил с кресла и приблизился ко мне:

– Встань!

Я попробовала, но поняла, что не смогу. Он тоже это понял, но прикоснуться ко мне, чтобы поднять на ноги, было, видимо, ниже его достоинства, а тратить время на то, чтобы вызвать охрану, было глупо. Поэтому он опустился на пол рядом со мной и одним пальцем поднял мою голову за подбородок. Единственным незабинтованным глазом я взглянула на него.

– Кажется, я прав. Ты действительно та, кого мы ждали веками. Зачем ты заставила меня рассказывать тебе все то, что знаешь сама? Кто ты?

– Я безумная, грязная девчонка, без имени, без прав, без защиты. Если на меня возлагали такие надежды, почему меня держали в таком скотском состоянии? Почему?

– Не было смысла выдумывать что-то иное, ты не могла бы оценить своё состояние, будь оно даже превосходным, – Виллен пожал плечами.

– Имя давать тоже не было смысла?

– Имя человеку даётся один раз. И оно не должно повторяться. Во всей истории нашей цивилизации не было дано ни одного повторяющегося имени. Имя уникально, как и сама личность. Это в других реальностях миллионы носят одно и то же имя... А мы не могли так роскошествовать и тратить имена на то, чтобы переименовывать безумцев.

– Это сколько же имён надо придумать? – удивилась я.

– Нас здесь мало, около двух миллионов. Первый мир малочислен... И все имена и судьбы известны... Твоё имя было уничтожено при внесении записей. Это странно. И теперь уже ничего нельзя сделать. Тем более, если ты сама забыла своё имя.

– Но я его помню. И я помню высокого сильного человека, который нёс меня на руках и несколько раз повторил его мне прежде, чем передал меня в какие-то чужие руки. Я помню и его, и своё имя...

Я удивилась, когда начала говорить это. Сначала мне показалось, что я снова под чьим-то внушением, но тут же поняла, что это действительно мои воспоминания. Я помнила себя маленькой девочкой, совсем маленькой, лет четырёх-пяти, на руках у пожилого седовласого мужчины. Он бежал со мной по тоннелю. Я вцепилась обеими руками в его плечи и с ужасом смотрела назад, откуда доносился гулкий топот преследователей... Мы спаслись, но он вынужден был оставить меня с какой-то женщиной, перепуганной и безликой, и с юным, но достаточно взрослым парнем. Ни лиц, ни имён этих людей я не помнила. Но того пожилого мужчину...

– Он был высокий, седой и очень крупный, наверное, полный. У него было суровое лицо и жёсткие руки... И ветвистый шрам на запястье...

Виллен нервно дёрнулся, хотя лицо его стало разве что чуть более сосредоточенным. Он подался вперёд и поторопился:

– Ну, ну, дальше...

– Его звали Варскель.

Виллен в задумчивости провёл рукой по подбородку и коротко бросил:

– Кто он был тебе?

– Я не помню. Может быть, я и не знала этого никогда, ведь я была безумна и слишком мала. Но этот мужчина не хотел, чтобы я забыла своё имя. Я – Рэста.

Эффект оказался поразительным. Виллен вскочил на ноги, прошёл к своему месту за столом, протянул руку к пульта, отдёргнул её, снова протянул, опять отдёргнул и повернулся ко мне. Он был... да, он был смущён и растерян. Я видела его всего лишь в течение нескольких, пусть насыщенных, минут, но успела убедиться, что верховный иерарх – человек, теряющий самообладание только в исключительных случаях.

– Моё известие оказалось некстати? – уточнила я.

Вместо ответа Виллен бросился ко мне и, крепко схватив меня за плечи, поднял и поставил на ноги. Я взглянула на него и поняла, почему мне знакомы эти карие глаза. Это были глаза Юры. Сейчас Виллен смотрел на меня так, как смотрел Юрка в те минуты, когда я подвергалась опасности.

– Рэста... Никому пока не называй своё имя. Особенно Даррине. Ты поняла? – он тряхнул меня.

– А в чём все-таки дело? – я попробовала высвободиться, но он держал меня железной хваткой.

– Дело в том, что мне очень повезло. А тебе наоборот. Остальное я расскажу тебе позже.

Он внезапно оставил меня, прошёл к пульта на столе и нажал какую-то кнопку. В зал вошёл один из дежуривших в холле телохранителей.

– Слушаю, Виллен, – телохранитель почтительно склонился. Это был крепкий, немного флегматичный на вид мужчина, совершенно бесстрастно готовый выслушать любой приказ хозяина.

– Вот за эту женщину, – Виллен показал на меня рукой, – отвечаешь головой с этой секунды и навсегда. Ничто другое отныне тебя не касается.

– Да, Виллен, – кивнул телохранитель.

– И горе тебе, если она подвергнется хоть малейшей опасности. Или вдруг исчезнет из твоего поля зрения. Я выбрал тебя, Марсен, потому что ты лучший из всех моих людей.

– Да, Виллен, можешь быть спокоен.

– Сейчас ты выведешь её через второй выход, мимо Даррины. Отведёшь её пока в то помещение, где она содержалась раньше. Затем проследишь, чтобы были готовы комнаты в моем крыле... Отдашь распоряжение, чтобы женщину осмотрел врач и привёл в порядок. Вечером доложишь.

Марсен ничего не ответил, только склонился перед Вилленом.

– Идите, – коротко приказал Виллен и отвернулся от нас. Марсен подошёл ко мне и положил руку на плечо. Я уже была готова склониться под тяжестью этой руки, но она оказалась мягкой и лёгкой.

Несильно нажимая на моё плечо, Марсен повёл меня совершенно в другую сторону от входной двери и подтолкнул к небольшому проёму в дальней части зала. Я послушно шагнула туда, поняв, что мне действительно пока нечего бояться.

Марсен вывел меня в коридор, и снова началась бесконечная прогулка среди разноцветных стен. Марсен молчал, лёгкими пожатиями руки направляя меня. Я видела только неподвижный профиль телохранителя: высокий, слегка покатый лоб, низкие густые брови, глубоко посаженные глаза неопределённого цвета, упрямо сжатые губы. Несимпатичный человек. Хотя это не препятствие к тому, чтобы быть лучшим среди прочих.

– Что это за здание? – спросила я.

Он не ответил.

– Я задала вопрос.

– Я не получал распоряжения отвечать на твои вопросы, – ответил он.

– Но ты не получал распоряжений, запрещающих тебе делать это, – возразила я.

– В этих стенах лишняя информация – дополнительный риск, – отрезал он.

Больше он не произнёс ни слова. Когда мы пришли, наконец, на тот этаж, где хозяйничал Кельстер, я уже еле держалась на ногах. Рыжий Кельстер распахнул перед нами дверь моей комнаты-камеры. Грязи и битого хлама там уже не было, постель была чисто застелена. Войдя следом, Кельстер оглядел меня и сказал:

– Добро пожаловать, всё, как велела Даррина. Теперь ты должна быть довольна... Могла бы и отблагодарить меня за мои старания, как раньше! А?! – противно хохотнул он, не обращая внимания на Марсена.

Мне неожиданно чётко вспомнились грязные потные лапы этого рыжего толстяка, от которых безумной Рэсте негде было спастись, его противное, тяжёлое жирное пузо...

– Теперь-то ты будешь поласковее, а? – продолжал хихикать Кельстер и сдёрнул с меня одеяло, которое я уже едва удерживала на плечах.

Одним рывком Марсен схватил Кельстера за пучок жидких рыжих волос и смаху бросил его на стену. Толстяк беспомощно захрипел и сполз по стене на пол.

– Что ты позволяешь себе в присутствии офицера иерархии? – спокойно произнёс Марсен и резко ударил Кельстера ногой по рёбрам. – Если подобное повторится, убью на месте.

– Я тоже офицер иерархии, – простонал Кельстер, поднимаясь. – И что я такого сделал?

– Убью на месте, – повторил Марсен. – Эта женщина находится под личным покровительством Виллена.

По лицу Кельстера стало ясно, что дальнейших вопросов у него не появится. Я с облегчением поняла, что с постоянными домогательствами тюремщика покончено навсегда. Я сделала попытку набросить на плечи упавшее одеяло, но смешанная волна боли, холода, жажды накрыла меня с головой.

– Мне нужен врач, – пробормотала я, падая на руки Марсена.

Глава 12

– Ты уверена, что можешь ходить? – Марсен словно нехотя подал мне руку, помогая встать с постели.

– Конечно. Можешь сказать об этом Виллену, если это его интересует.

Я оперлась на его руку и сделала несколько шагов. Да, все было в полном порядке. Несколько дней потребовалось врачам Первого мира, чтобы в истощённое тело Рэсты вернулись силы. На мне уже не было грязных неловко намеренных бинтов, но всю левую сторону лица покрывал эластичный лейкопластырь. Все, что мне сейчас хотелось – это взглянуть на себя в зеркало, которое висело на противоположной стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.